

У Р А Л Ь С К И Й 7 • 2002

Снеговым

История
морской
навигации

Вперед,
через
тайгу!

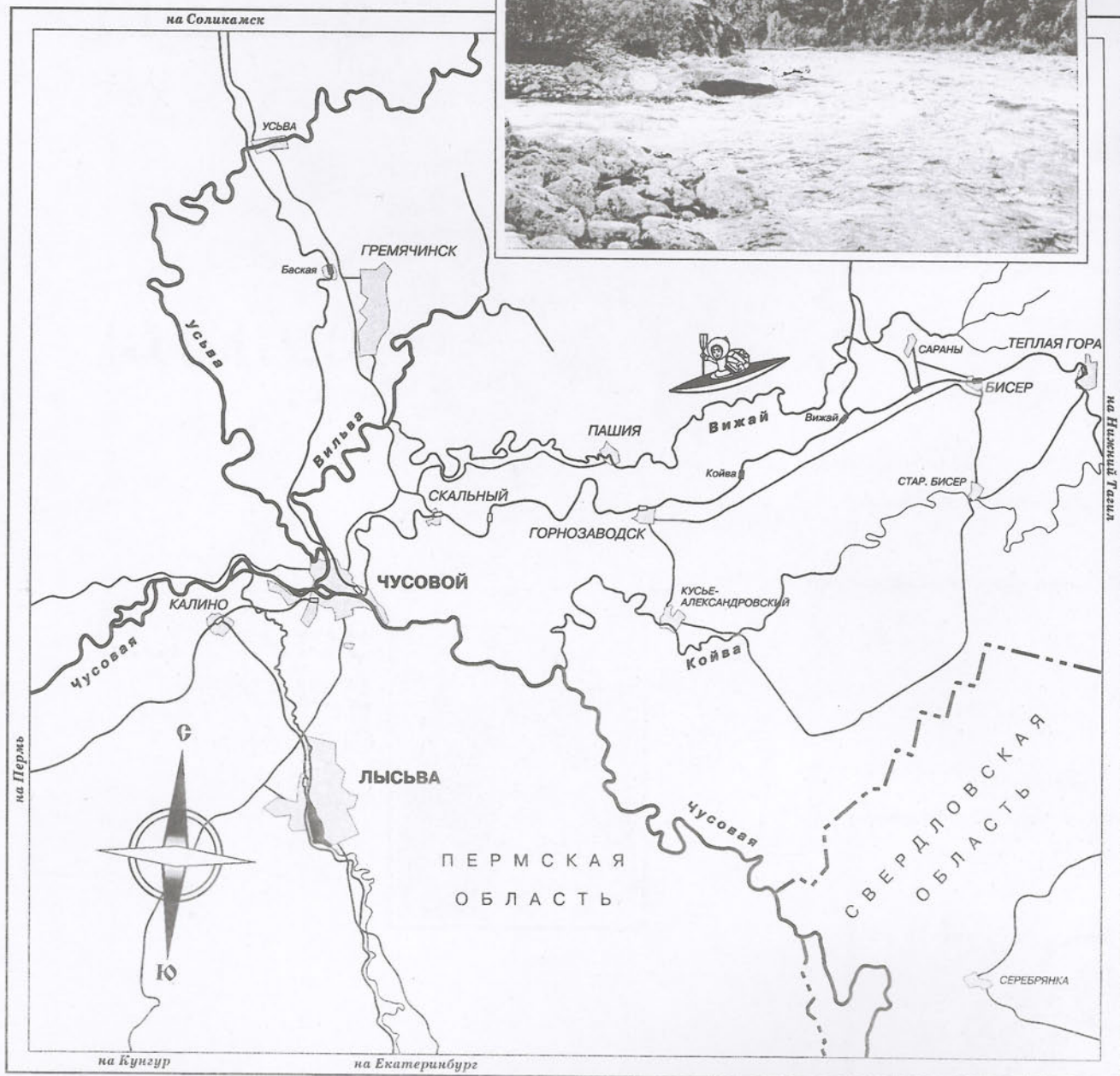
Судьба
уральского
эмигранта

Маршруты Уральского следопыта

Вижай – левый приток реки Вильва, протяженность примерно 150 км. Протекает по территории Пермской области. Категория сложности весной для байдарки – II, отдельные места (Пашийский прижим) – III. Сплав начинается у п. Сараны, заканчивается либо в п. Пашия, либо в г. Чусовом.

Об экспедиции по реке Вижай читайте в разделе «Встречный ветер».

«Хочешь
двигаться —
ищи
попутчика»

УРАЛЬСКИЙ
следопыт

ИСТОРИЯ, ФАНТАСТИКА, ПУТЕШЕСТВИЯ

В номере:

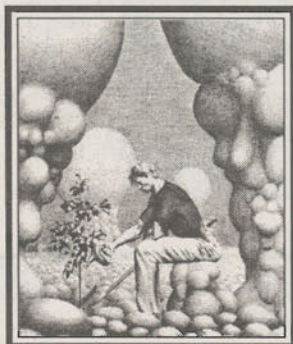
7"2002

Владимир ВЕЙХМАН
Иван ПЛОТНИКОВ
Вячеслав ЗЕЙФЕРТ
Владимир БАЛАШОВ
Галина КОСОЛАПОВА
Евгений ТАМПЛОН
Вадим ТЕЛИЦЫН
Андрей ХАЗОВ
Татьяна СУВОРОВА
Владимир ШИЛОВ
Анатолий СТРАЖКОВ
Эдуард МОЛЧАНОВ
Раиса СТОКОЛЯС

**РЕКА
ВРЕМЕНИ**
СТР. 3-36

Фред АДРА
Сергей УСТЮГОВ
Александр ПАПЧЕНКО

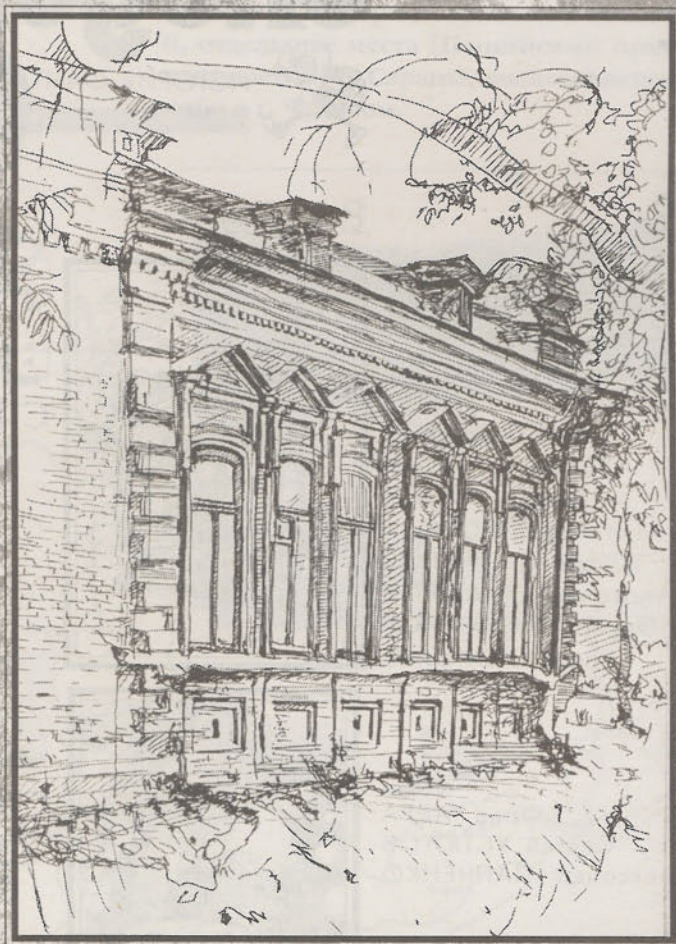
АЭЛИТА
СТР. 37-66

Александр СЕРГЕЕВ
Евгений ТАМПЛОН
Алексей АСАДУЛИН
Александр ПОЛЕЖАЕВ

**ВСТРЕЧНЫЙ
ВЕТЕР**
СТР. 67-80

РЕКА ВРЕМЕНИ

СОДЕРЖАНИЕ:

Новости	стр.3
Владимир ВЕЙХМАН «Сомнерова линия».....	стр.4
Иван ПЛОТНИКОВ «Гибель «расстрельного» дома»	стр.8
Вячеслав ЗЕЙФЕРТ «Судьба миноносца»	стр.10
Владимир БАЛАШОВ «Тропинка к Есенину».....	стр.11
Галина КОСОЛАПОВА «Любовная серенада сверчка».....	стр.13
Евгений ТАМПЛОН «Платонида»	стр.15
Вадим ТЕЛИЦЫН «...выгнать все заводские поселки».....	стр.17
Андрей ХАЗОВ, Татьяна СУВорова «Уральский буддизм»	стр.21
Владимир ШИЛОВ «Откуда пошел Ермак?»	стр.24
Анатолий СТРОЖКОВ «Первый подарок ангела»	стр.26
Эдуард МОЛЧАНОВ «Героев подлинные имена».....	стр.30
«Крест на вершине Народной».....	стр.32
Раиса СТОКОЛЯС «Жена и дочь Арсения Несмелова»	стр.33

ВСПОМНИМ МАЛАХОВА

В июле нынешнего года у нас есть повод вспомнить и почтить память незаурядного человека — Анатолия Алексеевича Малахова (1907-1983), ученого, писателя и краеведа. 95 лет со дня рождения исполнилось бы ему 20 июля.

Что привлекало в его личности и книгах читателя, издателя? Привлекали неистощимая любознательность, «всеядность» — в хорошем смысле слова. И еще — умение поверить чуду, сомнительной версии, рассказу случайного человека. Поверить и, что называется, взять на писательское вооружение. Вот как вспоминает о нем редактор одной из его книг С.В.Марченко: «В разговоре о рукописи, над конкретными страницами, он вдруг открывал замок (портфеля. — Ред.), быстро перебирал бумаги и вынимал очередное свое «сокровище» — запись разговора со старым горняком, или неожиданные результаты чьих-то исследований, легенду о малахите, записанную в вагоне поезда... И «издательский деловой процесс» превращался в увлекательную беседу».

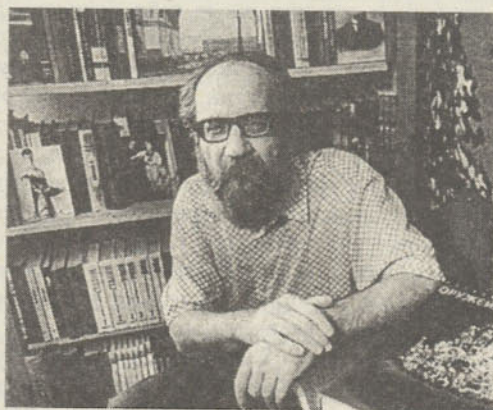
Книги А.А.Малахова удивительно близки нашему «безыдейному» времени, когда каждый ищет в жизни опору, «печку», от которой начать бы «плясать». Не поленитесь, перечитайте или откройте для себя книги этого исследователя и романтика: «Как произошли Уральские горы», «Новеллы о камне», «Каменные грезы», «Знаки бессмертия», «Каменная радуга» и другие, какие повезет найти. Для тех, в ком живет интерес к камню и его тайнам — «прийти» к Малахову никогда не поздно. Его фамилия и название одного из самых «фантастических» камней — малахита — произошли словно бы из одного корня.

Юний Горбунов
Фото. Е. В. Савенко

КАМЕНСК-УРАЛЬСКИЙ. Каменскому историку и писателю Игорю Непеину (ныне он живет и работает в Челябинске) вручена серебряная медаль Петра Первого — «За заслуги в деле возрождения науки и экономики». Награда учреждена международной академией науки о природе и обществе. И.Г.Непеин — 77-й номинант, получивший престижную награду. Его вклад в отечественную историческую науку — около 200 публикаций и 6 книг. Одна из последних работ — «Ясное зрелище уральских заводов» (один из очерков этой книги печатал «Уральский следопыт»).

О.Ломаева

Редакция журнала поздравляет своего давнего автора Игоря Георгиевича Непеина с заслуженной наградой!

На снимке: И.Г.Непеин

ВЕРХОТУРЬЕ. Специальный выпуск уездной газеты «Новая жизнь» издал на свои средства пенсионер Александр Николаевич Кощев. Номер полностью посвящен медведям. У автора, который всю жизнь работает в лесу — на заготовке древесины, добыче живицы — это любимое животное. В газете — стихи, сказки и побывальщины, написанные Александром Николаевичем. На спецвыпуск газеты у автора ушла вся месячная пенсия. Готова у него и книга о медведях для ребят — хорошая, добрая, поучительная.

М.Смышляев.

Владимир ВЕЙХМАН, г. Ашкелон (Израиль)

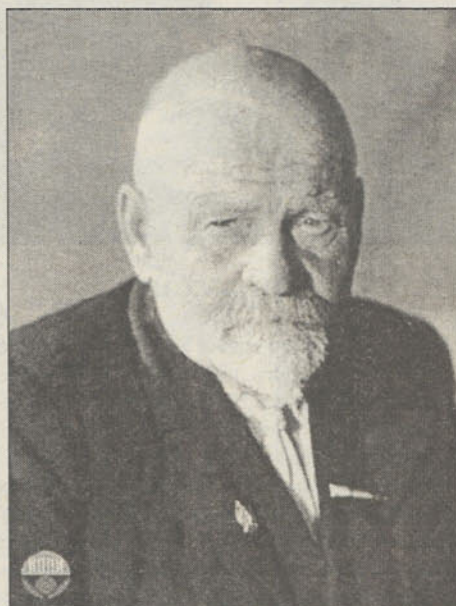
Сомнерова линия

Николай Келль

Жил-был богатый молодой человек — Федор Павлович Рябушинский. Помимо того, что он был богат, он был страстным охотником и любителем путешествий. Нет, не дебри Амазонки и не снега Гималаев привлекали его. Там, далеко, на самом крайнем северо-востоке Российской империи, подобно огромной рыбе, подвешенной за хвост, простиралась с севера на юг неизвестная страна — Камчатка.

«Спасибо Академии студенту Степану Крашенинникову, что он чуть ли не весь полуостров прошел пешком и оставил после себя непревзойденное «Описание земли Камчатской», но ведь более полутора столетий с той поры прошло, — считал Рябушинский. — По площади Камчатка равна Италии вместе с Грецией, да еще Швейцарией в придачу, а мы даже толком не знаем, сколько вулканов в этой стране огнедышащих гор!» Он вступил в контакт с руководителями Императорского Русского Географического общества Юлием Михайловичем Шкоальским и Петром Петровичем Семеновым-Тянь-Шанским, которые деятельно поддержали идею организовать экспедицию по полному и всестороннему описанию Камчатки. Географическое общество оказало содействие в ее подготовке и проведении. Комплексная экспедиция, которая прибыла на полуостров в 1908 году, состояла из шести отделов, или отрядов: ботанического, геологического, зоологического, гидрологического, метеорологического и этнографического, каждый из которых выполнял исследования самостоятельно. Возглавил экспедицию ботаник Владимир Леонтьевич Комаров, будущий президент Академии наук СССР. Финансировавший экспедицию Ф. П. Рябушинский по сложившимся обстоятельствам не смог выехать на Камчатку вместе с ее участниками, а вскоре скорострительно скончался, завещав родственникам довести начатое дело до конца.

В состав геологического отряда экспедиции, на который также было возложено картографическое описание Камчатки, вошел двадцатипятилетний геодезист Николай Келль. За три летних сезона он прошел пешком и проехал на лошади маршрут от мыса Лопатка — крайней южной точки полуостро-

Николай Георгиевич Келль

ва — до залива Корфа в северной его части. Многие сотни выполненных геодезических измерений после их тщательной обработки легли в основу составленной Николаем Георгиевичем первой карты вулканов Камчатки, изданной в 1926 году.

Келль прожил долгую жизнь, но навсегда в его памяти сохранились непроходимые заросли кедрового стланика, причудливо скрюченные стволы каменной березы, идеально прозрачные воды стремительных горных рек, обжигающие холодом, и благостно умиротворяющее тепло горячих источников. А разве можно забыть встречи — нос к носу — с многопудовыми мишками, неповоротливыми сивучами, непугаными лисами-огневыми! Камчатский август — это невероятных размеров белые грибы, хоть косою их коси, это сладкая, как виноград, жимолость — на материке-то кислее ягоды не сыскать, шикша, в каждой ягоде которой заключена крохотная капелька прозрачной жидкости, брусника, простирающаяся огромными полями, — собирай ведрами, не сходя с места... Но, наверное, самое памятное — это то, ради чего сюда приехали геологи с геодезистами, — камчатские вулканы. Если хочешь представить себе картину Земли сразу после сотворения мира — взгляни на

Окончание. Начало в № 6

камчатские вулканы. Если хочешь увидеть самое прекрасное, что только бывает на свете, — взгляни на сияющие под солнцем белые шапки остроко- нечных или сглаженных временем вершин. Если хочешь увидеть самое ужасное, что только бывает на свете, — взгляни на вылетающие из жерла вулканические бомбы, посмотри на текущие из кра- тера неукротимые потоки раскаленной лавы, ощу- ти, как раскачивается под ногами земля, будто хрупкий ялик в полосе штормового прибоя... В пред- словии к своей карте Келль писал: «Всех нас, побывавших в экспедиции Рябушинского на Кам- чатке, далекая вулканическая Камчатка с ее ди- ким простором породнила...»

Среди многих научных трудов Николая Георги- евича, ставшего членом-корреспондентом Акаде- мии наук по геолого-географическому отделению, привлекает внимание работа «Графический метод в действиях с погрешностями и положениями (рас- пределениями)». Да, да, именно развитию идеи, заложенной в методе Сомнера, посвящено это ис- следование специалиста по геодезии и аэрофото- съемке, далекого, казалось бы, от проблем мор- ской навигации. Келль перевел родившиеся в штормовом море соображения на язык геодезии — на- уки, разрабатывающей вопросы создания коорди- натной основы для детального изучения физичес- кой поверхности Земли. С помощью каких бы ин- струментов ни определялось положение точки в море, на суше или в воздушном пространстве, — секста- на, пеленгатора, теодолита, радионавигационной системы, — результаты измерений подвержены большим или меньшим погрешностям, вследствие чего при повторных измерениях одних и тех же величин получаемые каждый раз точки будут рас- сеиваться в пределах некоторой области. Изучение закономерностей рассеивания и свойств соответ- ствующей области обогатило арсенал приложений сомнеровых линий и послужило развитию теоре- тических основ не только определения координат наземных пунктов, но и морской, воздушной, а впоследствии и космической навигации.

Артемий Ющенко

Профессор Ющенко отличался необычностью манер и поведения. Входя в здание училища, он предъявлял в раскрытом виде служебное удосто- верение дежурному у входа, хотя, безусловно, все курсанты, независимо от специальности, не только превосходно знали профессора в лицо, но зна- ли также, что именно он, в отличие от иных, не- временно раскланяется при входе и предъявит удостоверение. На лекции по навигации Артемий Павлович мог прервать сложные математические выкладки и со ссылками на нюансы французской филологии разъяснить, почему слово «меридиан»

пишется через «а», а «меридиональный» — через «о».

Среди курсантов ходила байка, что раз в неде- лю по вечерам собирается терцет: профессор Ющенко — фортепиано, профессор Каврайский — скрипка, а самый старший, профессор Георгий Сергеевич Максимов, носивший редкостное звание генерал-директора Главсевморпути второго ранга — виолончель. Не знаю, правда ли это, однако не- трудно было представить, как бегут по клавиату- ре тонкие, нервные пальцы Ющенко.

Профессор приезжал на кафедру судовожде- ния по четвергам. За своим столом заведующего кафедрой он сидел в форме капитана первого ран- га с украшенной золотым зигзагом поперечной по- лоской на погонах, которая в те времена была ус- тановлена для офицеров в отставке. А на столе ле- жала та самая, легендарная, коробка папирос «Са- мородок». Все курсанты Высшего арктического мор- ского училища знали, что Ющенко курит папиро- сы «Самородок», на крышке коробки которых изоб- ражен сияющий кусок золота. Ни до того случая, ни после него я не видел таких папирос.

Он пригласил меня, второкурсника (слово «выз- вал» применительно к Артемию Павловичу было совершенно неуместно), чтобы вручить свои сооб- ражения по поводу использования возможных со- отношений из аналитической геометрии для созда- ния эллипсографа — темы, которая была закреп- лена за мною в научном обществе курсантов. Эти соображения были изложены на листе голубой ли- нованной бумаги каллиграфическим бисерным по- черком, каждая буква отдельно от другой, с теми особенными, нигде более не виданными мною хи- стиками-черточками у букв «щ» и «ц», которые выдавали натуру энергичную и независимую. Увы, должен признаться, что тему эту я завалил — по недостатку настойчивости и терпения, которые были необходимы, чтобы получить-таки из фондов Публичной библиотеки немецкий журнал с един- ственной оказавшейся в нем статьей о конструи- ции эллипсографов.

Нельзя сказать, что лекции профессора Ющен- ко увлекали всех слушателей. Интонация его нер- вного, ломкого голоса могла даже показаться мо- нотонной, а выписываемые на доске колонки фор- мул и чисел требовали напряженного внимания. Это было движение живой мысли, приглашение к со- переживанию не столько эмоциональному, сколь- ко интеллектуальному, и те, кому удалось это по- стичь, получали истинное удовольствие.

Артемий Павлович не любил вдаваться в под- робности своей странной даже для его бурного вре- мени биографии. А ему-то уж было бы о чем рас- сказать. Сын инженера-строителя Транссибирской магистрали, он приехал в Санкт-Петербург из да-

Артемий Павлович Ющенко

лекой провинциальной Читы. Ему была к лицу ту-журка студента университета, и он беззаветно увлекся своей будущей специальностью ученого-физика, тем более что ему удалось познакомиться с самим «папой Иоффе» — молодым, но уже знаменитым Абрамом Федоровичем Иоффе, и подключиться к участию в его семинаре по новой физике, сыгравшем чрезвычайную роль в развитии физики в России. «Это был самый замечательный семинар, который мне вообще довелось видеть, и ни один семинар не дал мне больше, чем этот...» — писал позже участник семинара Яков Дорфман, тогда студент, как и Ющенко, а потом знаменитый физик, член-корреспондент Академии наук. Об уровне этого семинара можно судить по тому, что среди его участников были будущие Нобелевские лауреаты Николай Семенов и Петр Капица, академик Петр Лукирский, член-корреспондент Яков Френкель... На сохранившейся фотографии участников семинара сделанной Петром Леонидовичем Капицей в 1916 году, худенький Артемий Ющенко сидит между Иоффе и Семеновым.

Но этот худенький молодой человек вдруг круто изменил свою судьбу, поступив в отдельные гардемаринские классы. «Черные гардемарин» — так называли их за черные погоны с двумя белыми полосками — необходимость, вызванная войной. Флоту не хватало «белых гардемарин» — выпускников морского кадетского корпуса, одного из наиболее привилегированных учебных заведений Рос-

сии, в который принимали только детей дворян, и правительство было вынуждено организовать подготовку флотских офицеров из студентов и выпускников высших учебных заведений, независимо от сословной принадлежности.

Гардемаринские классы Артемий закончил в 1918 году, когда закрутилась бурная карусель гражданской войны.

А уже осенью 1918 года Ющенко был направлен на стажировку в Пулковскую обсерваторию для завершения подготовки в качестве гидрографа-геодезиста, как было заведено в те времена. Но первая любовь еще долго его не оставляла. Лев Кокин в книге «Юность академиков» писал: «С осени 1918 года при кафедре физики, где прежде собирался семинар профессора Иоффе, начались регулярные деловые заседания совета Физико-технического отдела Государственного Рентгенологического и радиологического института. На заседании Физического общества встретил своего профессора бывший «семинарист» Артемий Ющенко и тут же получил приглашение в Лесной и «рентгеновскую» тему. Работал он в Пулковской обсерватории. Раз в неделю, закинув за плечи рюкзак, он отправлялся пешком через весь город — пересекал его с юга на север и на несколько дней обосновывался «по совместительству» в Лесном. Ночевать его устраивали в общежитии — места было сколько угодно; что касается дров, то именно в эту зиму были вырублены окружающие Политехнический институт леса».

Однако новая профессия все дальше уводила совсем в другую сторону — на Каспийское море, потом в Северную гидрографическую экспедицию. Его настольной книгой стало «Руководство по геодезии» Иордана, которое он открывал, возгласив: «Обратимся к первоисточнику», всякий раз, когда возникал какой-нибудь спорный вопрос.

Штурману, гидрографу, физики, геодезисту Ющенко было свойственно обостренное чувство нового. Его блестящая и многосторонняя эрудиция позволяла ему едва ли не первому оценить возможности разработанного академиками Мандельштамом и Папалекси совместно с инженером Шеголевым метода геодезических измерений, получившего название «фазовый зонд», и применить их аппаратуру «МПЩ» (названную так по первым буквам фамилий авторов) для морских навигационных измерений. Радионавигационные системы, основанные на этом методе, не один десяток лет обеспечивали высокоточное судовождение во многих морях Мирового океана. Для этих систем Ющенко разработал метод построения навигационных карт, на которых сложные кривые на земной поверхности, отвечающие измеренным величинам, изображались прямыми линиями, подобными линиям Сомнера,

что заметно упрощало процедуру определения местоположения судна.

Но в особенности непревзойденным специалистом Артемий Павлович был в разработке таблиц, предназначенных для обеспечения мореплавания. Под его руководством были созданы Картографические таблицы, изданные Гидрографическим управлением Военно-Морских Сил. Таблицы «Азимуты светил», более известные как «Таблицы Ющенко», несомненно, превосходили все другие известные в мире таблицы того же назначения по удобству пользования, полноте и точности. Не было штурмана, который не оценил эти таблицы по достоинству.

В начале войны Ющенко было поручено ответственное задание: разработать новые мореходные таблицы — основное штурманское пособие, которое используется на каждом военном корабле и торговом судне. Старые таблицы, изданные еще в 1933 году, уже не отвечали требованиям времени. Ющенко блестяще справился с этим заданием. В особенности он гордился принципиально новой таблицей под номером 27 — для решения задачи Сомнера. Компактная, удобная по структуре, обеспечивающая необходимую точность, таблица быстро получила признание моряков. Она была хороша еще и тем, что с ее помощью можно было решать и целый ряд других штурманских задач, чего не позволяли другие подобные таблицы. В послевоенные годы эта таблица вышла отдельным изданием — сначала в 1952, а затем, в значительно усовершенствованном виде, в 1957 году, и уже многие десятилетия остается наиболее подходящей для вычисления элементов сомнеровой линии.

Когда старший товарищ Артемия Павловича профессор Константин Сергеевич Ухов готовил к изданию свой учебник «Навигация», он обратился к Ющенко с просьбой написать раздел о современной интерпретации способа Сомнера. Дальнейшее развитие эти идеи получили в вышедшей в 1956 году монографии «Способ наименьших квадратов» и в учебнике «Навигация», написанном в соавторстве с Михаилом Михайловичем Лесковым и изданном в 1965 году.

Учебник не удовлетворил Артемия Павловича. Профессор жаловался, что издательство беспощадно урезало текст, даже не обращая внимания на появившиеся нестыковки...

Ющенко-преподаватель одно время руководил кафедрой физики в оптико-механическом институте; с 1935 года до конца своих дней осуществлял подготовку судоводителей и гидрографов в Гидрографическом институте Главсевморпути, впоследствии преобразованном в Высшее арктическое морское училище, а затем в Ленинградское высшее инженерное морское училище. В 1952-1955 годах

заведовал кафедрой картографии Ленинградского университета.

Доктор военно-морских наук, заслуженный деятель науки Ющенко был награжден Географическим обществом золотой медалью имени Пржевальского за книгу «Картография».

Но годы брали свое. Он, образец деликатности, еще мог деликатно, но неоспоримо твердо поставить на место любителя поживиться чужими трудами. Он регулярно публиковал в сборнике «Судовождение» коротенькие, но содержательные «Штурманские заметки»...

В последний раз я видел Артемия Павловича, когда докладывал на заседании руководимой им кафедры предварительные результаты своей кандидатской диссертации. Он, казалось бы, внимательно слушал, и когда я закончил свое сообщение, подвел итоги, похвалив докладчика за внесенный вклад в способ соответствующих высот... Мой научный руководитель отчаянными жестами призывал меня не возражать профессору; ведь моя работа не имела к этому способу решительно никакого отношения...

Старая добрая сомнерова линия, которой так много внимания было уделено незаурядными умами на протяжении более полутора сотен лет, честно отслужила свое, уступив место новым средствам и методам, позволяющим определять место судна в море с такой точностью, о которой еще совсем недавно не подозревали даже авторы научно-фантастических романов.

Всему свое время. Старшему поколению надо иметь мужество признавать наступление новой эпохи. Герои нашего повествования умели это делать.

А память о них надолго сохранится на земле, потому что их именами названы горы, которым стоять, быть может, вечно.

На острове Уруп, одном из Курильских островов в Охотском море, возвышается гора Каврайского. Другая гора с тем же названием находится в Антарктиде, на Земле Виктории.

Там же, в Антарктиде, на Земле Королевы Мод, расположена гора Келля.

А гора Ющенко находится на берегу Таймырского залива Карского моря, на полуострове со столь любезным сердцу Артемия Павловича названием — полуостров Штурманов.

Есть еще глубоководная впадина Ющенко — далеко в Антарктике, в пронзительных шестидесятих широтах.

Но даже энциклопедия «Британика», которая знает все, не знает года смерти Томаса Хаббарта Сомнера. И на географической карте мира я не нашел его имени.

Иван ПЛОТНИКОВ, г. Екатеринбург

Гибель «расстрельного» дома

Ипатьевский дом.

Особняк в Екатеринбурге (Свердловске), находившийся на углу Вознесенского проспекта и Вознесенского переулка (ныне — ул. К. Либкнехта, переулок исчез), в центре города, получил историческое наименование по имени его владельца. Дом, как и имя Николая Николаевича Ипатьева, вошли в историю в связи с трагическим событием — расстрелом в ночь на 16 июля 1918 года царской семьи Романовых.

Дом инженера Ипатьева построен во второй половине XIX века. В 1884 году он уже существовал, новенький, судя по фотоснимку, как будто и не оштукатуренный. По Описи 1887 года дом числился за статским советником, горным деятелем И. И. Редикорцевым, потом переходил из рук в руки, а ко времени революционных потрясений принадлежал М. Г. Шаравьеву. Около 1908 года дом приобрел Н. Н. Ипатьев.

По образованию Ипатьев был горным инженером, служил прежде в армии офицером-строите-

лем, вышел в отставку в чине штабс-капитана (его брат — В. Н. Ипатьев — был выдающимся ученым-химиком). Обосновавшись в Екатеринбурге, Ипатьев стал инженером-подрядчиком, занимался предпринимательством и одновременно — активной общественной деятельностью. Избирался в гласные городской думы, входил в различные комиссии. Ипатьев занимал с женой Марией Федоровной (детей у них не было) и близкими верхний этаж многоквартирного дома. В нижнем, полуподвальном, размещались его контора и контора местного агентства по черным металлам, складские, хозяйственные службы. В одной из комнат, где была расстреляна царская семья, был цементный склад. К дому примыкали довольно большой разросшийся сад, занимавший примерно полдесятины, надворные строения, колодец. При советской власти стоявшее рядом с домом служебное помещение верховым переходом было соединено со вторым этажом дома.

После вступления в Екатеринбург белых, дом

Ипатьева, в который он потом заглянул, но не вернулся, «пустовал» — точнее, был объектом расследования дела об убийстве следственными группами А. П. Наметкина, затем И. А. Сергеева, с участием начальника уголовного розыска А. Ф. Кирсты. Вскоре по прибытии в Екатеринбург в октябре 1918 года и заступлении в должность командующего Екатеринбургской группой Сибирской армии Р. Гайды (Гейдля) верхний этаж дома был обихожан и занят им с частью штабной службы. Лично для себя Гайда выбрал ту комнату, в которой проживали Николай Александрович и Александра Федоровна. Когда в январе 1919 года Верховный правитель А. В. Колчак принял решение ускорить ход следствия, сделать его более профессиональным и объективным, общее руководство делом было поручено генерал-лейтенанту М. К. Дитерихсу, а непосредственное — следователю по особо важным делам Н. А. Соколову. Дом (по требованию Верховного правителя) от Гайды был освобожден. Дом передали в ведение городского управления. Ипатьев сдал его, в соответствии с заключенным договором, в аренду за 25 тыс. рублей с получением аванса.

С возвращением «красных» дом Ипатьева, уехавшего во Владивосток, а в дальнейшем эмигрировавшего в Чехословакию, был огосударствлен, и первым его поселенцем стал один из воинских штабов. Несколько лет дом менял «жильцов». Некоторое время там было общежитие Урало-Сибирского коммунистического университета.

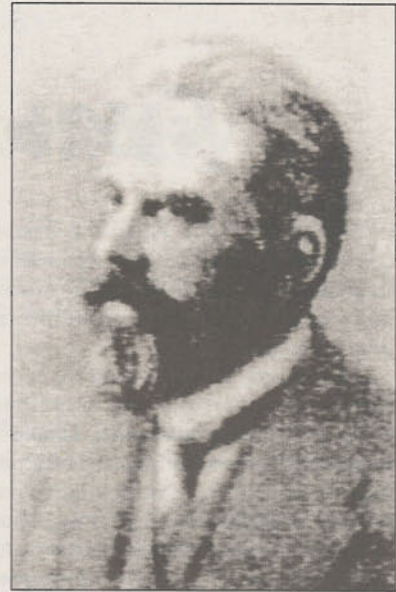
В 1927 году, к 10-летию Октября, в доме открылся Музей революции на Урале (упразднен после 2-й мировой войны). Почти одновременно здесь разместили антирелигиозный музей и Совет безбожников. С 1934 года некоторое время размещался и музей Я. М. Свердлова. Одновременно Ипатьевский дом становится хранилищем-архивом собрания документов о революционном движении, Октябрьском перевороте и гражданской войне. В 1929 году здесь открылся Партийный архив области. В здании обосновался и Институт истории, как филиал Института В. И. Ленина (позднее переименованный в Институт марксизма-ленинизма) при ВКП(б). В 1960-м институт был упразднен, архив переведен в специально построенное здание (ныне — Центр документации общественных организаций Свердловской области). А в доме много лет размещались учебно-консультационный пункт Челябинского института культуры, затем областной отдел культуры, Управление «Союзпечати».

В 1974 году дом Ипатьева взят под государственную охрану, как историко-революционный памятник. Статус «памятника» усилил внимание к дому. Заговорили даже о возможности взять его на учет в ЮНЕСКО. Не угасавший интерес к дому и трагедии, в нем происшедшей, беспокоил ЦК КПСС, высших партийных боссов и местное начальство. В

1975 году дом замыслили снести. 26 июля 1975 года КГБ принял документ — мотивированное поручение Свердловскому обкому КПСС «решить вопрос о сносе особняка в порядке плановой реконструкции города». По проекту Андропова было оформлено секретное постановление от имени всего ЦК, с «поручением Свердловскому обкому КПСС» снести здание.

Свердловское управление КГБ, солидарное с вышестоящим начальством, передало требование в обком партии, возглавлявшийся тогда Я. П. Рябовым, а со следующего, 1976 года — Б. Н. Ельциным. Обкомовцы были «за». Да и могло ли быть иначе: ведь еще 30 июля 1975 года все члены Политбюро высказались за «снос особняка Ипатьева в гор. Свердловске». Дело с исполнением тайного приказа осложнялось формальными соображениями: дом был, как уже отмечалось, памятником истории. Следовало лишить его этого статуса, т. е. действовать через официальную власть — советы, а предварительно — через Всероссийское Общество охраны памятников истории и культуры, начиная с его Свердловского городского отделения, в которое в то время входил и автор этих строк. Общественность, узнав о задуманном, сопротивлялась, протестовала, направляла письма в Москву. Просьбы-протесты оказались бесполезными. Тогда в низах еще не было известно, что все идет из Политбюро ЦК. Совет Министров РСФСР 3 августа 1977 года постановил снять с дома Ипатьева статус памятника истории республиканского значения.

Приближалась 60-летняя годовщина Октября. Партийно-советские власти поспешили. Снос дома Ипатьева был произведен в сентябре 1977 года под общим руководством 1-го Секретаря обкома КПСС Б. Н. Ельцина и председателя облисполкома А. А. Мехренцева. Уничтожилось оно силами стройбата. Хотя схемы-чертежи дома сохранились, он так и не был восстановлен. На его месте завершается возведение Храма-Памятника на Крови Во Имя Всех Святых, в Земле Российской Просиявших.

Н. Н. Ипатьев.

Вячеслав ЗЕЙФЕРТ

Судьба миноносца

31 марта 1904 года в составе отряда русских кораблей вышел в разведку миноносец «Страшный». В туманной ночной мгле он отстал от отряда и, обнаружив в море далекие огни, пошел на сближение с ними.

Но когда туман немного рассеялся, оказалось, что на пути «Страшного» встали два японских крейсера и шесть миноносцев. После меткого выстрела со «Страшного» по одному из крейсеров противника два миноносца ушли к нему на помощь.

У «Страшного» появилась робкая надежда на спасение — он полным ходом ринулся в образовавшуюся брешь. Но враг, обескураженный таким дерзким началом боя, начал смыкать кольцо и увеличивать огонь. Предстоял тяжелый неравный бой с оставшимся крейсером и четырьмя миноносцами. Одним из очередных выстрелов на миноносце «Страшный» снесло капитанский мостик, погиб капитан. Но миноносец, умело маневрируя, уходил от прямых попаданий.

Этот неравный бой наблюдал из Порт-Артура командующий Тихоокеанским флотом адмирал

С. О. Макаров. Он послал на выручку «Страшному» крейсер «Боян».

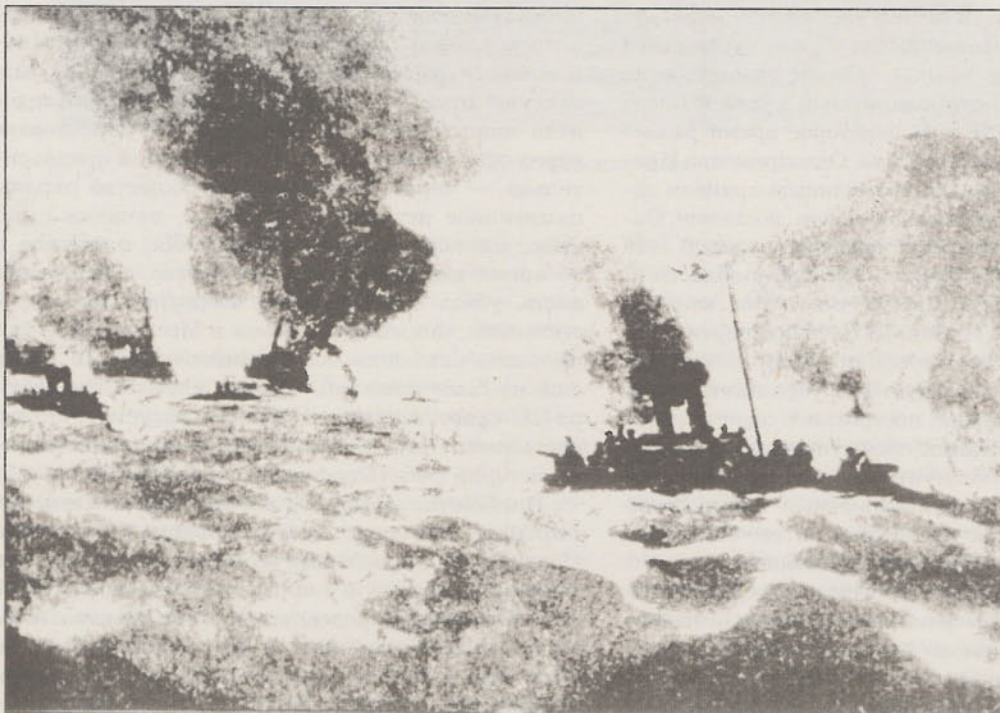
«Страшный» метался, стараясь уйти от огненного смерча. Инженер-механик П. Дмитриев увидел, что у заряженного аппарата упал сраженный минаер, и заменил его, чтобы поразить ближний миноносец противника. Но вражеский снаряд, опередив на мгновение, мощным взрывом поразил заряженный аппарат. Дмитриев погиб.

Уже перебита почти вся команда, но «Страшный» продолжает отстреливаться. Последний, роковой снаряд попал в машинное отделение и остановил ход корабля.

Миноносец, объятый паром и дымом, погружался в морскую пучину. Шлюпками, спущенными с «Бояна», удалось поднять из ледяной воды только пятерых матросов из 48 членов экипажа. Корабль был для них домом, семьей, а для многих стал и братской могилой.

Художник А. Сахаров, отставной офицер, воспитанник Императорской академии художеств, очевидец боя, написал картину «Гибель миноносца

«Страшный». Она демонстрировалась на выставке осенью 1904 года, посвященной русско-японской войне. Выставка проходила в г. Екатеринбурге — на родине героя П. Дмитриева, и вызвала скорбь горожан. Молодого инженера помнили рабочие и служащие местного машиностроительного и судостроительного завода Ф. Ятеса. А горожане знали как заядлого охотника и самодеятельного актера.

Гибель миноносца «Страшный». Картина художника А. Сахарова.

Владимир БАЛАШОВ

Тропинка к Есенину

Владимиру Филипповичу Балашову — актеру, поэту, драматургу — в нынешнем июле исполнилось бы 75 лет. Незадолго до своей внезапной кончины он принес в редакцию «Уральского следопыта», с которым давно и незабвенно дружил, редкую фотографию. Как всегда, восторженно стал рассказывать о своих встречах в Азербайджане...

Впрочем, пусть говорит сам писатель.

Без Петра Ивановича Чагина нельзя представить биографию Есенина.

Чагин — его подпольная фамилия по корню от слова «чага». «Чага» — грузчик по-волжски. А так он Болдовкин.

В семье их — они из Зарайска, земляки Есенина, — было четыре брата. Все ушли в революцию. Михаила спустили под лед в прорубь деникинцы. Николай погиб от рук состоятельных немцев Поволжья во время реквизиции у них хлеба.

Петр Иванович после революции работал на Кавказе секретарем ЦК Азербайджана, а затем стал главным редактором газеты «Бакинский рабочий». Человек образованный, знавший наизусть всего Маяковского, почитавший Есенина, он остался в есениноведении как друг поэта. И действительно, «Персидские мотивы» посвящены ему. О близости говорят и письма к нему Есенина. Он был из тех интеллигентных бакинцев, которые непосредственно создавали вокруг Есенина атмосферу заботы, неподдельного внимания.

Опека над Есениным, при всех радостях общения, доставляла Чагину немало хлопот. По дороге из Батуми Есенина обокрали. Чагин покупает ему новую серую тройку. (Есенин любил изысканные серые костюмы.) Чагин следит за ним в быту. Поэт бывает у него в общезитии партийных работников, а затем живет «как некий хан» на даче в Мардакянах. (Эта дача раньше принадлежала миллионеру Мухтарову. Теперь в ней музей С. А. Есенина).

О самом младшем брате Болдовкиных — Василии Ивановиче — рассказала мне его жена Агриппина Ивановна. Она жила, имея комнату, все в том же доме, где в 20-е годы было общежитие партийных работников. Громадная удлиненная комната. «Вокзал» — называл ее Василий Иванович. В ней — старая

мебель. Мебель двадцатых годов. Дубовая. Крепкая. Стулья с высокими резными спинками.

Обходя комнату, я старался не мешать рассказу Агриппины Ивановны.

— Василий Иванович в те годы работал комендантом советского полпредства в Тегеране. Когда он приезжал, Есенин днями не выходил отсюда. В жаркие часы сидели они вон на том балкончике. Садик через улицу...

Витая кованая решетка балкончика слышала долгие разговоры Есенина и Василия Ивановича. Есенин воображением дорисовывал сказанное Болдовкиным.

Между Василием Ивановичем и Есениным, смею сказать, была близость более душевная, чем ли, чем с Петром Ивановичем. Братья были разного склада и вида разного. Петр Иванович тяжел, Василий Иванович худ и подвижен. И моложе Есенина...

Агриппина Ивановна продолжала:

— Ехали они однажды вместе в Москву. Дипломатический вагон, купе на двоих... Вася мне это рассказывал. Есенина пригласила с собой в ресторан проходившая через их вагон компания. Вася отпустил: что делать? И пошел беседовать к соседям по купе. Часа через два появляется Есенин. Вася уложил его отдыхать. Окно вагонное открыл, чтоб свежее было. И, закрыв купе, снова ушел к соседям. Разговаривают, пьют чай. Вдруг вещи сверху падают — резко, с ходу остановился поезд. Выглядывают в окно — степь. И ночь. А в вагоне шум. Голос Есенина. Выглядывает Василий из купе, видит Сергея Александровича. Тот объясняет начальнику поезда: «Друга нет. Я ложился, окно было закрыто. Проснулся — окно открыто, и его нет. Выпал?» Начальник: «Как выпал?» И тут Есенин увидел Василия. Долго не мог ничего понять, а потом заулы-

бался, расцвел своей улыбкой: «Вася?»

— В Харькове будете платить штраф,
— Начальник поезда ушел. Поезд тронулся...

— Едут дальше, — продолжает рассказывать Агриппина Ивановна. — недалеко от Харькова на остановке в вагон вошла группа рабочих-путейцев: «Верно, что в вашем вагоне Есенин едет?» «Верно».

— Покажите. Есенин выпавшийся, виноватый, со своей стеснительной улыбкой, за которой не было и тени притворства, вышел из купе. Поговорили накоротке. А уходя из вагона, один из рабочих сказал: «Сергей Александрович, вы не бойтесь. Штрафа в

Харькове с вас не возьмут. Уж поверьте нам». Штрафа с Есенина в Харькове действительно не взяли.

Агриппина Ивановна показывает мне редчайшую фотографию. На ней стоят рядом В. И. Болдовкин и Есенин (справа). Фотографию эту мне «для вдохновенья» пересняли работники бакинского музея В. И. Ленина.

Смотрю и не наглажусь на нее. Стоят двое людей. Есенин сложен атлетически, о чем писали и американские газеты. Красив он на фотографии очень.

Застывший миг бакинского дня. Миг вечности.

Миг, бывший когда-то мигом жизни двух друзей.

Позже Роман Владимирович Шейн, мой первый гид по Баку, подарит мне снимок неизвестного стихотворения Есенина «Прощай, Баку». Оно было напечатано 25 мая 1925 года в «Бакинском рабочем»:

*Прощай, Баку! Тебя я не увижу.
Теперь в душе печаль, теперь в душе испуг.
И сердце под рукой теперь больней и ближе,
И чувствую сильнее простое слово: друг.*

*Прощай, Баку! Синь тюркская, прощай!
Хладеет кровь, ослабевают силы.
Но донесу, как счастье, до могилы
И волны Каспия, и балаханский май.*

*Прощай, Баку! Прощай, как песнь простая!
В последний раз я друга обниму.
Чтоб голова его, как роза золотая,
Кивала нежно мне в сиреновом дыму.*

Перед стихотворением на фотографии (я это видел потом и в газете) — слова: «Посв. В. Болдовкину».

Есенинское посвящение.

Открываю 201 страницу I тома трехтомного собрания сочинений Есенина. Стихотворение напечатано *без посвящения*. В комментарии к нему о В. Болдовкине тоже ни слова.

Василий Иванович Болдовкин не обеднел. Обеднела истина. Ибо несправедливость не перестает быть несправедливостью от того, что она маленькая.

Галина КОСОЛАПОВА

Любовная серенада сверчка

Галина Петровна Косолапова, учитель биологии из средней школы пос. Унъюган Ханты-Мансийского автономного округа. Она — отличник народного просвещения — уже более сорока лет учит детей любить и понимать природу. Прежде чем послать свой очередной этюд в редакцию, она читает его своим ученикам.

Множество чудес открывает лето любознательному человеку, пытливому уму. И ходить далеко за ними не нужно: лесная полянка, зеленая лужайка в яркий солнечный день наполнены тысячами голосов. Для нас они сливаются в единый немолчный хор. «Кузнечки поют», — скажете вы, не зная, что порскают из-под ног не одни только кузнечики. Здесь и кобылки семейства саранчовых, и сверчки, живущие каждый в своей норке, строго охраняя ее от сородичей.

А видели вы множество крошечных зелененьких и желтоватых насекомых, как брызги разлетающихся в стороны от каждого вашего шага? Это мелкие цикадки — небольшие сосущие насекомые другого отряда. Поющие цикады — обитатели тропиков. Во многих южных странах их сажают в специальные клеточки из соломинок, чтобы вечерами наслаждаться их пением.

Кобылки издают глухие, скрипучие (как иголкой по бумаге царапаешь), шумовые звуки. Более звонкие, высоких тонов музыкальные голоса у сверчков, сложные трели у кузнечиков. Звуковые органы прямокрылых насекомых по устройству и звучанию напоминают скрипки и цимбалы. «Смычком» — утолщенной жилкой на левом надкрылье, изрезанной наискосок твердыми зазубринками — кузнечики трут об утолщенную жилку на правом надкрылье. Жилка обрамляет тонкую овальную перепонку — «зеркальце», которая, колеблясь, усиливает возникший при трении звук.

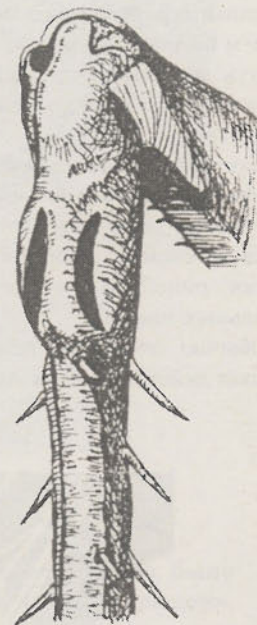
У каждого вида кузнечиков и сверчков свои мелодии. В 1913 году школьный учитель из Вены Иоганн Реген поставил перед самкой сверчка телефонную трубку, новинку по тем временам, а в другом помещении возле трубки стрекотал активный самец. Самка тут же подбежала к трубке, в поисках самца обследовала ее. Реген доказал, что не химические и не зрительные сигналы, а именно призывное пение самца активизирует самку. То есть звуковые сигналы — важнейший способ общения на-

секомых. Поют они вовсе не «потирая руки от удовольствия и переполняющей их радости жизни», как думал Фабр, поют для привлечения самки: призывные песни самцов — и любовные песни уже при встрече с самкой, и территориальные сигналы: «Место занято, уходи!»

Существуют, кроме того, агрегационные, обычно хоровые сигналы: «Собираемся вместе, быстрее! Быстрее!» и боевые кличи самцов, например сверчков, во время битвы, и звуки опасности, и «пугающие» звуки — семь типов звуковых сигналов. У нашего общительного сверчка только три песни: боевая, как свисток милиционера, тихий шелест крыльев самца, встретившего самку, и любовная серенада «гри-гри-гри».

Жуки-точильщики зовут самку, постукивая головой о дерево; клоп-водомерка информирует сородичей, притопывая лапками по воде...

Несмотря на помехи (другие звуки), насекомые без ошибок узнают «свой» сигнал и точно определяют его источник. Это свойство акустики называющее помехоустойчивостью. По ритмическому «рисунку» звуковых пульсов — одиночных коротких звуков — насекомые узнают сигналы сородичей, их

Орган слуха сверчка

смысл. Пульсы объединяются в трели. По временным характеристикам трелей, по длительности и различным закономерностям чередования пульсов и трелей они распознают «родную речь». И звуковую частоту различают, как и позвоночные животные.

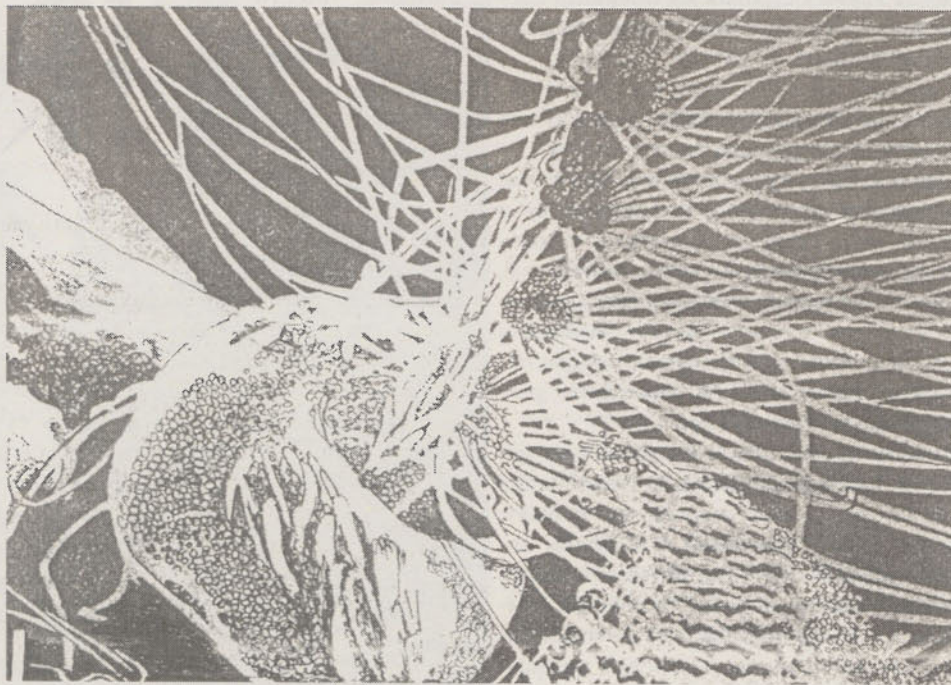
Эти знания нашли практическое применение — созданы акустические ловушки против насекомых-вредителей. Сегодня по их вине голодает каждый четвертый житель Земли и каждый шестой болеет. Если бы уничтожить вредителей на складах и элеваторах планеты, уцелевшего продовольствия хватило бы на целый год для 300 миллионов человек! Создавая эффективные методы управления поведением насекомых, можно их отпугивать или уничтожать энтомологическими ловушками, не отравляя ядохимикатами полезных животных и окружающую среду.

Как слышат насекомые? Их микроскопические уши разительно различаются, располагаются в разных частях тела. Звуковоспринимающей единицей слуха насекомых является СЕНСИЛЛА — нервная клетка, рецептор с отростком в колпачке соединительных клеток.

Обычно сенсилла крепится к мембране, которая под действием звуковых волн колеблется. Вос-

приняв эти колебания, она передает информацию в мозг насекомого; сенсиллы настроены на тот диапазон частот, в котором звучат песни данного вида насекомых. Оказалось, что правое и левое «ухо» насекомого соединены трахеями, играющими роль волноводов, а с ними соединены особые нервные клетки. Они сравнивают импульсы от рецепторов правого и левого «уха» и позволяют определить направление поступающих с разных сторон звуков.

СЛУХОВОЙ ОРГАН КУЗНЕЧИКА — на голених передних ножек (это второй отдел ноги, ее «коленка») есть большие продолговатые щели, затянутые перепонкой, внешне они мало заметны. Щель ведет во внутреннюю довольно обширную полость, в которой расположен так называемый тимпанальный орган, его «ухо». Он построен по типу нашей барабанной перепонки, колебания которой передаются слуховым нервам. Обычно «уши» насекомых расположены по обеим сторонам брюшка сразу за грудкой или на ней самой (у бабочек, мотыльков, саранчи и у некоторых водяных клопов, у цикад). Но у кузнечиков и сверчков — на голених передних лап. Поворачивая в сторону звука одну или обе ножки, наделенные «ушами», они могут быстро и точно определять, в каком месте расположен источник звука.

Орган слуха сверчка под увеличением

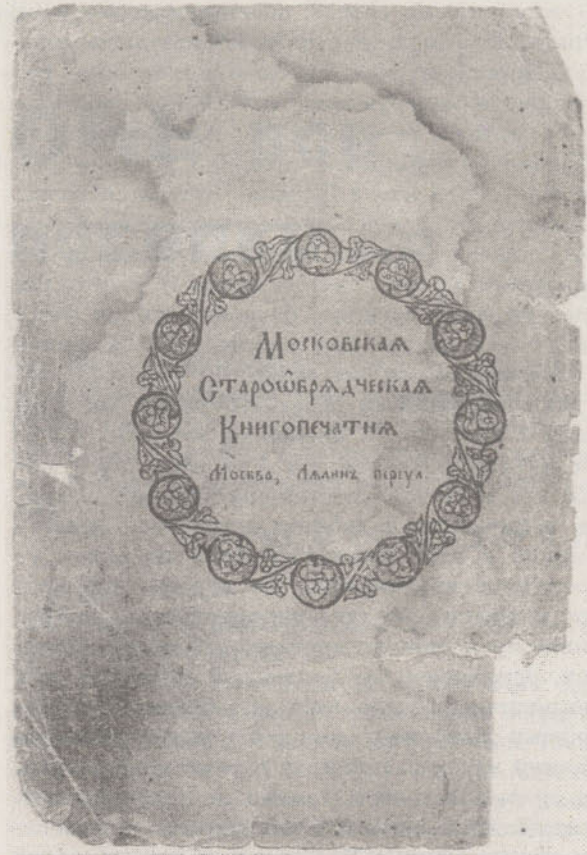
Евгений ТАМПЛОН

Платонида

Бассейны рек Ревда и Серга разделяет горный кряж — Коноваловский Увал. Венчает увал скалистый массив Шунут-камень. Это одно из самых величественных горных сооружений на Среднем Урале. На пять километров с юга на север остроконечные, сложенные древними кварцитами вершины, самая высокая из которых поднимается на 750 метров над уровнем моря.

По среднеуральским меркам это настоящий большой горный хребет. Скалы Шунута поросли девственным лесом. Многочисленные ручьи и речки бегут на восток. К реке Ревде, и на запад — к Серге и ее притоку Бардину. Даже сейчас места эти глухи и безлюдны. И не случайно. Еще в XVIII веке скалы Шунута облюбовали гонимые патриархом Никоном и московской властью старообрядцы. Здесь, на берегах чистых горных ручьев, среди таежной глухомани строили они свои скиты и хранили старую веру, не опасаясь притеснений и преследований сначала со стороны местных воевод, а потом и горного начальства, вершившим суд и расправу по деревням и заводским поселкам Урала в XVIII веке.

Постепенно один из староверческих скитов приобрел в округ широкую известность. Давным-давно из села Краснояр, что стоит на берегу Ревды, в верховьях речки Вольной Ик ушла молодая женщина по имени Платонида. Что заставило ее в юные годы покинуть родное село и обречь себя на затворничество и одиночество среди дикого леса, сейчас сказать трудно; но прожила она у чистого лесного родника до конца своих дней. Долгие годы Платониде удавалось сохранять силы и здоровье. Пережила она всех своих сверстников и спокойно скончалась в глубокой старости. Скорее всего, долголетию старицы способствовали размеренный образ жизни, чистый горный воздух и целебная вода источника, в которой уже в наши дни был обнаружен радон. Раньше о целительной силе радона ничего, конечно, не знали; поэтому родник, у которого проживала Платонида, почитали чудодейственным.

Обложка зачитанной, древней старообрядческой книги.

Поговаривали даже, что это место было «намолено» и было свято у «старых людей», живших здесь до прихода русских поселенцев.

После смерти Платониды к ее могиле началось настоящее паломничество. Вода святого радонового источника в сочетании с глубокой верой придавала силы и помогала в болезнях. Сначала к лесному роднику приходили только староверы из Краснояра да Маринска, но впоследствии святость Платониды признали все православные. Даже в годы советской власти, когда разрушались храмы и святые места были не в чести, про Платониду хотя особенно и не распространялись, но и не забывали. Заглядывали туда туристы по пути к вершине Шунута, местные жители приходили за целебной водой. Побывали у родника и гидрологи. Они-то и определили в воде признаки радона и написали об этом соответствующий отчет.

Но времена меняются. Сейчас Платонида

— это одно из самых посещаемых мест на Урале. И зимой, и летом, несмотря на плохую дорогу, стекаются сюда паломники, верующие и неверующие, христиане и мусульмане со всех окрестных поселков и городов. Желаящие набирают целебной воды — кто во фляжки, а кто в большие бутылки и бочки. Хорошие люди восстановили заброшенную могилу святой старицы, поставили большой деревянный крест. Позаботились и о могилах трех монахов, живших и скончавшихся здесь уже после смерти Платониды. Был расчищен и оборудован сам источник.

Особым днем на берегах бурного Ика считают 9 августа. По преданию, это день смерти матушки Платониды. Тот, кто хочет попросить у святой заступницы что-нибудь кроме водички из целебного источника, должен именно в этот памятный день посетить ее последнее пристанище. На дереве, что растет у могилы, по старинному обычаю, сохранившемуся еще от древних языческих обрядов, оставляют люди цветной лоскуток, как символический дар лесным божествам, с которыми Платонида жила в полном согласии. Размер кусочка ткани не играет особой роли, но согласны с этим далеко не все страждущие. Тайные желания, с которыми паломники обращаются к Платониде, бывают, вероятно, так велики, что на ветвях священного дерева можно встретить не только маленькие разноцветные полоски, но и целые полотенца.

Побывать в глухом таежном уголке у святого источника нужно обязательно. Место это светлое и чистое. Здесь царит покой и умиротворение. Но добраться сюда довольно сложно. Расстояние от платонидиевого источника до центра Екатеринбурга всего километров 70. Первые 60 из них — это шоссе до Ревды (московский тракт) и асфальтированная дорога, идущая от Ревды до села Краснояр. Но последние 10 км — это лесовозный тракт. Он подходит к дороге Ревда-Краснояр перед поселком Мариинск, примерно в километре от него. Спутать его ни с чем невозможно.

Начинается лесовозка очень хорошо, и первые 2-3 км можно спокойно ехать на любой легкой машине; но потом обычную легковушку придется оставить и идти пешком. Примерно на 10-ом километре от асфальта будет указатель и своротка влево, вниз. До Платониды здесь всего метров 200. Немного прой-

дя, вы услышите шум горной речки — это Большой Ик, на левом берегу которого бьет святой источник, покоится прах Платониды и трех безвестных старцев.

Если у вас внедорожник — попробуйте попытать счастья на лесовозной дороге. Опытный водитель, имея полный привод, в любую погоду пройдет трассу за полчаса. Но отправляясь в путь, не забудьте проверить лебедку. По дороге попадается одно болотце, где она может пригодиться.

Если личного транспорта у вас нет, то в вашем распоряжении автобус до Мариинска. С него нужно сойти у той же лесовозной дороги и идти пешком все 10 км туда и столько же обратно.

Посетив Платониду, возвращаться домой не торопитесь. Потратьте пару часов и пройдите по той же лесовозке километра 1,5-2. Здесь справа, у самой дороги, поднимается причудливой формы кварцитовая скала — Старик Камень. Очертания скалы действительно напоминают профиль человека, а старый это или молодой — то зависит от вашего воображения. На камень легко подняться, оттуда откроется широкая панорама на долину реки Ревды и покрытые тайгой склоны Шунут-камня.

Красота таежной природы.

Вадим ТЕЛИЦЫН, г. Москва

«...ВЫЖЕЧЬ все заводские поселки...»

1919 г. Январь

Политическая сводка от 1 января:

«29-я стрелковая дивизия. Недавно сформированный из местного населения и расквартированный в с. Ильинском кавалерийский полк вместе с кулаками повстанцами организовал нападение на наши части.

Изменил также первый Советский полк, состоящий из местных мобилизованных. Солдаты этого полка связали командира полка и Военкома тов. Першина, члена Московского Совета и передали их белым».

РГВА. Ф. 176. Оп. 2. Д. 30. Л. 22.

Февраль

Из политической сводки за 2 февраля:

«В селе Кулыгинском отсутствие сил, могущих поставить советскую работу. Имеется 4 коммуниста. Осенью крестьян, по их словам, терроризировал какой-то комиссар из области, который порол их нагайками и запугал до такой степени, что население теперь боится даже приблизиться к зданию Совета».

РГВА. Ф. 176. Оп. 2. Д. 30. Л. 34.

Доклад политического отдела Военного совета 3-й армии: «Прифронтовая полоса. Население в своей массе крестьянское и настроено контрреволюционно. Классовые противоречия слабо намечены в деревне и малоуглублены благодаря отсутствию правильной агитации. Чрезвычайный налог, мобилизация, учет хлеба, перегруженность, а часто и злоупотребления подворной повинностью, а также дебоширства разного рода местных и проезжающих властей и просто красноармейцев создает как бы единый фронт деревни против Советской власти и облегчает значительно тем работу контрреволюционеров.

Оханский уезд в его Верещагинском районе настроен контрреволюционно. Летом прошлого года район этот был очагом крупного кулацкого восстания, трудом ликвидированного, и до сих пор продолжает

хранить такие контрреволюционные элементы в своей среде. При наступлении белых вспыхивали восстания (Ильшское и другие) или тайное содействие агентам противника и шпионам в его пользу много содействовало белым в их продвижении по направлению к Глазову».

РГВА. Ф. 176. Оп. 2. Д. 29. Л. 272.

Март

Сообщение из Белебеевского и Сенгелеевского уездов Уфимской губернии:

«...Повстанцы совершенно не организованы, действия их не носят характера планомерных операций, вооружены вилами, косами, немного винтовок. По заявлению представителя Восточного фронта Лазарева, «крестьяне озверели, с вилами, с кольями и ружьями в одиночку и толпами лезут на пулемет, несмотря на груды трупов, и их ярость не поддается описанию».

Кубанин М. Антисоветское крестьянское движение в годы гражданской войны (военный коммунизм) // На аграрном фронте. 1926. № 1. С. 41.

Август

Разведсведения:

«Осинский уезд. Настроение удовлетворительное, в волостях же южной части уезда хуже. Причина та, что там много осталось шпионов белых. Последние ведут контрреволюционную агитацию, говоря о скором возвращении белых. Несмотря на приказ явиться всем для регистрации, большая часть их остается в лесу. Часть их вооружена, некоторые из вооруженных групп насчитывают до 200 человек».

РГВА. Ф. 176. Оп. 2. Д. 51. Л. 44.

Сентябрь

Сообщение агитатора Филаретова от 25 сентября:

«Завод Молебский Красноуфимского уезда. При проведении революционной мобилизации было взято вербовочным путем 37 человек, но все разбежалось».

РГВА. Ф. 176. Оп. 2. Д. 53. Л. 40 об. 1

Выписка из доклада Крестьянского отдела по 3-й армии от 15.09 – 15.10.

Окончание. Начало в № 6.

*Поскольку врагов — аж пол-страны,
то надо учиться стрелять...*

1919 г.:

«Екатеринбургская губерния... изъято дезертиров 806 человек, причем из них большинство красноармейцы, оставшиеся при отступлении в 1918 г.

Изъято оружие: до 755 винтовок, 2 пулемета, 10 дробовиков, 39 револьверов, 9903 патрона, 81 шашка, 10 бомб, 45 оуб, 4 траЭбарядв, 1 телеграфный провод 6500 сажен».

РГВА. Ф. 176. Оп.2. Д. 60. Л. 49.

Октябрь

Из частного письма, отосланного из Нижне-Салдинского завода: «Красные жестоко обращаются с жителями по 10, а иногда и больше, прямо голыми убивают и закапывают где-нибудь у навоза. Запрещают звонить в церквях, а просто служить без звона, в церкви все обворовывают; священников расстреливают...»

(РГВА. Ф. 176. Оп.3. Д. 351. Л. 179.)

Из доклада агитатора:

«Северо-Коневская волость, Екатеринбургский уезд. По заявлению самих крестьян, им «все равно, что белые, что красные».

РГВА. Ф. 176. Оп.2. Д. 53. Л. 59.

Сообщение сотрудника 3-й армии Клепикова: «Нижне-Исовская волость Верхотурского уезда. От голода (крестьяне бегут— В.Т.) в Красную Армию».

РГВА, Ф. 176. Оп.2. Д. 53. Л. 182 об.

Ноябрь

Из политической сводки за 5 ноября:

«Никаких восстаний не было, но брожение замечается в отдельных волостях Красноуфимского уезда, где оперируют две шайки, организовавшиеся из

местных кулаков, не желающих встать в ряды армии, дезертируя, ведут агитацию против гражданской войны. Отдельными лицами этой шайки был произведен ряд терактов: ранен военком, убит член продкомитета и партийный работник т. Сольнин. Часть шайки с главарем Бунаковым поймана, другой главарь ранен, но скрылся.

В Ирбитском уезде раскрыт заговор, где принимали участие зажиточные крестьяне, по сведениям заговорщиков было 150 человек, в распоряжении которых имелось 100 винтовок и 2 пулемета. Руководители заговора — офицеры белой армии; оружие обнаружено, 20 человек участников арестовано, в числе которых один офицер.

Красноуфимский уезд богат хлебом, но крестьяне настроены антисоветски и не только не везут хлеб, но местами оказывают сопротивление продотрядам при учете его».

РГВА. Ф. 176. Оп.2. Д. 53. Л. 236 — 236 об.

«Красноуфимский уезд, Златоустовская волость. Подлежащие моонизации заявляют: «лучше помрем, а не пойдем защищать Советскую власть».

РГВА. Ф. 176. Оп.2. Д. 53. Л.247 об.

Из политической сводки за 15 ноября:

«Краснослободская волость Ирбитского уезда. Настроение волости скверное... Здесь живут товарищи из центра, по продовольствию т. Т. Андреев, Чурков и Шалабашкин, которые отбирают у крестьян не только хлеб, но и семена. Тов. Шалабашкин пьет кумышку и пьяный собирает митинги. Население настроено враждебно. На митинге кричали: «Знаем вашу сказку, таких убивать надо». Ведется противосоветская агитация гражданами, в т. ч. и членами Совета».

РГВА. Ф. 176. Оп.2. Д. 63. Л. 128 об.

Декабрь

Из политической сводки за 2 декабря:

«Алмазская волость, Красноуфимский уезд. Дезертиров семь человек.

Приняты меры к задержанию угрозой отчуждения имущества и хлеба таковых.

Быковская волость Красноуфимский уезд. Есть 22 дезертира, родители дезертиров арестованы, а имущество взято на учет».

РГВА. Ф. 176. Оп.2. Д. 63. Л. 137 об.

Из политической сводки за 3 декабря:

«Верх-Сергинский завод Красноуфимского уезда. Члены Комитета РКП отбирают у местных жителей лошадей и отдают их своим родственникам».

РГВА. Ф. 176. Оп.2. Д. 63. Л. 145.

Из политической сводки за 10 декабря:

«Красноуфимский уезд. По уезду 75% населения относится к Советской власти безразлично. Население от всех возлагаемых на него нарядов всячески отлынивает».

РГВА. Ф. 176. Оп.2. Д. 63. Л. 201.

1920 г.

Февраль

Уфимская губ., Мензелинский, Бирский, Белобеевский, Уфимский уезды: «Массы (восставших крестьян, — В. Т.) шли прямо на убой, и конечно, несли сильные потери от ружейного и пулеметного огня».

Цит. по кн.: Сафонов Д. А. Указ соч. С. 239.

Апрель

Оренбургская губ., Краснохолмский район, ст. Кардаилловская: «Устроено массовое гуляние, в котором приняли участие члены ревкома, ячейки и милиции. Демонстративно звучали крики «Да здравствует Николай II», жители столь же демонстративно надевали кокарды и погоны».

Цит. по кн.: Сафонов Д. А. Указ соч. С. 240.

Июль

Башкирская республика:

Был выброшен лозунг: «Да здравствуют большевики, да здравствует вольная продажа, долой коммунистов — партию хулиганов».

Цит. по кн.: Сафонов Д. А. Указ соч. С. 244.

Август

«Приказ 24 (Екатеринбургской Чрезвычайной комиссии)

1) Арестовывать и направлять в распоряжение Губчека для заключения в концентрационный лагерь до 50 человек с каждого уезда наиболее видных контрреволюционеров, из числа пользующихся в антисоветских кругах особенной популярностью, как-то: бывших видных земцев, думцев, черносотенцев, духовенства, крупных торговцев, кулаков и т. п.

2) Аресты производить разом в один прием и с таким расчетом, чтобы ни на минуту не парализовалась деятельность Советских органов и предприятий.

3) На весь элемент, который будет предназначен к аресту, собрать предварительный материал, после же ареста предъявить соответствующее обвинение и дать на месте заключение.

4) В случае покровительства при аресте сограждан развить максимум агитации, указав на то, что главным виновником всех бед, обрушившихся на власть Советов, является именно этот элемент».

Центр документов по новейшей истории Свердловской области (далее: ЦДНИСО). Ф. 76. Оп. 1. Д. 70. Л. 56.

Ноябрь

Из доклада Председателя Екатеринбургского губернского рабочего бюро И.Городнова:

«...все выполнение разверсток в Шадринском уезде фигурировало (?) на угрозах и арестах».

Государственный архив Российской Федерации (далее: ГАРФ). Ф. 5556. Оп.1.Д. 65. Л. 3.

Декабрь

Из отчетного доклада о работе продотрядов со дня организации Бюро в Покровском районе Оренбургской губернии:

«...Крестьяне ознакомились с плетью и прикладом от виштовки»...

ГАРФ. Ф. 5556. Оп.1.Д. 34. Л. 7.

1921г.

Февраль

Из доклада Предрайбюро Куртамышского района Челябинской губернии Зуева от февраля 1921 г.:

«Отнюдь ни один крестьянин не хотел по совети отвести свои излишки на государственные ссыльные пункты, а каждый крестьянин старался скрыть свой хлеб в ямах и закромах...»

Крестьянское население было глухо и слепо, а потому от всех собраний разъяснений и митингов результатов никаких не получалось... благодаря крестьянских упорствий (?) и отрицаний (?) выполнения государственных разверсток приходилось прибегать к самым репрессивным мерам».

ГАРФ. Ф. 5556. Оп. 1. Д. 68. Л. 8.

Март

«Общий обзор повстанческого движения по Тюменской губернии (восстание охватило также уезды Екатеринбургской и Челябинской губерний. — В. Т.) движения по Тюменской губернии.

Продовольственная компания (1920/1921 гг.), которая должна была пройти по Тюменской губернии, не могла не оставить своих последствий, принимая во внимание, что впервые ложится на плечи сибирского крестьянства это тягло, к которому оно не привыкло, а также по своему социальному положению стоит далеко от принципов Советской власти./.../

...В первых числах января текущего (1921 — В. Т.) года [произошло] женское движение по Ишимскому уезду и Ялуторовскому и частичное участие крестьян мужского пола, имеющее место в некоторых волостях указанных уездов.

То восстание не представляло из себя ничего серьезного, основанное на протесте против незаконных (по мнению протестующих) действий подрядчиков.

В массе своей крестьянство глухо волновалось против коммунистов и грубых поступков подрядчиков.

Крупная продкомпания, проведенная без наличия технических и агитаторских сил, не внесла расщепления в деревне уезда, не сделала грани между социальным положением кулака с одной стороны, середняка и бедняка с другой, а вернее своей бессистемностью соединила их.

В начале января началась подготовка к продсменной компании: [которая] должна была дать по Ишимскому уезду 4 1/2 млн. пудов, и эта работа окончательно поставило крестьянство в тупик «бесконечных продразверсток».

Все это как бы послужило сигналом к восстанию целого ряда волостей: Челноковской, Каргалинской, Виштовской и др. /.../

...Все эти протесты явились только прикрытием, главным же вопросом решение которого добивались руководители, эта была организация центр-штаба для направления заранее подготовленного контрреволюционного движения.

При взятии города Тобольска организовался крестьянский совет (состав эсеры и домовладельцы). В передовице выдвинут лозунг «вся власть народу, долой коммунистов!».

Б в возваниях указывает на большие места крестьянину, продразверстку, грубости и дебоширства комиссаров.

...[Происходил] переход части красноармейцев с оружием в руках на сторону бандитов.

При первом нашем наступлении Казанского полка, состоявшего из мусульман, рота этого полка перешла с пулеметами на сторону повстанцев, во вторичное наступление вторая рота этого полка перешла на сторону повстанцев. Остальная часть не решившись переходить, занялась самострелами в руки.

Население многих деревень неохотно шло на призыв мобилизации, но подгоняемые угрозами все-таки шли. Ссыпункты охранялись исправно. Выступление свое (*булгующие крестьяне* — В. Т.) характеризовали словами, что «они борются не против Советской власти, а против коммунистов». /.../

...Настроение населения неопределенно. Принимавшие участие в восстании рядовые крестьяне, напуганы грозящей ответственностью. Настроение остальных выжидательное, чья возьмет.

...Воевать мы разучились. Удивительно, крестьянин, вооруженный дубьем и вилами, разоружал и отбирал пулеметы у наших отрядов. Были случаи посылки орудия, пулеметов, винтовок, которые на фронте не действовали. Общего командования не было. Штаб 2-го полка превратился в помещение пыток и застенок времен дикого деспотизма. /.../

...Мы столкнулись с неподготовленной и деклассированной массой крестьянства, а в худшем случае

замечалось преобладание большинства кулачья.

Крестьянин, как хозяйственник, не мог это пережить без боли, все его надежды мечты были разбиты, для него совершенно не понятна вторичная внутренняя разверстка и семяная, и вот эти вопросы формально обескуражили и возмутили его темную голову, вот что и заставило крестьянина взять вилы против Советской власти.

На внешнюю сторону вопроса продовольствия с излишком было обращено внимания, а на внутреннюю сторону не обратили даже внимания.

ЦДНИСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 141. Л. 1-5 об., 9 об. - 10 об., 12 об., 14 об. -15, 21-23. (Публикуется с сокращениями.)

Июнь

Из доклада Председателя Уралпродбюро П.Т. Платонова:

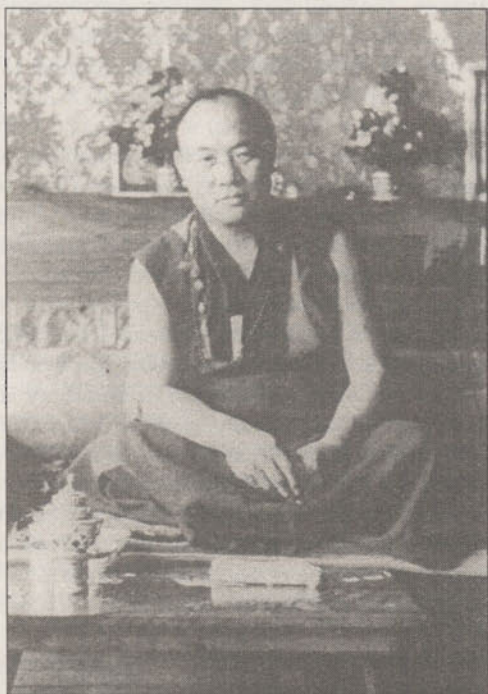
«Настроение крестьян очень враждебное, были случаи, что многотысячная толпа наступала неоднократно на пункты с целью разграбить оставшийся хлеб на пунктах, а также неоднократно при перевозке хлеба с пункта на станции железной дороги в пути крестьяне нападали на обоз и весь хлеб растаскивался и охрана, сопровождавшая этот хлеб, была не в силе (*его уберечь*, — В. Т.) и таким путем хлеб растаскивался. Таким же путем был разграблен хлеб с одного из пунктов, все зависящие меры принимались, но голод в уезде растет, были случаи, что на почве голода крестьяне избивали не только продработников, но и местную власть».

ГАРФ. Ф. 5556. Оп.1. Д. 66. Л. 34.

Когда настала пора собирать урожай, волнения, охватившие уральские губернии, улеглись. Последовавшие новые (после объявления новой экономической политики) либеральные послабления в экономике, позволили большевикам нейтрализовать и участников антисоветских выступлений, и тех, кто их поддерживал. У населения появилась возможность свободно торговать, рассчитываться с государством по твердым налоговым ставкам и проч. Все ударились в хозяйствование. Еще год и населению вернули то, что отняли у обывателя после Октября 1917 года — свободную предпринимательскую деятельность. Экономический либерализм оказался явлением краткосрочным, за это время власть успела перегруппироваться, укрепить свои ряды и перейти — в конце 1920-х гг. — в новое наступление. Урал, как и другие регионы, вновь превратились в арену ожесточенной Гражданской войны (именно так!), по это уже другая история...

Андрей ХАЗОВ, Татьяна СУВОРОВА

Уральский буддизм

Держатель линии передачи буддийской традиции Карма-Кагью, перерождающийся лама Гьялва Кармана

Современная культура Урала складывается из массы отдельных, традиционных для нашего края культур. И неудивительно, что о некоторых из них говорится мало — просто слишком большой объем информации об истории нашей земли надо изучать, а занимается этим слишком мало людей. А потом, когда эти традиции начинают возрождаться — мы, порой, удивляемся: откуда все взялось? Да откуда, из прошлого нашей земли.

Так получилось и с буддийской ступой (символическая модель мироздания), недавно возведенной на горе Качканар. И с буддийским же монастырем, строящимся неподалеку от нее. Не модным иноземным поветрием, это вызвано, а древней традицией малых народов Урала...

На российских землях буддизм впервые появился вместе с монгольскими скотоводческими племенами: ойратами (ныне калмыки) и бурятами. Ойра-

ты, а конкретнее принадлежавшие к ним племена дербетов и торгоутов, перекочевав из Джунгарии в новые земли, в итоге поселились в низовьях Волги, создав там Калмыцкое ханство. Его официальной религией стал буддизм, известный ойратам еще с XIII века. Обширные степные районы нынешнего Казахстана, где калмыки-джунгары пасли свои стада, назывались тогда Калмацкими — так же как и дороги через эти степи, по которым двигались торговые караваны. У них были как кочевые монастыри (их называют хурулы), которые состояли из трех или более особых кибиток, так и обычные, стационарные монастыри. Когда в 1771 г. из-за проблем с царским правительством большинство калмыков откочевали в Китай, Калмыцкое ханство исчезло. А оставшиеся в России 13 тысяч калмыцких семей правительство переселило на реки Урал, Терек и Куму. Про калмыцкий буддизм можно сказать еще одну интересную вещь: там, где калмыки пересекались с шаманскими народностями, учение Будды нередко ассимилировало местные религиозные верования, образуя с ним самые разнообразные, причудливые сочетания.

Причем все это становление национальной религии происходило еще до появления этого народа на Урале, который, кстати, был издавна знаком их племени. Через наши древние горы проходили торговые пути, связывавшие Москву и Сибирь. А калмыки, упоминаемые в хрониках под названием «джунгары», еще до покорения Сибири Ермаком служили в войсках хана Кучума, твердо оберегая свои многовековые воинские традиции. А традиции эти начались с того, что во времена Чингиз-хана джунгары прославились своим бесстрашием, завоевав почетное право — составлять правое, привилегированное крыло войск великого завоевателя. После его смерти этот небольшой воинственный народ, принявший странное для себя миролюбивое религиозное учение, служил ряду различных правителей (в основном, мусульман), неизменно составляя серьезную военную силу. И хан Кучум, вербовавший в свои войска представителей разных народностей (татар из Волжской Булгарии, вогул, манси), особо отмечал калмыков. Позднее, как бы следуя этой традиции, русские цари тоже выде-

ляли их за доблесть. Например, Николай II отбился из числа калмыков особо доверенных воинов — для того чтобы те являлись его телохранителями.

Если бы роды калмык-джунгаров, бывших на службе у Кучума, выступили против Ермака — его поход был бы оплачен неизмеримо большим количеством жизней казаков. Но калмыки, опять же традиционно, державшиеся независимой политики, решили остаться в стороне, уйдя из войск хана. Они уже имели контакты с русским царем, отправив в Москву посольство, целью которого было получение кошта — то есть разрешения на выпас калмыцкого скота в принадлежавших России огромных прикаспийских степях. Право на кошт было ими получено буквально через несколько лет после завершения похода Ермака. И дальше их отношения с русскими складывались, в основном, вполне по-добрососедски. Как правители Сибирского ханства в свое время не мешали джунгарам отправлять свои священные буддийские ритуалы на Урале, так и правительство православного государства чаще всего придерживалось в их отношении достаточно веротерпимой политики — за исключением событий 1771 года. Не происходило никаких существенных конфликтов на религиозной почве. Единоверцами калмыков являлись буряты, которые придерживались той же самой буддийской школы — Карма Кагью, сформировавшейся еще в древнем Тибете.

Но вернемся к тем временам, когда калмыки уже заново обосновались на Урале. До 1868–1874 года их религиозной жизнью управляла уральская войсковая канцелярия. Именно она назначала людей, являвшихся претендентами на духовные буддийские должности. Но после введения Положения об управлении степными областями (1868 г.) и Положения об общественном управлении Уральского казачьего войска (1874) эта обязанность перешла к Уральскому областному управлению. Здесь надо отметить то,

что в реальности казачество тех времен являлось достаточно разнородным по исповедуемым казаками религиям. Большинство из них действительно были православными, но встречались и буддисты, и католики, и лютеране. Такая разнородность вер была естественным следствием большой изначальной разнородности казачьего сословия.

Однако, увы, полной религиозной идиллии не существовало. В Оренбургском крае калмыки под руководством Аюки-хана Баксадая-Дорджё (в крещении — Петр Тайшин) поселились в Ставрополе на-Волге (ныне г. Тольятти) в 1709 году. А в 1771 году в Ставропольском уезде было крещено 14 тысяч калмыков. И почти сразу же среди них начал распространяться «тайный буддизм». Древний культ, ставший запретным, упорно отправлялся в «тайных хуралах». В 1780 году этих калмыков подчинили оренбургскому губернатору. Когда в 1842 г. Ставропольское калмыцкое войско было упразднено, калмыков переселили в Оренбургскую губернию. И все это время традиции «тайных хуралов» продолжались. Так, зафиксировано, что в 1847 г. в станице Кулевчинской гелюнг Чжева и еще 6 человек тайно праздновали буддийский праздник Зул. За это их посадили в тюрьму г. Троицка, дав каждому по 3 года срока. Негласное поклонение древней вере у калмыков продолжалось вплоть до первого десятилетия XX века — когда после 1905 года

Продолжение древних традиций. Первоначальное здание нового буддийского монастыря на горе Качканарю

среди оренбургских калмыков началось массовое движение за переход в «свою» веру. Буряты же вообще не испытывали притеснений, связанных с буддийской религией — к какой бы из ее ветвей, Карма Кагью или (позднее) Гелугпа, они ни принадлежали: в свое время Екатерина II официально признала буддизм религией своих подданных. Это было выгодно — ведь в то время именно бурятские и тувинские купцы держали монополию на торговлю России с Монголией, Китаем и Тибетом.

Ее значимость видна хотя бы из того факта, что на ежегодной ярмарке в Кунгуре цены на все российские товары устанавливались исходя из стоимости китайского чая, привозимого с первым караваном. Но все это было оборвано октябрьской революцией, которая задавила все религиозные и духовные традиции, бытовавшие на территории России.

Сегодня, в конце XX — начале XXI века, происходит возрождение всех форм духовного наследия наших предков. И тот самый буддийский монастырь строится на горе Качканар, на том самом месте, где во времена хана Кучума калмыки совершали свои обряды.

Традиции, якобы исчезнувшие, оказываются вполне живыми и возвращаются. Наша Уральская земля не хочет отказываться ни от одной части своего прошлого — какой бы малоизвестной и

Создающаяся буддийская ступа (модель мироздания) и ее первостроитель М. В. Санников, он же лама Тончен Докшит.

якобы незначимой та ни была.

Проходят эпохи, правители, истощаются месторождения полезных ископаемых, закрываются заводы; но остается земля, славная своей исторической самобытностью. И эти сохраненные традиции притягательны, ценны и для потомков, и для будущих гостей края — найдется, чем гордиться и что показать. Сделать Урал туристической Меккой — это в наших силах.

Журнал «Уральский следопыт» совместно с Уральским рекламным агентством

издал приложение к журналу —

справочник «Учебные заведения города».

В справочнике дана информация о местонахождении и контактных телефонах средних, средне-образовательных, высших и дополнительных учебных заведений г. Екатеринбурга.

Это издание полезно для всех тех, кто всерьез занят как собственным образованием, так и образованием своих детей.

Этот справочник будет переиздаваться ежегодно!

По вопросам размещения рекламы в справочнике обращаться по адресу:

г. Екатеринбург, ул. Декабристов, 67. Тел.: 22-45-01.

Владимир ШИЛОВ

Откуда пошел Ермак?

*Памятник Ермаку в пос. Орел.
Рядом с памятником - автор статьи В. В. Шилов
Фото Игоря Фалько*

У канувшего в Лету Орла-городка* есть тайна, связанная с именем известного всем россиянам Ермака Тимофеевича. Действительно ли он 1 сентября 1581 года (по версии доктора исторических наук Р. Г. Скрынникова — 1 сентября 1582 года) пошел покорять Сибирь из Орла-городка?

Во-первых, сразу нужно оговориться, что личность и биография самого Ермака до сих пор остаются загадочными для историков. Его происхождение и его деяния окутаны множеством тайн и легенд.

В литературе о Ермаке и «завоевании Сибири» вроде бы пишется однозначно: «В 1579 г. Строгановы приглашают на службу волжских казаков во главе с Ермаком. По мнению некоторых исследователей, под этим прозвищем был известен уроженец Урала, работавший ранее на строгановских караванах, Василий Тимофеевич Аленин (сведения о том, что Ермак был выходцем из строгановских чувоских вотчин и носил фамилию Аленин, содержатся в летописном «Сказании Сибирской истории», найденном в конце XIX века пермским историком А. А. Дмитриевым), бежавший от подневольной жизни на Волгу и возглавивший там отряд казаков. Поход Ермака, продолжают авторы учебного пособия «История Урала», не являлся случайным набегом. Он был тщательно подготовлен самим Ермаком с помощью Строгановых, которые, организуя этот поход, преследовали свои интересы. Окончание льготы лет на камских землях и угроза нападения из Сибири заставили их ускорить подготовку завоевания зауральских земель при поддержке царя».

Известна интересная царская грамота (от 16 ноября 1582 г.), которая явилась ответом на жалобу воеводы Пелепелицына из Черды-

* См. очерк «Загадки Орла-городка», «Уральский следопыт» № 2 за 2002 г.

ни. Воевода доносил царю, что 1 сентября его крепость подверглась атаке сибирских людей и пелымского князя, а Строгановы не помогли ему в беде, и в самый день штурма послали Ермака «воевать сибирские места».

Получив донос Пелепелицына, Иван Грозный пригрозил Строгановым опалой и велел вернуть казаков из похода. Но вскоре мнение царя о самовольстве Строгановых изменилось, так как «упавшая с неба Сибирь» (выражение Н. М. Карамзина) как бы уравновесила трехлетние военные неудачи в Ливонской войне.

Таким образом, с одной стороны Строгановы действительно были кровно заинтересованы в «покорении Сибири» (новые земли, возможно, опять с налоговыми льготами, прекращение набегов на их вотчину вогулов), и поэтому они вроде бы должны были не только призвать Ермака с дружиной, но и хорошо его подготовить к этому походу; а с другой стороны, учитывая действительно «грозные события» в Прикамье в начале 80-х годов XVII века, вряд ли они хотели отпускать из своей вотчины казаков.

Остается открытым и вопрос о том, откуда со своей дружиной отправился Ермак в свой бессмертный поход: из Орла-городка или из Нижнего Чусовского городка? У той и другой версии среди современных краеведов есть свои сторонники.

Автору этих строк довелось в Государственном архиве Пермской области (ГАПО) просматривать личный фонд Ф. А. Волегова (1790-1856). Федот Алексеевич был летописцем Строгановых, свои последние двадцать лет служил управляющим в селе Новое Усолье. Его перу принадлежат «Исторические сведения о графах Строгановых», «Историко-статистические таблицы на Пермские имения гг. Строгановых», «Родословная господ Строгановых», «Усольская летопись»... Так вот, Ф. А. Волегов решительно

считает, что поход Ермака начался из Орла-городка.

Вслед за Волеговым это же утверждают и лесничие Строгановых в XIX веке, известные собиратели древностей на строгановских землях отец и сын Теплоуховы.

Как бы там ни было, а в 1981 году в поселке Орел был торжественно открыт оригинальный памятник Ермаку. Четыре заостренных ствола «вечного» дерева — лиственницы, напоминают фрагмент стены бывшего укрепленного Орла-городка и символизируют четыре века, прошедших с начала похода. На одной стороне памятника изображен лик Ермака, а на другой — на щите с мечом и скрещенными боевыми топорами начертано: «Отсюда в лето 1581, нагрузив ладьи оружием и припасами, прибрав себе дружину малую, пошел Ермак на покорение Сибири».

Старинная гравюра из «Кунгурского летописца», повествующая о походе Ермака.

Первый подарок ангела

За последние сто лет яутляне, жители деревни Яутла на севере Курганской области, очень изменились даже внешне. Году в 70-м теперь уже прошлого века я в колхозном клубе перед началом киносеанса прошел между первым рядом и экраном, чтобы увидеть лица земляков. И физиономии их меня не порадовали. Народ измельчал и подурнел. Как бы за эти слова меня не побили земляки-одногодки, когда опять появлюсь в родной деревне. Спасет, может быть, только то, что все сказанное относится и ко мне самому.

Дед мой поражал односельчан своей мастеровитостью. Отец, Строжков Иван Абросимович, дай бог ему в добром здравии пожить подольше, мог только рамы вязать. Я же не сработаю и форточку. А уж о внешности и говорить не приходится. Смотрю на фотографии отца, которые он в тревожные годы войны присылал домой, и вижу статного, красивого, подтянутого военного. Сравниваю с собой во время моей службы в армии и замечаю, какой я нескладеха в кургузой шинелишке.

Ну нет в нас орлиной стати, и кто назовет все причины этого? Тут и первая мировая война, и революция, и расстрелы первых коммун в Чистиках — необыкновенно красивых рощах на западе Яутлы, и казни колчаковцев на том же месте, и раскулачивание, и Великая Отечественная, и уральские радиационные выбросы, и наземные взрывы атомных бомб в Оренбургских степях, и химизация сельского хозяйства, и другие напасти...

Вот свидетельство Афимьи Корниловны Бушуевой, которая работала во время войны секретарем в Яутлинском сельсовете и отвозила призывников в Шатровский райвоенкомат. Первые партии были укомплектованы рослыми, дюжими, крепкими ребятами. Военком прохаживался перед строем, поглядывая на молодых богатырей снизу вверх и не мог надивиться их могучей stature. Но последующие новобранцы были все скромнее и скромнее.

До первой мировой войны жители Яутлы

мирно пахали и сеяли, вволю пили свежее молоко, питались хорошим мясом, в изобилии имели творог, сыр, сметану; у всех были чистые лица, ровные зубы и отменное здоровье. Вот тогда, в те неторопливые времена, когда и знать не знали об озоновых дырах, смоге, СПИДЕ и раке, в доме Тимофея, что стоял недалеко от ложка по дороге на Одину, родилась девочка. Дочка росла и достигла той поры, которую с улыбкой называют молочно-восковой спелостью. Все любовались ее милой красотой. Этим в те годы никого не удивишь, но маленькая Агашка была на удивление хороша. Брови вразлет на чистом удлинённом личике, точеный профиль, аккуратный носик, и глаза, глаза — погибель для ребят. Люди — и стар, и млад — озарялись светом ее взгляда и не смели никому уже в течение дня сказать грубое слово.

Послала мать однажды дочку во двор вынести в ведре пойло теленку. А теля-хвостомеля не умел еще пить из ведра. Надо было сунуть ему в тупогубую морду палец. Теленок начинал его сосать шершавым ртом, а потом — прихлебывать и пойло.

За этим занятием юную соседку и застал Викул, который пришел к Агафьиным родителям за каким-то делом. Викул был постарше Агафьи и доводился ей даже каким-то дальним-предальним родственником. Девочка смеялась над неловким теленком, который, взбрыкивая, то и дело терял ее палец. Глянула своими чистыми глазами-озерами на Викула, и тот совсем впал в растерянность и изумление. Ему показалось, что от одного взгляда Агафьи повеселел заплот, а ворота сделались нарядней занавески.

Тут на крыльцо вышла мать Агафьи, увидела бестолково стоящего Викула и напустилась на него: «Викша, какого лешака девке мешаешь? Проходи в избу, не смущай Аганьку. Не видишь, она делом занята!»

Годы шли, Агафья заневестилась, и сыскали ей жениха то ли из Помаловой, то ли из Хандориной. Парень — красавец высокий, компанейский, уважительный. Вся деревня

перебывала в доме у Агафьиных родителей не столько за тем, чтобы попробовать ядреного травничку, хмельной медовухи и густого домашнего пива, сколько для того, чтобы, встав у дверной притолоки, полюбоваться живой картиной статного жениха и красавицы Агафьи под фатой с живыми цветами и в свадебном платье.

А деревенское пиво для гостей раньше готовили по особому рецепту из ячменного солода, и оно получалось мягким на вкус, слегка хмельным и очень густым. Если покачать фарфоровую чашку с пивом, то оно не спешило сползать с ее стенок. У каждой хозяйки были свои секреты приготовления деревенского угощения и, соответственно, напиток у каждой был на свой вкус и аромат.

Выпили за здоровье молодых и Викул с Саввой — два друга, два соседа невесты. Савву Логантьевича яутляне, наверное, помнят. Он работал в «Заготзерно» столяром, был уважаемым, спокойным человеком и мастером на все руки.

Отплясала свадьба, началась обычная жизнь молодой семьи с ее заботами и хлопотами. Но молодой хозяин был предприимчивым человеком и задумал кое-какое дело. Надо заметить, что яутляне никогда не были домоседами. Многие уезжали на Олекму — правый приток могучей Лены — на золотые прииски. Кто был помоложе и побойчей, да с умом и осмотрительностью, те возвращались с удачей, строили каменные кладовые, приобретали выездных рысаков, ставили большие двухэтажные дома под железом с потолка, утепленными кошмой, и толстым слоем скотоволося между двойными полами.

Агафья с мужем тоже решили податься на Олекму. А что? Муж пробивной, деловой, оборотистый. Почему бы и не съездить за удачей и богатством? Молодые посудили, порядили, посоветовались со стариками и отправились на другой конец России попытать счастья.

Прошел год, прошел другой, грянула Первая мировая. В 1915 году стояли на позициях против немцев в г. Двинске Коркин Фирстон

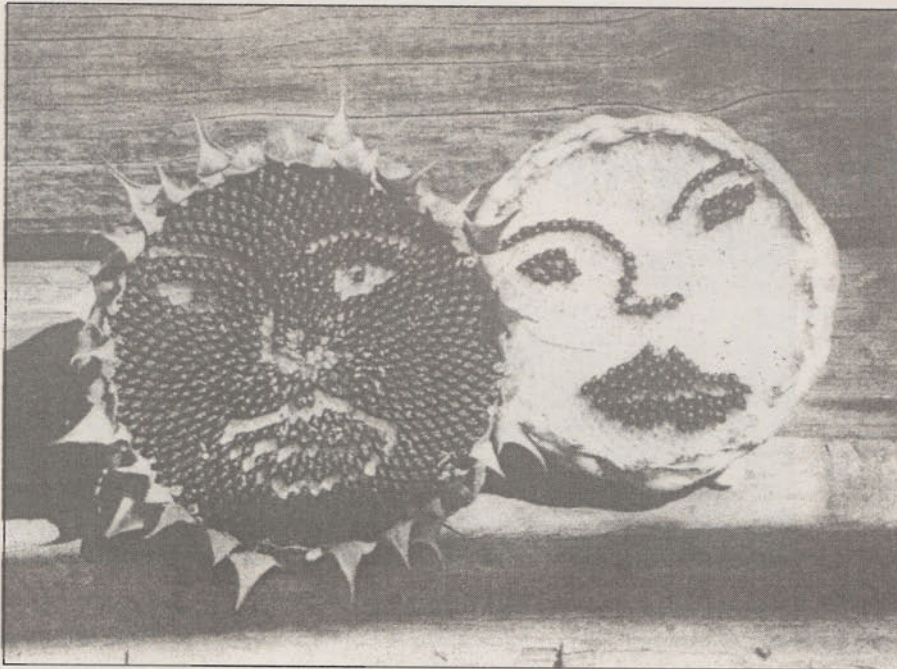
Л. Перминов. Деревенька

Ефимович, Невьянцев Никита Васильевич и дед мой, Строжков Абросим Андриянович. Ушел на войну Шевелев Калистрат Семенович, ушли и многие другие деревенские мужики.

Яутляне помнят благообразного богатыря Калистрата Семеновича, который в 50-х еще годах выкашивал ежедневно на колхозных покосах чуть ли не по полтора гектара. Он вернулся с германской войны с Георгием на груди. Правда, Маремьяна Агаповна, боясь гнева господня, закопала георгиевский крест мужа на огороде.

Но вернемся к нашим супругам. На Олекму вслед за ними, спустя какое-то время, уехали и Викул с Саввой. Время бежало, бурные события тех лет отвлекали людей от бытий деревни. По прошествии нескольких лет вдруг в деревню вернулись повзрослевшие Викул, Савва и Агафья без мужа. Возвращение их было странным. В облике парней не было такого молодечества, а Агафья совсем была подавлена какими-то своими переживаниями.

Все трое первым делом явились к родителям Агафьи. После разговоров с ними ее отец и мать тоже впали в тоскливую задумчивость, которая совсем придавила стариков. Приставания односельчан к мужичкам и даже совместные выпивки с ними ничего не дали. Было объявлено, что муж Агафьи погиб. Ну погиб и погиб, на все воля Божья. И своим

А. Занкин. «Иван да Марья»

чередом потекла обыденная жизнь приехавших.

Отец Агафьи со временем поставил ей избушку напротив дома, где сейчас живет Евдокия Григорьевна, муж которой, Кузьма Яковлевич, умер не так давно и совсем еще не старым. Уходят люди.

Агафья жила рукодельем, ткачеством, шитьем. Постепенно она опять шуткой и улыбкой стала радовать всех, кто с ней общался, и каждый заметно добрел после этой встречи. Бывают же такие душевные люди, от одного разговора с которыми становишься приветливее и лучше.

И тут Агафье начал оказывать особое расположение один парень. А дело было уже после революции. Парень был моложе Агафьи, но считал, что женщина с нежным голосом, доброй душой, красивая и скромная, дороже всего золота мира. Он объявил об этом отцу. Отец очень-то не одобрил выбор сына: она — старше, она — женщина. Что, парню девок мало в Яутле?

Но парень был не в силах противиться сердечному влечению и, чтобы не утруждать семью имущественными просьбами, одел фуфайку, взял рукавицы и топор и пришел, в чем был, к Агафье в избушку. Парень был рассудителен, уживчив, работающ, и жизнь

новой пары стала налаживаться. Тут началась гражданская война. В Чистики — красивое место с березовыми колками — привезли на нескольких телегах связанных участников первых коммун и кого закололи пиками, кого зарубили саблями. Прошло время — и самих палачей на этом же месте расстреляли красные.

Я помню, в этой стороне росла крупная лесная смородина и вызревал полевой лук и чеснок. Нам, ребятишкам, было удивительно, что перья лука и чеснока могут расти на лужайках безо всякого ухода. А

земля, несмотря на людское безумие, продолжала дарить людям свои плоды независимо от того, белый или красный, бедный или богатый пользовался ее дарами. Вскоре по повелению Троцкого начали комплектовать трудовые армии. И молодого мужа Агафьи мобилизовали на тяжелые работы. А кормежка была скудная, условия лагерные, и парень постепенно угасал, и в конце концов помер от голода и непосильной работы.

Помнят ли яутляне Кремневу Елену? Каждый, кто видел ее фотографии, согласится, что никакая артистка не сравнится с ней ни красотой, ни благородством, потому что она являла собой тот тип красоты яутлинских женщин, который сформировался на протяжении многих поколений в здоровых природных условиях, при хорошей пище, размеренном труде и достаточном отдыхе. Ну, а сына ее Аркадия Николаевича все помнят. Он в 70-е годы, естественно, прошлого века, был председателем Яутлинского сельсовета. Помните, односельчане, его внешность, стать и привлекательность? Так вот, мужем Агафьи был брат Елены и дядя Аркадия, унаследовавший все лучшие качества своих предков.

Как ни жаль, но у Агафьи с ее молодым мужем детей не было. Род яутлинской красавицы оборвался.

И на то были свои трагические причины.

Прошли годы, щеки ее неумолимое время подвядило. Агафья состарилась, и перед войной, естественным образом дотянув опущенные ей годы, померла. Соседкам раздали кросна, иголки, цевки, челноки. Избушку разобрали. Какое-то время на ее месте была заметна неглубокая яма, заросшая крапивой. Потом мы, ребяты, в своих играх вытоптали жгучую поросль, а безжалостное время заутюжило яму. И теперь ничто не напоминает, что тут стояла избушка и жила в ней красивая, добрая, отзывчивая женщина, гордость всей деревни.

Но красота ее не исчезла. Она перешла в веселые березовые рощи, в полевые цветы яутлинских покосов, в июньское облако, тихо плывущее над мирной деревней.

Так бы и ушла тайна Агафьиной жизни и никто бы никогда не узнал о беде, что выпала ей в чужедальной стороне. Но получил я однажды от родителей письмо, где они очень просили побывать дома. Жили они уже в Шатрово — районном центре. Я отказался от обычных шабашных работ, на которых в застойные времена промышляла вся полуголодная интеллигенция, и поехал к родным: побывать со стариками и помочь им по хозяйству. Я снова увидел, как в доме отца зажигает оконце у резного крыльца заходящее светило.

Как-то в один из таких вечеров мама спросила: «Ты помнишь, когда мы жили в Яутле, у нас возле дома было пустое место с заброшенным огородом, и была небольшая яма с крапивой?» — «Конечно, помню». — «Так вот, там жила Агафья Тимофеевна, первая красавица всей округи. Муж продал ее в публичный дом, а сам скрылся». И я узнал, какое горе испытала Агафья, уехав из родной деревни, и какая небывалая история приключилась у Саввы с Викулой. На приисках им привалила удача. Они намыли порядочно золота, ссыпали его в кожаные мешочки и двинулись в родные края. На пути к дому они оказались в Чите. Довольные жизнью, удачливые старатели прогуливались по улицам города и незаметно оказались перед подъездом солидного здания с красным фонарем. Это был публичный дом. Бывалый Савва кивнул более молодому Викуле: «Зайдем?» — «Зайдем!» — лихо ответил храбрый Викула.

Содержательница заведения с вырезом на груди по самое некуда опытным глазом мо-

ментально оценила возможности удачливых мужичков. Она усадила клиентов на диван и вручила им объемистый альбом с фотографиями содержанок. Фотопортреты были выполнены на высоком художественном уровне, и около каждого был указан номер комнаты.

Наши орлы углубились в изучение альбома, не торопясь перелистывая плотные листы, и вдруг обоих пронзил леденящий озноб: с листа на них смотрела, как живая, Агафья, гипнотизируя глубиной своих необыкновенных глаз. Всего миг длилось оцепенение. А потом друзья, не сговариваясь, бросились в номер к своей землячке. Альбом полетел на пол. Содержательница заведения побежала за клиентами: «У нас не положено вдвоем к даме», — верещала она. «Отстань, хивря, — отрезали яутляне, — мы не за этим идем».

Мужики вбежали в комнату Агафьи. Она подняла глаза на вошедших, узнала их и в испуге закрыла лицо руками, разрыдалась, не в силах побороть стыд, страх и душевные муки. «Аганя, Аганя, — успокаивали ее земляки. — Что с тобой подеялось».

Агафья Тимофеевна кое-как пришла в себя, но еще долго не могла связно говорить о своем горе. Оказалось, никакого золота они с мужем тогда не намыли и перебивались с хлеба на воду. Потом начался натуральный голод, и муж решил на неслыханное. Он продал молодую жену в публичный дом и скрылся в Манчжурию. Яутляне выяснили, за сколько сребреников была запродала Агафья. Они с лихвой отсыпали хозяйке золотишка из заветных мешочков. А золото было первоортным, без слюдяных включений и пустой породы. В полиции выправили Агафье документ, оплатив сполна тем же способом все расходы на алчных чиновников, и привезли землячку в родное село.

Мужички оказались людьми порядочными и никому не сказали про беду женщины. Не проболтались об этом и за все последующие годы, что отпустила им судьба.

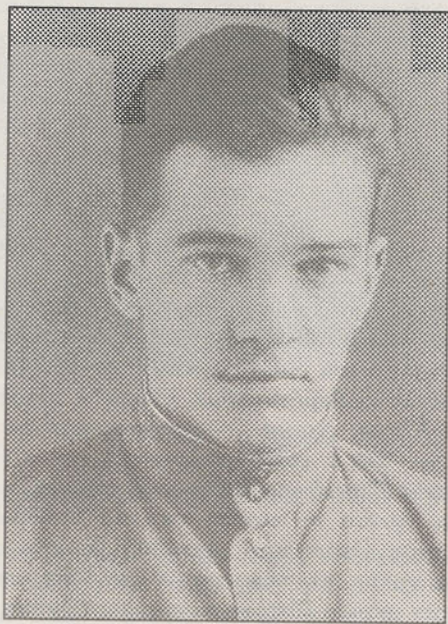
Думаю я о красавице-яутлянке, и поневоле появляется такая грустная мысль: каждой женщине, когда она из лона своей матери приходит в этот светлый мир, ангел дарит красоту и доброе сердце. Только вот жизнь иногда жестоко отбирает этот первый подарок ангела.

(Фотоработы взяты из альбома «Фотография на память». Екатеринбург, 1996 г.)

Эдуард МОЛЧАНОВ

Героев подлинные имена

(о своих книгах рассказывает писатель-фронтовик Павел Кодочигов)

Павел Кодочигов. 1945 г., после госпиталя.

Однажды в книжном магазине встретился с писателем-фронтовиком Павлом Кодочиговым. У него только что вышла в Москве повесть «Марта Лаубе». Знакомы были давно, когда-то работали под одной крышей: он в журнале «Урал», а я — в Средне-Уральском издательстве, и теперь у меня были основания надеяться, что получу книгу с автографом. Но она уже разошлась, и Павел Ефимович дал для прочтения свой авторский экземпляр. Потом встречались еще и еще. Думаю, читателям интересно будет узнать мнение писателя-ветерана о его героях, о том, как рождались книги.

— Как-то мама прислала мне на фронт книжку о войне во Франции. На первом же привале стал ее читать. Пробежал несколько страниц, пролистал и бросил — не мог читать, как война истребляет и калечит людей. Никогда не думал, что меня заинтересует военная тема. О войне не только рассказывать, но и вспоминать-то не хотелось. Остотрела она и друзьям. Никогда, даже при больших застольях не вели о ней разговоров, разве кто какой-нибудь забавный случай вспомнит. И за военными книгами не гонялись. В первые послевоенные годы их зачастую писали те, кто, находясь в

основном при штабах, знал войну плохо, и читать такие произведения фронтовикам было неинтересно.

Да и то надо сказать, что, пышно отметив первый день Победы, государство словно бы забыло о самих победителях. В сорок восьмом году была отменена выплата по орденским книжкам и бесплатный проезд по ним. Лишь позднее, при Л. И. Брежнев, стали считать 9 мая всенародным праздником и объявили выходным днем. Фронтовики попросили надеть ордена и даже песню об этом запели. К тому времени у меня за плечами был уже опыт работы в областном суде и журналистское крещение на Тюменском севере.

— Ну вот, — продолжает Павел Ефимович. — а в 1972 году главный редактор журнала «Урал», где я стал работать, Вадим Очеретин, спросил: пишу ли я сам? Ответил: пишу, и у меня собран материал о новгородской комсомолке подпольщице Марте Лаубе, разведчице, расстрелянной фашистами в литовском городе Мажейкяй. «Так давай готовь — посмотрим», — предложил Очеретин. С его легкой руки документальная повесть «Здравствуй, Марта!» вышла сначала в журнале, потом в сборнике «Рассказы о храбрых», а в 1991 году, дополненная новыми событиями из жизни героини — и в Москве. Цензуру же она пробивала трудно. На Новгородчине (пришлось и туда, и в Литву съездить) побоялись дать добро. Однако свет не без смелых людей. Новгородский чекист Василий Петрович Михеев все же одобрил повесть.

...Считаю: везло мне на хороших людей. Хочется ещё раз вспомнить Очеретина. Я уже ушёл из журнала, но он неожиданно попросил заглянуть и сообщил удивительную вещь: в Сухом Логу живет и работает слепой... адвокат Камаев. Адвокатом и сам я работал, и его словам не поверил. «Съезди. Может, возьмешься?» — посоветовал Вадим Кузьмич. Я и съездил, с Александром Максимовичем Камаевым и его семьей мы стали друзьями. Стотысячный тираж опубликованной в «Урале» повести о житье-бытье слепого адвоката Камаева «Все радости жизни» разошёлся быстро.

Двумя годами раньше под названием «Как ты жива осталась, мама?» вышла моя книга очерков о

комсомолках Урала — защитницах блокадного Ленинграда. Реальные героини этой книги — радистка торпедного катера Варя Дровнина, санинструкторы Маша Яковлева и Полина Цыганкова, минер Полина Коршунова, зенитчица Аня Пестова, фронтовые шоферы Аня Фокина и Наташа Демина, комендор Саша Пономарева, сапер Лидия Воронина и другие ушли на войну со сборного девичьего пункта в Екатеринбурге, расположенного в Доме культуры железнодорожников. Яркие боевые эпизоды запечатлелись в их судьбах. Те, кто вернулся домой, помнят «на всю оставшуюся жизнь», что главное их дело было там, на фронте. А на вопрос детей своих: «Как ты жива осталась, мама?» не сразу и ответишь.

Появление на свет этой повести, а также книжки о Марте Лаубе, пожалуй, счастливая случайность. О Марте впервые услышал, когда ездил по местам бывших боев. Потом поселился в Новгороде, чтобы отыскать однополчан. Больше всего хотелось увидеть увидеть санинструктора Тамару Антонову. В июле сорок второго, когда я попал в полк, она уже носила на груди медаль «За отвагу». И я нашёл её с помощью Совета ветеранов дивизии. Решил написать. «А почему только обо мне?» — возразила Тамара. — Тут столько девчат из медсанбата... О каждой писать можно. Познакомишься, по-другому заговоришь».

Тамара умела настоять на своем, и я согласился. Она привела ко мне Катю Мариничеву, старшую медсестру, которая служила в медсанбате с первых дней войны и помогала хирургу Тимошину на последней операции 12 мая 1945 года аж под Прагой!.. Так начала рождаться повесть «На той войне».

Позднее решил уточнить, как проходили бои за станцию Пундуры. Поехал в город Данилов, где жил бывший командир полковой разведки Шарпов. Слушал его и радовался: он помнит всё и всех. На фронте мне несколько раз приходилось минометным огнем поддерживать разведоперации Шарпова, а встретиться там не пришлось. Зато теперь наговорились вдоволь, появился верный друг! Повесть о нем и его разведчиках я назвал «Второй вариант». Под этим названием в одной книжке с повестью «На той войне» она и вышла в Средне-Уральском издательстве.

..Суровая быль, рассказанная очевидцем и участником событий, предопределяет у Кодочигова исключительность времени и судьбы героев. С героями своих очерков и повестей стоял он в строю курсантов эвакуированного из столицы в Новосибирск Московского Краснознаменного пехотного училища; на огневой позиции — команда взводом

82-миллиметровых минометов на Волховском фронте; знакомился и заводил дружбу, оказавшись в госпитале, где усилиями врачей и медсестер был поставлен на ноги, но без надежды вернуться в строй однополчан. Десятки реальных имен, десятки причудливо неповторимых историй...

С нехитрой судьбой солдата Григория Иванова (повесть «Так и было») связано немало «горестных замет», о которых еще не так давно умалчивалось в отечественной литературе: солдат-ветеран учит молодого, как в письме домой объегорить цензоров и сообщить родным, где он находится; командир полка дает совет недолежившемуся ординарцу: «Знаешь, как костыльники в госпиталях «поправляются»? Шабарахнут от души, деревяшку под койку и топ-топ на своих двоих. Держись-ка за меня, пойдем к столу».

— Спрашивают иногда: почему я занимаюсь документальной прозой? К ней больше доверия, воскрешается настоящая окопная правда, и еще, я считаю, — продолжает Павел Ефимович, — что у героев Великой Отечественной должны быть подлинные имена, а не псевдонимы; стараюсь показать не столько войну, сколько поведение людей на войне.

..Размышлениями о цене победы, о большой правде войны проникнуты рассказы Кодочигова «Вот и вся война» и «Тихая оборона». Герои их вместе с автором, присутствующим в качестве рассказчика, возвращаются через десятилетия к своей фронтовой юности. Не может забыть покалеченный войной Анатолий Аркадьевич («Вот и вся война»...) бессудный расстрел обвиненного в дезертирстве красноармейца, который выскочил из вагона во время бомбежки. Он потом взял себя в руки и вернулся в роту. Так был ли солдат дезертиром и нужен ли был его расстрел перед строем полка?

В конце той праведной войны, вспоминает автор, никому в голову не пришло бы осудить необстреляного юнца, который, волоча за собой винтовку, с плачем вышел из кустов к наступающему батальону. «Если беспощадная и к солдатам, и к генералам война смилостивилась над ним, то, наверно, рассказывает он теперь внукам об этом случае и с благодарностью вспоминает старых солдат и офицеров, которые поняли его состояние».

..Духовный мир героев Кодочигова не сложен, более того, вроде бы ограничен накатом землянки, бруствером окопа, стеной госпитальной палаты. Однако каждый раз, возвращаясь «на круги своя» — к походной жизни, основанной на безграничном доверии друг к другу и неповторимой душевной открытости, он остается в строю фронтового братства.

Крест на вершине Народной

Итак, наша с вами заочная экспедиция ступила на территорию Приполярного Урала. Нам казалось, что здесь мы не встретим знаков, отмечающих водораздельную границу Европы и Азии. Однако нам решительно возразила организатор экспедиции турист с большим стажем и опытом Светлана Николаевна Смолина, сотрудник областной библиотеки имени Белинского. А потому ей и карту в руки.

Приполярный Урал — наиболее внушительная часть Каменного пояса. Именно здесь встретятся на нашем пути его самые высокие вершины: Народная (1895 м.), Защита (1808), Карпинского (1803), Манарага (1662) и другие. С давних времен он привлекал к себе предприимчивых русских людей — прежде всего своими пушными богатствами. Еще в XI веке новгородские ушкуйники, плывая по реке Печоре, искали волок, соединявшие ее бассейн с притоками реки Оби. А в 1499-м новгородская рать Семена Курбского покорила Югорскую землю, поднялась по реке Шугору, пересекла Приполярный Урал и взяла вогульский город Ляпин. Вот, оказывается, кто и когда мог поставить здесь, на перевале первый знак Европа — Азия!

С научными же целями впервые на Приполярный Урал пришла в 1843 году экспедиция русского ученого А. Кайзерлинга. Он поднялся на гору Саблю со стороны Печорской низменности. Затем в 1847-м Русское географическое общество послало сюда свою экспедицию, чтобы исследовать границу между Европой и Азией в самой северной части Урала. Руководил экспедицией профессор Петербургского университета Э.К. Гофман. Тогда была составлена первая крупномасштабная карта этой территории. А Гофман за эту экспедицию получил Демидовскую премию. Вот вам и еще два воображаемых обелиска — Кайзерлинга и Гофмана. Может они и были да время их поглотило?

Но где же существующие знаки? Один из них нам помог отыскать... Internet. То есть экспедиция наша обретает планетарный масштаб! Вот несколько сокращенный текст Internet: «Лето 1998 года. На высоте 1800 м. у горы Народной приземляется вертолет. Можно с уверенностью сказать, что на Урале выше них никто никогда не садился.

Поползли облака, и едва только был открыт люк вертолета, стремительно выбросили рюкзаки, вынесли разобранный Крест, который предстояло собрать тут же. Придя в себя от первых впечатлений, стали решать, где установить Крест. Мнения разделились: ставить прямо здесь или нести Крест на самую верхнюю точку?

Но вдруг все пропадает из вида: мы оказались

внутри грозового облака. Наспех поставили палатку, и только успели забраться в нее, как хлынул ливень. Целый час он барабанил по стенкам «памирки». Сделалось холодно и сыро. Все это помогло принять решение ставить Крест тут же, прямо на месте посадки.

Потом, разглядывая подробно карту этих мест, обнаружили, что по промыслу Божию вертолетчики посадили нас точно на границе двух частей света, в самой близкой точке от вершины. Быть может, сказалось и то, что благословение епископа Питирима на установку Креста было действительно только до границы епархии. Граница Сыктывкарско-Воркутинской епархии на Урале проходит как раз по границе Европа-Азия. А вершина горы Народной находится уже в Азии, в Тобольской епархии, хотя и удалена от границы Сыктывкарской епархии всего лишь на сотню метров...

Как неожиданно начался, так же внезапно дождь прекратился. Отслужив молебен на успех нашего дела, принялись за работу. Первым делом Игорь Иванов взялся вырезать на Кресте дату его установки — год 1998: опасаясь до последнего момента, что экспедицию придется отложить еще на год, в Печоре он последнюю цифру — 8 не вырезал. Принялись и долбить ледорубом в каменистой земле яму под Крест, и когда он был полностью готов, о. Евгений прибил на перекрестии деревянную иконку Спасителя. Поднимали Крест все вместе, с трудом из последних сил. Зацементировали, сруб заложили камнями — получилось основательно, хотелось бы верить, что на века. Но только Богу известно, как долго он простоит. Когда Крест был установлен, о. Евгений освятил его и отслужил молебен». (Снимок тоже заимствован у Internet).

Итак, ставим на нашей карте знаменательную точку возле горы Народной (место четвертого знака Европа-Азия) и идем по Приполярному Уралу дальше на юг. А ну как нам опять повезет!? Надемся, что вездесущие читатели «Уральского следапыта» не позволят нам миновать незамеченным ни одну сколько-нибудь любопытную рукотворную отметку символической границы частей света.

Заочную экспедицию ведет Светлана Смолина

Раиса СТОКОЛЯС, г. Верхняя Пышма

Жена и дочь Арсения Несмелова

*Арсений Иванович Митропольский
(Несмелов)*

Имя поэта Арсения Ивановича Митропольского (в литературе — Арсения Несмелова) теперь известно всей читающей России.* Вынужденный жить вдали от Москвы и России, в Харбине, он в 1935 году окончательно простился с самыми близкими своими женщинами — женой и дочерью, которые, подобно многим харбинцам, решили возвратиться в СССР. С тех пор, скорее всего, они ничего не знали друг о друге. И хотя физическая смерть Арсения Ивановича наступила в 1945 году, в камере пересыльной тюрьмы в Гродеково, его дух, его образ еще долго странствовали по просторам России вслед за его женой и дочерью. Без вины виноватые перед правительствами своей родины, они каждый прожитый день ощущали его рядом с собой, не смея говорить о нем вслух. В их душах настойчиво теплилась глубоко упрямая от посторонних глаз надежда: а вдруг? Вдруг удастся еще увидеться? У дочери эта надежда жила до самой ее смерти.

Тайна

Судьба свела меня с дочерью Арсения Ивановича Митропольского (Несмелова), Натальей Арсеньевной Митропольской, в 1965 году. После окончания Ленинградского института культуры я приехала в город Верхнюю Пышму (Свердловская обл.) и стала работать заведующей научно-технической библиотекой (НТБ) на Пышминском опытном заводе. Наталья Арсеньевна уже работала здесь с 1959 года начальником спектрального отделения Цент-

* Журнал «Уральский следопыт» писал о нем и печатал его стихи (1996 г., №№ 10-12). О судьбе поэтического наследия Арсения Несмелова в постсоветской России Р. Стоколяс пишет в периодической литературе Урала.

ральной заводской лаборатории. Была очень известна на заводе, можно сказать, знаменита, — как самый высококвалифицированный спектроскопист.

На одном из заседаний совета НТО моя соседка толкала меня в бок и шептала: «Смотрите, это Митропольская». И я смотрела.

Высокая, очень стройная дама в строгом костюме. Пышная короткая прическа, почти белые. Серые глаза, умные, внимательные, на лице никакого макияжа, может, брови чуть-чуть подправлены пинцетом, голова всегда немного приподнята. Во всем облике ощущалась гордость. Нет, не спесь, не чванство, а именно скрытая, молчаливая, каким-то образом проявляющаяся гордость. Это было первое впечатление. Оно не изменилось и потом. Только Наталья Арсеньевна при близком общении оказалась очень внимательным и доброжелательным человеком.

Мне много уже порассказали о ней. Отделение свое держит в строгости, в работе дотошная, вездельная, не терпит лени, лжи, своих сотрудников защищает, напоминая наседку с цыплятами, голову ни перед кем не склоняет. Начальство ее уважает. Ценит, но старается с нею не связываться. Благодарности за работу получает часто. Живет вдвоем с пожилой уже мамой в однокомнатной квартире. Мужа нет. Был ли — никто не знает. Никому в голову не приходит связывать ее имя с каким бы то ни было мужчиной. В ее судьбе их нет, и не было в период, пока она работала на заводе. Никогда. Никого. Все оказалось именно так, когда я узнала ее поближе.

Сблизились же мы не на заводе, а на природе. В то прекрасное время у нас было поголовное увлечение походами выходного дня. В одном из таких походов мы оказались вместе на берегу озера Тавагуй. Как-то неожиданно разговорились о травах (я увлекалась лечебными травами), о цветной фотографии, о грибах, ягодах, о природе, о писателях...

Однажды, после долгого дня хождения по лесам, мы подошли к краю болота. К нему вел крутой спуск. За спиной у нас шумел бор, впереди, внизу, простиралось болото — торжественное, прекрасное, с богатой растительностью, высокими кочками, с редкими причудливыми сосенками. Мы остановились передохнуть. Наталья Арсеньевна долго молча смотрела вперед, потом тихо сказала: «Все забудется: усталость, какие-то неурядицы, но вот эта красота, эти сказочные виды вы будете помнить всегда. И когда-нибудь, уже старенькие, вы будете радоваться, что видели все это, видели эту великолепную красоту...»

В 1975 году она ушла на пенсию. Ушла сразу же, как только ей исполнилось 55 лет. Но с заводом связи не порывала: звонила, приходила. В экстренных случаях начальник цеха частенько вызывал ее на работу.

Сотрудницы посещали ее. Сложилась традиция: собираться 13 июля, в день ее рождения. Приходили работники лаборатории, приезжали свердловские приятельницы... Было много цветов, непременно пирог с капустой.

Мы знали Наталью Арсеньевну как человека высокой культуры, интеллигентного и гордого, уважаемого всеми. Но никто из окружающих не знал, какую жизнь она прожила до приезда в наш город и каким миром заселена ее душа.

Мне случилось раньше других узнать о ее жизни. Точнее — отдельные моменты. Я не могла никому ни полслова сказать об этом, иначе дверь к ней закрылась бы передо мной сразу и навсегда. Мы сохраняли молчание вплоть до того, когда стали появляться публикации о ее отце. Лишь в 90-е годы она как-то смирилась с популярностью отца и хоть чуть-чуть стала говорить со мной о нем и о матери. Но страх все равно жил в ней. Страх и за себя, и за имя отца.

Харбин

Наталья Арсеньевна Митропольская родилась 13 июня 1920 года в г. Владивостоке Приморского края. Отец ее — Митропольский Арсений Иванович, мать — Худяковская Екатерина Владимировна. В 1920 году они волею судьбы оказались во Владивостоке, но различными путями. Арсений Иванович —

офицер белой Армии, москвич, дворянин, воспитанник кадетского корпуса, служил в колчаковской армии и вместе с ней отступал от Омска до восточных границ России. Оказавшись, как и многие отступающие, в Манчжурии, он с поддельными документами, нелегально, в апреле 1920 года появился во Владивостоке. Где-то тут жила его жена, но он не торопился ее разыскивать, пока как-то не закрепится в городе. Об этом он рассказывает сам в воспоминаниях «О себе и о Владивостоке». Он писал: «Жену я нашел на Русском острове, но до него часа полтора езды морем, значит, надо перетаскивать жену в город. За бухтой «Золотой Рог» в горах, нашел я крепостной, лишь половину разрушенный флигель, и захватил его, поселившись в уцелевшей половине. Место было глухое. Я возвращался домой поздно, переправляясь через бухту на юли-юли».

Может, именно в этом глухом месте Владивостока и родилась Наталья Арсеньевна? Мы этого не знаем. Известно только, что 21 сентября 1920 года родители зарегистрировали свою дочь Наташу в Николаевской церкви города.

В 1924 году, когда в городе начались аресты белых офицеров, Арсений Иванович, тогда уже известный поэт Арсений Несмелов (он взял этот псевдоним в 1920 году, здесь, во Владивостоке), не дожидаясь ареста, тайно покидает город и малоизвестными тропами, подсказанными ему знаменитым писателем В. К. Арсеньевым,* уходит пешком в Китай.

Жить обосновался в Харбине. О Харбине теперь написано много. Нам важно напомнить лишь о том, что город строился русскими, заселен был, в основном, русскими, чьи судьбы большей частью связаны с КВЖД.

Из документов видно, что во Владивостоке жена Несмелова начала работать с апреля 1920 года, за три месяца до рождения ребенка. Работала в вечерней школе для взрослых им. А. Н. Островского (в Москве она закончила Высшие женские курсы). Затем, с 1 сентября 1920 года — школа № 27 первой ступени, позже — школа № 8 второй ступени. Можно только предполагать, догадываться, какие трудности пришлось пережить Екатерине Владимировне с только что родившимся ребенком на руках, в бурлящем Владивостоке тех лет, без родных и знакомых. Но свидетельств об этом не сохранилось.

Итак, в 1924 году семья Митропольских воссоединилась в Харбине. Случилось так, что детство

* писатель, автор книги «Дерсу Узала»

*Екатерина Владимировна Худяковская
и Наталья Арсеньевна Митропольская*

Наталья Арсеньевна прошло на китайской земле, хоть и в почти русском городе. Ей не пришлось говорить по-китайски, она слышала вокруг себя русскую речь, говорила по-русски, ее окружали русские люди, но земля эта была китайской, что в полной мере почувствовали русские в 1935 году.

О харбинском периоде своей жизни (как и вообще о своей жизни) она почти ничего не рассказывала. Правда, в последние 9 лет (1990-1999 годы) случалось, что она вдруг задумается, а потом возьмет и расскажет какой-нибудь «кусочек».

В семье постоянно отсутствовали деньги. Материальная неустроенность раздражала Екатерину Владимировну. Родители, как выражалась Наталья Арсеньевна, «часто резонились». Жили сначала в комнате при редакции, где работал Арсений Иванович. Потом — в захудалой гостинице рядом с мастерской по ремонту и чистке одежды на Биржевой улице.

Когда Наташа стала постарше (6-7 лет), родители частенько отправляли ее во время ссор в магазин за колбасой. В 1927 году родители разошлись. Екатерина Владимировна с Наташей уехали в Цицикар (станция на КВЖД). Там Екатерина Владимировна учила детей железнодорожников. Как-то Наташа заболела. Отец приезжал к ней, привозил подарки.

В 1929 году произошел конфликт с Китаем. Мать и дочь перебрались в Харбин. Сняли комнату у машиниста паровоза Шепелева Константина Михайловича. Его жену звали Викторией Васильевной. У

них было три дочери и сын, который в это время жил в Шанхае. Машинист паровоза — это была очень хорошо оплачиваемая должность. У Шепелевых была большая квартира, в которой одну комнату «мама сняла с полным пансионом». Арсений Иванович часто приходил к ним. По вечерам играли в карты в «пьяницу». Помнила Наталья Арсеньевна, как сын хозяев приехал из Шанхая и привез радиоприемник РВ-15. Это была для окружающих сенсация. Радиоприемники тогда были редкостью.

Потом жили в доме купца Ягунова в Новом городе (старый район Харбина). В саду при желсобре (железнодорожное собрание) иногда давали концерты. На один из таких концертов ходили все вместе: Арсений Иванович, мама и Наташа.

Еще эпизод. Жили вдвоем с мамой. В сочельник пришел к ним отец, а Наташа должна была идти на елку к своей подруге Елене Фальченко. Арсений Иванович пошел с Наташей. Там были одни женщины всех возрастов, в том числе две сестры матери Елены. Одна из них была незамужняя молодая и очень красивая девушка, похожая на знаменитую в те годы артистку. Арсений Иванович танцевал со всеми, но особенно с этой молодой красавицей. Наталья Арсеньевна говорила, что отец очень красиво смотрелся в танце с нею. (Женщины, родственницы Фальченко, которые были тогда на елке, все приехали в свое время в СССР и все были репрессированы).

И еще. В начале 30-х годов в Харбине многие врачи увлекались поэзией. То есть пытались писать. Арсений Иванович многим из них помогал, консультировал, подсказывал. Особенно преуспевал врач Жемчужный. Арсений Иванович с ним дружил. У Жемчужного были две дочери. Одна из них — ровесница Наташи.

У Жемчужного был свой частный небольшой санаторий-профилакторий. Видимо, по приглашению Жемчужного Наташа отдыхала в этом санатории, отводил ее туда отец. Сохранилось несколько фотоснимков этого периода. Несмотря на то, что родители разошлись, отец часто встречался с дочерью.

В 1935 году КВЖД продали японцам. Всех русских сразу же уволили. Начался великий исход русских из Харбина. У кого были деньги, те уез-

Свято-Николаевский храм в г. Харбине.

жали в США, Францию, Австралию. У кого их не было, ехали в Шанхай или возвращались на родину, в СССР. Екатерина Владимировна несколько не задумывалась, куда ей ехать. Она хотела на родину. У Наташи должна быть родина. Наташе было уже 15 лет, когда она простилась с отцом. У Арсения Ивановича в этот момент была уже другая женщина (Анна Кушель). И, хотя из нее так и не получилось жены, и они очень скоро расстались, но именно в этот момент, когда решался вопрос об отъезде, Арсений Иванович был с нею.

Может быть, и это ускорило их отъезд. Для самого Арсения Ивановича пути на родину не было. Хотя его очень часто охватывало желание хоть в каком-нибудь медвежьем углу поселиться, лишь бы в России.

Россия

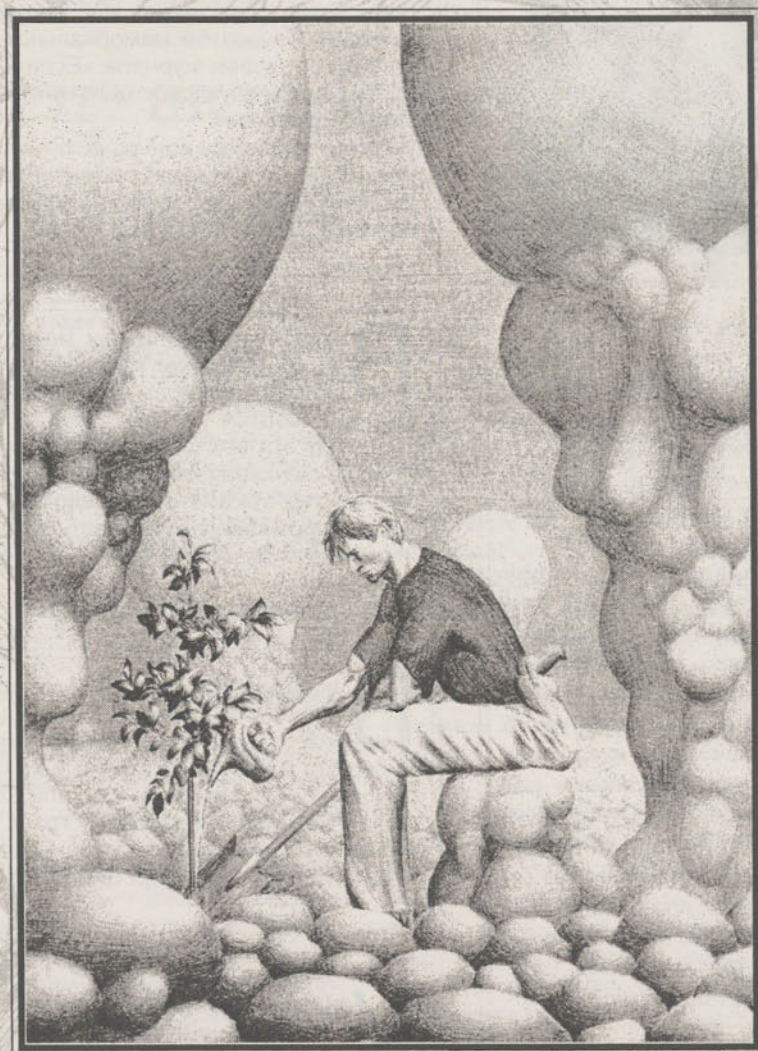
Таких, как Екатерина Владимировна, желающих ехать на родину, оказалось много. Возвращались в теплушках, бесплатно. Ехали семьями, вместе со всеми вещами. Их с мамой поместили в вагоне вместе с большой семьей, где было три взрослых человека: дядя Сеня, тетя Дуся и тетя Фрося (память сохранила только имена). У них были дети. В теплушках стояли кровати. Еду готовили на керосинках. Наташа с мамой спали на одной кровати. Из Владивостока вглубь страны состав двигался медленно. На некоторых станциях часть едущих высаживали и определяли на жительство в намеченных заранее пунктах. Екатерине Владимировне «светила» какая-то Балахна, которую она совсем не знала и не хотела. Ей удалось задобрить женщину-распределительницу. Она отдала ей свои украшения и получила свободное распределение. Они поехали в Москву, где у Екатерины Владимировны были родственники: сестры и брат.

Когда Екатерина Владимировна с Наташей приехали в Москву, там жили ее сестры: Елизавета, Лидия и Елена. Брат Константин жил в селе Глубоком Серебряно-Прудского района в 300 км. от Москвы. У него было трое детей и, по словам Натальи Арсеньевны, «там царил нищета». Одна из сестер, Софья, еще в гражданскую войну вышла замуж за офицера, чеха, и уехала с ним за границу, в Чехословакию. Там и осталась жить. Об остальных я совсем ничего не знаю.

Таким образом, возвратившимся могли помочь только Елизавета, Лидия и Елена. Почему не помогла им Лидия — не знаю. А у Елизаветы у самой были проблемы. Она еще до революции вышла замуж, как выражались родственники, за богатого еврея. Уехала с ним в Париж. Там разошлась, и вышла замуж за революционера, партийца Никольского. После революции они сразу возвратились в Россию. И все у них было нормально, но вдруг в 1934 году у них арестовали сына. Елизавета ходила по инстанциям, обивала пороги, пытаясь его выволить. Ей это удалось с помощью Н. К. Крупской. Елизавета напугана. Ей не до прибывших из Харбина. Елена работала где-то машинисткой, жила в крохотной комнатке. Здесь тоже царил нищета, но именно Елена приютила Екатерину Владимировну с Наташей в самое первое время.

(Окончание следует)

АЭЛИТА

СОДЕРЖАНИЕ:

Новости	стр. 38
Фред АДРА «Конец актерской карьеры»	стр. 39
Сергей УСТЮГОВ «Окольцованные»	стр. 48
Александр ПАПЧЕНКО «Лит»	стр. 55

10 февраля 1921 года А. Блок сказал буквально следующее: «Мы умираем, а искусство остаётся. Его конечные цели нам не известны. Оно единосушно и нераздельно».

Эти слова я отыскал в книге Юрия Казарина «Поэтическое состояние языка (попытка осмысления)». Автор считает: «Возможно, каждый поэт чувствует то, что заключено в этом утверждении» Блока. «Последняя фраза загадочна, — отмечает Ю. Казарин, — ... в ней есть, помимо всего, что знает филолог о поэзии, дух Божий, душа, потому что именно духовность — единосушна и нераздельна».

Я вспомнил эти размышления о поэтическом творчестве, когда решил опубликовать в «Аэлите» повесть екатеринбургского писателя А. Папченко «Лит». В ней автор показывает осмысление человеком себя в этом мире, возникновение творчества, абстрактного мышления и других черт личности, присутствующих уже не животному его состоянию, а состоянию божественному. Пока человек жив, он должен крепко и прочно стоять на Земле, но до последнего часа своего стремиться в Небо.

Фантастический рассказ нашего израильского автора Фреда Арда «Конец актёрской карьеры» заинтересует читателей, предпочитающих беллетристику. Прекрасный лёгкий стиль, искристый юмор...

Удачи и радости вам, уважаемые читатели!

Пётр Родимов

19-й фестиваль фантастики «Аэлита» проходил с 13-го по 15-е июня в г. Екатеринбурге. Торжественная церемония награждения лауреатов состоялась в Театре Кукол. Саму «Аэлиту» получил писатель из Волгограда Евгений Лукин. Приз имени И. Ефремова достался Белле Клюевой. Лауреатом мемориальной премии им. Бугрова стал сотрудник журнала «Если» Дмитрий Байкалов. «Страт» за лучшую дебютную книгу присужден москвичу Леониду Каганову.

В 2002 г. появилась еще одна, пятая награда фестиваля «Аэлита»: серебряный орден «Рыцарь фантастики». Его кавалером стал известный писатель-фантаст Кир Булычев.

В течение трех летних месяцев в «Пушкинском доме» действует выставка работ художника Владимира Кравцова (г. Екатеринбург, Чапаева, 3). Она называется «Корреспонденции из Лондона». В 2002 году эта выставка получила «Золотую маску» за лучшую сценографию к спектаклю Н. Коляды «Ромео и Джульетта». На выставке представлены яркие абстрактные композиции, уникальность которых - в технике их исполнения: акварель, бумага и цветной скотч.

В ноябре этого года пройдет определение первых лауреатов только что учрежденной всероссийской литературной премии имени Д. Н. Мамина-Сибиряка, когда будет отмечаться 150-летие с его дня рождения. Учредителями ее стали Союз писателей России и Ассоциация писателей Урала. Ее также поддерживают губернаторы областей Большого Урала и наш земляк, депутат Государственной Думы Николай Рыжков.

Уральское литературное агентство выпустило в свет художественно-публицистический сборник «Шаимские находки». В него включены очерки, статьи, интервью, посвященные актуальным проблемам экономики, быта и культуры города нефтяников — Урая. На поэтических старницах «Шаимских находок» представлены стихи, переводы, сделанные детьми и взрослыми от 10 до 92 лет. Их всех объединяет сотрудничество со Школой иностранных языков г. Урая, которая и подготовила этот сборник. Сюда вошли лучшие стихи уральских поэтов, ранее публиковавшиеся в местных изданиях.

Важное место в нем уделено проблемам образования, в частности дополнительного.

Директор издания — Ю. Г. Бриль, составитель — Л. И. Либов, редактор — Н. Я. Мерезников.

Фред АДРА

*Фред Адра родился в 1972 году в Тбилиси.
По образованию археолог, по профессии программист.
С 1990 года проживает в Израиле.*

Конец актерской карьеры

Первое, что я увидел, войдя в отель, были зеркала. Всюду, куда не кинешь взгляд, наткнешься на себя самого. И это правильно! У постояльца создается впечатление, что он находится в центре мироздания. Это как минимум. Такое уважение к моему эго я оценил по достоинству, власть налюбовавшись собой со всех сторон, и, на мой взгляд, со всех сторон я был хорош. Человек должен себя любить — я так считаю. Даже если окружающие и полагают иначе. В конце концов, на мой вкус я просто великолепен. А о вкусах не спорят.

Решительным шагом уверенного в себе человека я пошел к конторке и очень весело произнес одним из моих любимых басовых тембров:

— Добрый день, милая девушка. Мне нужен директор.

Последнюю фразу я произнес томно. Мне нравится говорить томно фразы, которые, вообще-то, говорить томно незачем. Можете считать это причудой артиста или можете не считать. Мне все равно.

— Директор? — переспросила слегка ошеломленная миловидная служащая. Так и есть — тон сказанной мной фразы помешал ей понять ее смысл. Сознание девушки прочно застряло в тисках установленных правил поведения, которые не допускают произнесения фразы «мне нужен директор» интимным тоном. Ладно, будем снисходительны к бедному ограниченному созданию.

— Директор, — сказал я уже обычным тоном. — Мне нужен директор. Главный человек в гостинице. Босс. Повелитель комнат. Властелин этажей. Командир отеля. Тот, От Кого Все Зависит.

— Вам назначена встреча? Он вас ждет?

— С нетерпением!

— Кабинет директора на втором этаже. Поднимитесь по лестнице и сразу увидите.

Я поднялся по лестнице и сразу увидел.

— Мы сейчас пойдем к директору отеля, — сказал я.

— Сделай что-нибудь простенькое, чтобы он сразу понял, с каким серьезным человеком имеет дело.

Если бы рядом кто-нибудь находился, он бы решил, что я разговариваю сам с собой. Но на самом деле, я говорю с Диджеем. Кроме меня его никто не видит, и это-то как

раз и хорошо! Без Диджея мне вообще нечего было бы делать в этом отеле.

Диджей согласно хмыкнул, и мы вошли в кабинет директора.

Директор отеля был занят — он как раз увольнял уборщика. Уборщик не вытер какое-то пятно и поэтому с точки зрения директора подлежал немедленному увольнению.

На самом деле, директор сидел в кабинете один и все, что я сейчас сказал — неправда. Но никак не ложь, а скорее, творческий вымысел. Ну знаете, во всех фильмах, когда надо быстро и доходчиво показать, что некий начальник сволочь, всегда прибегают к одному и тому же приему — показывают сцену, в которой он увольняет какого-нибудь славного малого, в основном за то, что тот просто появился в кадре. Жутко надоевшее клише, конечно, но я сейчас занимаюсь не поисками оригинальности, а пытаюсь показать вам, какая сволочь этот директор отеля. Если я не сделаю это сейчас, то вы останетесь в неведении на его счет до конца повествования, с чем я никак не согласен. Поэтому я считаю себя в праве на небольшую выдумку. Тем более, что я уверен — если бы ему действительно попался на глаза какой-нибудь что-нибудь не вытеревший уборщик, он бы обязательно его уволил. Потому что сволочь. Так что, можно сказать, что я не так уж и преувеличиваю.

Итак, несчастный многолетний уволенный уборщик с рыданиями выбежал из кабинета, не замечая ни меня, ни, тем более, Диджея. Я перевел взгляд на директора — тот раскуривал сигару и довольно ухмылялся. Есть такие типы, которые всегда ухмыляются, сотворив какую-нибудь мерзость.

— Ну, — неласково сказал он, покосившись в мою сторону. — А вам что здесь надо?

— Добрый день, — произнес я, тем самым напоминая хаму, что он забыл поздороваться. Хам сделал вид, что не понял намека, и мне пришлось продолжать:

— Я выступаю у вас в отеле сегодня вечером.

— А, — понял директор. — Маг и иллюзионист. И еще, кажется, кукловод.

В его тоне не было уважения. Ни капли. А я не люблю, когда слова «маг» и «иллюзионист», не говоря уже о слове «кукловод», произносятся без должного уважения. Мне по-

чему-то кажется, что это оскорбляет мое профессиональное достоинство. Точнее, мои профессиональные достоинства, потому что «иллюзионист» и «кукловод» это все-таки разные профессии. М-да, явно пора выводить вперед Диджея.

Я принял одну из позиций Мага, Демонстрирующего Свое Могущество Способом, Не Приводящим К Жертвам И Разрушениям, вытянул вперед правую руку и указал пальцем на лежащую перед директором бумагу. В тот же момент бумага начала медленно подниматься в воздух, пока не застыла перед носом изумленного директора.

Конечно, все манипуляции с бумагой проводил Диджей, но поскольку директор Диджея видеть не мог, то все происходящее выглядело магией в полный рост.

— Не стоит говорить с пренебрежением о вещах, лежащих за пределами человеческого разума, — сказал я грозно, а Диджей слегка разорвал бумагу посередине. — Потусторонний мир не прощает frivolозностей, — Диджей еще немного разорвал бумагу. — А также фамильярностей. — Диджей немедля отозвался, продолжив разрывать бумагу. — Не следует будить дремлющие силы тьмы, ибо силы эти могут возжелать отмщения, — Диджей дорвал бумагу и положил образовавшиеся половинки на плечи директора, подобно поганам.

Директор наконец-то вышел из оцепенения, стряхнул с плеч половинки экс-документа и недовольно сказал:

— А словами нельзя было объяснить? Обязательно документацию уничтожать?

— Наглядно всегда лучше работает, — охотно объяснил я.

— Хм... — то ли согласился, то ли возразил директор. — Так чем могу служить?

Вот так-то лучше.

— Ну, во-первых, я не заметил в отеле ни одной афиши, — сказал я.

Директор сделал удивленные глаза.

— А разве должны были быть афиши?

— Я посылал вам афиши. Вы обещали их развесить по отелю за неделю до представления.

— Ах, да-да, припоминаю... Действительно, были афиши. Только потом пропали куда-то. Наверно, это придурак-уборщик их по ошибке выкинул.

— Выкинул?! — я угрожающе повысил голос и начал поднимать правую руку, а Диджей принял боевую стойку. — Мои афиши?!

— Пожалуйста, не надо так волноваться, — быстро залепетал директор. — Не будем беспокоить из-за этого силы тьмы. Пусть себе спят. Ну неужели мы сами не разберемся? А этого недоумка-уборщика я сегодня же уволю!

— Вы его УЖЕ уволили, — напомнил я.

— Ах да, — пробормотал директор. — Послушайте, а может, у вас есть с собой еще афиши, а? Я отдам распоряжение их немедленно развесить. И по радио будем объявлять каждый час. Нет, каждые полчаса!

— Вам повезло, — сменил я гнев на милость. — У меня есть с собой афиши. Но вам надо будет вписать дату и час. Сегодняшнюю дату.

— Да-да. И сегодняшний час, — кивнул директор.

Уж не пытается ли он шутить? Да нет, вряд ли... Этот человек и чувство юмора не совместимы.

Я открыл свой саквояж с реквизитом, с которым почти никогда не расстаюсь, и достал стопку афиш.

— Второй вопрос, который я хочу обсудить, — продолжил я, — касается моего гонорара. Мне кажется, его следует увеличить.

Последовавшую вслед за этой фразой сцену я описывать не в состоянии. Уж очень не с лучшей стороны показал себя директор отеля, дав волю самым низким человеческим качествам, идущим из потаенных глубин его, увы, несовершенной души; уж очень печален был бы сей рассказ об алчности и упрямстве, что обнаружил директор во время нашего спора, где столкнулись в смертельной схватке порок и добродетель, жадность и справедливость, низость и благородство; слишком очевидной стала бы невозможность построения идеального общества, где не было бы места таким отвратительным недостаткам человеческого характера, что, к печали моей, явил миру директор отеля, и где никто не увольнял бы уборщиков за несмытые пятна и потерянные афиши.

Короче говоря, если бы не моя очередная апелляция к силам тьмы, повисить гонорар мне бы никак не удалось — Диджей свидетель.

На первый этаж я спустился, чувствуя себя победителем. Правда, очень усталым победителем. Поэтому я решил зайти в гостиничный бар и чего-нибудь выпить. Либо, чтобы отметить свою победу, либо, чтобы заглушить усталость. Зависит от того, с какой стороны посмотреть. Но я ни с какой стороны не успел посмотреть. Потому что, как только я вошел в бар, я увидел ноги.

Ноги были стройны и длинные. Ноги были невыразимо прекрасны. Ноги были идеальны. Я никогда до сих пор не видел столь восхитительных ног. Во всяком случае, в тот момент мне так казалось. Если бы у меня были такие ноги, то я бы умер с голоду. Потому что не смог бы оторваться от ласкания этих ног ни на секунду, даже, чтобы поесть. И это не какое-то там банальное извращение, а самый настоящий утонченный фетишизм. Только для истинных ценителей.

Одна нога покоилась на другой и мерно покачивалась, и с каждым ее движением я все глубже и глубже проваливался в бездонный омут сладострастия и желания. И глупости, потому что когда мужчина видит такие ноги, его мыслительные способности спускаются до мыслительных способностей барана.

Но через пару-другую столетий я все-таки нашел в себе силы оторваться от созерцания этих немислимых ног, чтобы оценить их обладательницу. Лицо обладательницы оказалась очень даже ничего. Можно даже свет не выключать... Стервозное выражение ему, пожалуй, даже шло. И потом, какое же еще может быть выражение лица у женщины с такими ногами!

Я понял, что если я хотя бы не попытаюсь овладеть ею, то потом себе никогда этого не прощу. И Диджею не прощу, потому что он с явным неодобрением отнесся к моему

состоянию. Бесплотный дух — что с него возьмешь! Из архивов памяти я выудил все, что прочитал в книгах и посмотрел в фильмах на тему соблазнения стервы с ногами в гостиничных барах, и ринулся в бой.

Не сомневаюсь, что сначала я выглядел как дурак. Затем — как круглый дурак. Стерва явно не хотела замечать исходящего от меня великолепия. Все, чего мне удалось добиться за десять минут разговора (а точнее, моего монолога), это ее имя.

— Лили, — в какой-то момент соблаговолила представиться она, и звучало это не иначе как величайшее одолжение, которого я, по ее мнению, никак не заслуживаю. Так вообще не говорят — так роняют. Слово можно уронить, как платок, чтобы бесчисленные претенденты на звание дурака-фаворита при Ее Сиятельстве Стерве Номер Такой-то сражались за право поднять его и прижать к носу, вдыхая его сладкий аромат.

Откровенно говоря, имя «Лили», на мой взгляд, не очень ароматно. Уж какое-то оно затасканное бульварными статейками о куртизанках, женскими романами о них же и мыльными операми о ком, как не о них. Продолжая аналогию с уроненным платком, можно сказать, что, хоть я и поднял его первым (что вовсе не удивительно при отсутствии конкурентов — скушающий Диджей не в счет), он оказалась несвежим, весь в каких-то подозрительных желтых пятнах, да еще и распространял запах мужского одеколona, и явно не моего. Трезво рассудив, что если я выложу ей эти соображения, то вряд ли заработаю дополнительные очки, я решил не нарушать правил игры и соврал:

— Какое красивое имя!

Через какое-то время я понял, что произвести впечатление у меня явно не получается. И чего ей еще нужно? Вон какой классный парень ее кадрит, а она носом вертит. Бывают такие девушки, которые слишком много о себе воображают и усложняют элементарные вещи. Нет, чтобы просто: «Девушка, который час? — Конечно, согласна, жду вас у себя в номере!». И все довольны и пьют шаппанское.

Но сдаваться я не собирался. Выудив у стервы заверение в том, что она явится на мое представление, я покинул бар с твердым намерением ошеломить Ее Неприступность сегодня вечером. У меня был план. Но одного Диджея мне не хватит.

— Диджей, — сказал я. — Нам надо будет дать сегодня продвинутое представление. Найди парочку своих сорочидей, договорись с ними. А я пока немного отдохну.

Диджей отправился выполнять задание, а я — в гостиничный номер, заботливо предоставленный мне директором гостиницы после того, как мы с Диджеем немного напомнили ему о силах тьмы.

Что ж, пока у нас тут тихий час, я думаю, имеет смысл рассказать немного о моем спутнике. Итак, кто же такой Диджей? Если честно, я не знаю, как эти существа называются, да они и сами никак себя не называют. Можно было бы называть их духами, каковыми они по сути и являются, но я предпочитаю называть их брауни, так как, в основном, они обитают в домах или поблизости от домов, а глав-

ным образом потому, что слово «брауни» мне нравится намного больше, чем слово «дух». Слово «брауни» обладает таинственным заграничным звучанием, а слово «дух» это просто выдох какой-то. Главный фокус с этими брауни состоит в том, что люди их не видят, и даже не подозревают об их существовании. Из всех людей их вижу только я. Не хило, правда? Каждый человек считает себя исключительным, и он в этом совершенно прав. Но спроси его, на каком основании он считает себя исключительным, то в большинстве случаев ничего вразумительного он не ответит. А я отвечу — потому что я вижу брауни! И не только вижу, но даже с одним из них дружу.

А подружился я с ним так. Диджей обитал на чердаке моего дома и частенько играл в полтергейст (это любимая игра брауни), пугая и озадачивая жильцов. Всех, кроме меня, поскольку я неоднократно застукивал его за этим занятием, но никак не реагировал. Однажды я все-таки решил завязать с ним разговор, чем поверг его в изумление, так как он и не подозревал, что его видит кто-то из людей (а повергнуть в изумление брауни не так-то просто — это вам не девушек в отелях озадачивать). К тому же он засмутился, подумав о том, в каких ситуациях я мог за ним наблюдать. Но брауни сразу воспрял духом (вот, кстати, еще одна причина называть их брауни, а не духами, так как согласитесь, фраза «дух воспрял духом» звучит как-то глуповато), когда я сказал ему, что это фигня по сравнению с тем, в каких ситуациях он сам мог наблюдать за людьми. В таких ситуациях, что обхохочешься. Так, слово за слово, мы прониклись к друг другу симпатией, а от симпатии и до дружбы недалеко.

Мы стали много времени проводить вместе, развлекаться по-всякому («девочка, не плачь, хочешь я научу твою куклу ходить, вот смотри»), но не всегда по-доброму, хотя и за дело («дорогой сосед, а вам не кажется, что вы слишком уж шумите в своей квартире, бог с нами, с вашими соседями, но если бы вы в школе не прогуливали уроки физики, то знали бы, что предметы могут выносить шум лишь в определенных диапазонах, за пределы которых вы явно выходите — скажем, хрусталь обычно не выдерживает первым — а, так у вас сегодня разбилась сервиз, якобы сам по себе? — ну, я же говорил! — не удивлюсь, если завтра и телевизор разобьется»), и еще Диджей пристрастил меня к игре в полтергейст, но эту шалость я позволял себе лишь с безнадежными мерзавцами («какие стуки, я ничего не слышу, а вы уверены, что стул действительно стоял в углу, а по-моему, он был около стола, почему вы вздрогнули — услышали стоны с чердака? — странно, я ничего не слышу, нет, на чердак я с вами не пойду, я лучше запишу вам тут один телефончик, это мой приятель, я думаю, ему будет интересно вас послушать, так как он очень, очень хороший психиатр»).

А потом мне пришла в голову идея сотрудничества, и я предложил Диджею создать театральную труппу из двух актеров — видимого и невидимого. Мы будем показывать фокусы, разыгрывать публику, а главное, давать кукольные спектакли. На пару с Диджеем мы можем такого наворотить, что всякие Копперфильды и Карабасы-Барабасы

помрут от зависти! Мне это даст удовлетворенные амбиции и деньги, а Диджею — кучу самых разнообразных эмоций на любой вкус. Зачем ему эмоции, спросите вы? Затем же, зачем нам с вами хлеб с маслом. Брауни питаются человеческими эмоциями, и не спрашивайте меня, как у них работает обмен веществ. Диджей тоже не понимает, как можно питаться плотью и травой, но принимает это как факт. И когда он заявил мне, что в отличие от людей, брауни для питания не нужно никого убивать, мне, честно говоря, нечего было ему возразить.

Диджею моя идея понравилась. Он даже поначалу загорелся ею и стал нести что-то о всемирной славе, толпах поклонников и статусе величайшего артиста современности, имея в виду себя. Пришлось заметить ему, что, может он и мог бы стать величайшим артистом современности, если бы не один маленький недостаток — его гениальной игры, кроме меня одного, никто не сможет оценить в силу его невидимости. Тогда он ни на шутку расстроился, и мне пришлось в утешение обещать ему вместо статуса величайшего артиста статус самого культового артиста в мире (и я свое обещание сдержал — впоследствии на вопрос, работаю ли я один, я неизменно делал загадочный вид и говорил, что у меня имеется незримый помощник, а на вопрос, кто же он, делал еще более загадочный вид и говорил, что это культовейшая личность, а больше я ничего не скажу; надо заметить, что журналисты меня абсолютно неверно понимали и в своих репортажах строили гипотезы, что под «культовейшей личностью» я подразумеваю некоего всесильного спонсора, а то и мафиози — что ж, известно, что журналисты скоры на выдумку и выдумки эти особой оригинальностью не блещут). Как бы то ни было, Диджей успокоился и согласился на создание театра одного актера (и одной культовой личности) под названием «Видимо-невидимо».

Мы обзавелись разными куклами — некоторых я купил, а иных и соорудил собственными руками, и подготовили небольшой спектакль про Буратино, в котором я исполнял роли персонажей-людей, а Диджей — кукол, по очереди вселяясь в каждую из них. Кстати, он так лихо перебирался из куклы в куклу, что тогда-то я и назвал его Диджеем — так же стремительно настоящие ди-джеи меняют музыкальные композиции. Ассоциация несколько странновата, согласен, но имя Диджей пришлось по вкусу и ему и мне, тем более, что «Диджей» звучало получше чем «Недокарлсон», как я называл его до сих пор, потому что он жил не на крыше, а на чердаке.

Программа, которую мы подготовили, состояла из двух частей — в первой мы демонстрировали всякие фокусы и дурачили публику, а во второй показывали спектакль.

Успех пришел сразу, с первого же представления. Еще бы ему не прийти! Наши фокусы выглядели настолько естественными по сравнению с теми, к которым зрители привыкли, что вгоняли публику в ступор. Одно дело, когда творятся чудеса на сцене — разделение между залом и артистом явно дает понять, что во всем этом есть какой-то подвох. И совсем другое дело, когда зритель сам является объектом и участником розыгрыша. Сидит, например, дама

в ряду, скажем, пятом, смотрит представление и вдруг артист (то есть я) тычет в нее пальцем и кричит страшным голосом: «Дама, держите крепче вашу сумочку, рядом с вами воры!» Дама растерянно оглядывается на своих соседей, и тут Диджей вырывает у нее сумочку и начинает носиться с ней по залу. Дама кричит, зрители взволнованы, некоторые безуспешно пытаются схватить мечущуюся по залу сумочку. Я прошу публику сохранять спокойствие, говорю, что полиция уже здесь, надеваю полицейскую фуражку, достаю игрушечный пистолет и объявляю спецоперацию по задержанию сумочки начатой. После чего я эту операцию с блеском завершаю и приказываю сумочке самой вернуться к своей хозяйке. Сумочка немного дурачится, прыгает на колени к какому-то мужчине, но я-полицейский непреклонно повелеваю ей вернуться к СВОЕЙ хозяйке, и сумочке ничего не остается как повиноваться. И все довольны — и дама, и публика, и я, — и Диджей по уши в наших эмоциях.

Но все эти розыгрыши не идут ни в какое сравнение с тем шоком, который вызывают у публики наши кукольные представления. Ибо кукла, в которую вселяется Диджей, оживает настолько натурально, что даже мне становится не по себе. А уж когда кукла отправляется в зал и ведет задушевные беседы с публикой и устраивает викторины, то рты свисают до пола, а глаза распахиваются на пол-лица.

Мне даже пришлось приложить немалые усилия, чтобы несколько остудить возникший вокруг меня ажиотаж. Ажиотаж штука хорошая, но меня он не очень устраивал. Со всех сторон посыпались предложения долгосрочных контрактов с баснословными гонорарами, которые я неизменно отклонял, объясняя это желанием сохранить свою независимость. И вообще, подлинное искусство не продается! Что, совсем не продается? — спрашивали меня. Да, совсем, — отвечал я. И что, даже вот за такую сумму не продается? — спрашивали меня, показывая число, до которого я даже не уверен, что умел считать. Да, даже за такую, — отвечал я, проглатывая слюну. Вот. Оцените мою твердость и железные принципы. А после того, как оцените, я признаюсь, в чем заключалась реальная причина этой твердости.

Дело в том, что я прекрасно отдавал себе отчет в том, что весь успех театра «Видимо-невидимо» — всецело заслуга Диджея, а не моя. Диджей, конечно, славный малый, но у меня нет никакой гарантии, что завтра ему все это не надоеет и он не оставит это занятие. И будь я в этой ситуации связан каким-нибудь крутым контрактом (а на такие человеческие глупости, как договорные обязательства, Диджей плевал со своего чердака), то я окажусь в очень и очень неприятном положении. Можно очень сильно упасть, а падать я не люблю — обычно это весьма болезненная процедура. Нет уж, благодарю покорно! Пусть славы и денег будет поменьше, но зато сон будет крепким.

Так что мы с Диджеем чувствовали себя прекрасно, кочуя из города в город вдоль побережья, давая свои представления в основном в гостиницах и туристических комплексах. Нам везде были рады, и все складывалось замеча-

тельно. Меня, правда, несколько удивило небрежное отношение к моему приезду директора отеля, но это первое мое выступление в этом городе и, возможно, в нем еще недостаточно обо мне наслышаны.

Однажды Диджей открыл мне тайну. Оказывается, когда в одном месте собираются больше одного брауни, то вместе они способны на такое, что одному брауни не под силу. В частности, им ничего не стоит вызвать массовую галлюцинацию, и скажу вам откровенно, людям чрезвычайно повезло, что брауни не выносят общество друг друга.

Это меня заинтриговало, и как-то перед одним представлением мы нашли в гостинице местного брауни и предложили ему принять участие в представлении. Брауни согласился, но потребовал в качестве платы нечто совершенно определенное — ему захотелось получить от публики те эмоции, что сопровождают сексуальное возбуждение. Да, у него явно губа не дура. Я согласился, но предупредил, чтобы они с Диджеем при вызове морока все-таки не допускали пошлостей. Эффект был сногсшибательный, и когда на сцене затанцевали полуголые несуществующие танцовщицы, я сам был потрясен. Публика была в восторге, местный представитель потусторонней фауны наелся сексуальным возбуждением до потери пульса, а я решил впредь прибегать к услугам посторонних брауни только в исключительных случаях, иначе мировой славы и пугающих долгосрочных контрактов мне уже не избежать.

Вот сейчас был именно такой случай. Я намеревался поразить эту стерву Лили всем, что мог найти в своем арсенале. Поэтому и поручил Диджею найти в отеле других брауни в каком-нибудь количестве и договориться с

ними. Кстати, что-то долго он не возвращается, я даже начал слегка беспокоиться. Как говорят классики, ты в ответе за тех, кому поручил.

Но я зря беспокоился — Диджей вскоре появился и сообщил, что ему удалось найти и договориться даже не с одним, а с двумя брауни.

— Отлично! — воскликнул я. — А какую плату они просят?

— Ясно какую — эмоции, — ответил Диджей.

— Ну это-то понятно, — сказал я. — А какие именно эмоции?

— Страх, — ответил Диджей.

Нехорошее предчувствие кольнуло мое сердце.

— Страх? — переспросил я, надеясь услышать какой-нибудь иной ответ. И я его услышал, но легче от него не стало. Наоборот.

— Даже не совсем страх, — ответил Диджей. — Скорее, ужас.

М-да, брауни тоже бывают разные — хорошие и плохие. Хотя делить их на хороших и плохих по их пристрастиям в вопросах питания — неверно. Это все равно, что называть хорошими людьми вегетарианцев, и плохими — всех остальных. Нет, ну можно, конечно, и назвать. Вот только верно это не будет. А, плевать — назовем этих брауни-гурманов плохими, ничего это не меняет. Тем более, что что-то мне настойчиво подсказывало, что связываться с ними не стоит.

— Черт! А ты не пытался с ними поторговаться?

— Ни в какую, — отозвался Диджей. — Подавай им ужас, и все тут.

Так. Нехорошее предчувствие росло. Ко мне в голову

со стуком и криками ворвались Здравый Смысл, Инстинкт Самосохранения, а также Элементарная Осторожность, и стали наперебой уговаривать меня не ввязываться в такую сомнительную авантюру. Мол, публике это может здорово не понравиться. Скажу честно, возразить мне им было нечего. Но тут перед моим мысленным взором в ослепительном сиянии появились ноги Лили, они росли и росли, пока не заняли все пространство, отведенное под мозговую деятельность, вытеснив из него Здравый Смысл, Инстинкт Самосохранения а также Элементарную Осторожность. И я подумал, что, возможно, дело не так уж плохо, и все может обойтись. А если я не поражу воображение хозяйки этих ног, то мне вряд ли удастся войти с ними в тесный контакт — с ними, и со всем остальным. Таким образом я принял решение не отказываться от услуг «кровожадных» брауни. Если вы мужчина, то вы меня поймете. А если женщина, то считайте, что этого абзаца не было.

Наступил вечер, а вместе с ним и время представления. Я глянул в зал из-за кулис — зал был набит битком. Я поискал глазами Лили и нашел ее сидящей в седьмом ряду. Она закинула ногу на ногу и сияние от ее колени покрывало люстры под потолком несмываемым позором. Рядом с Лили сидела какая-то дамочка, но судя по всему они были незнакомы. Это, впрочем, неважно — главное, что ее не сопровождал никакой мужчина, этого я бы не вынес.

Ну что же, пора начинать. Напустив на себя озабоченный вид, я несколько суетливо вышел на сцену. Надо сказать, что я никогда не давал публике заранее понять, что представление начинается. Никаких объявлений, третьих звонков и выключений света. Все выглядит якобы спонтанно и все прекрасно освещено — пусть зрители видят, что я не похож на других артистов и мне скрывать нечего, нет никаких веревок, отверстий в полу и прочих секретов. Пусть сразу поймут, что я — особенный.

Итак, я выскочил на сцену, подошел к микрофону и озабоченно хмурясь сказал:

— Дамы и господа! Такая неприятность — мне срочно надо записать одну оригинальнейшую мысль, но, оказывается, у меня при себе нет ручки. Может, у кого-нибудь из вас найдется ручка, или карандаш, или фломастер, или кисть с красками, или ноутбук?

Некоторые зрители уставились на меня в недоумении — а это что еще за чудо вылезло на сцену? Ну и что, что у него ручки нету! У них тоже много чего нету, но они же на сцену не лезут! А большая часть публики попросту меня проигнорировала. Но один солидный господин все-таки среагировал на мой призыв, он вытащил из внутреннего кармана пиджака ручку, вытянул ее перед собой и сказал:

— Вот, пожалуйста. Только постарайтесь вернуть мне ее до начала представления.

Я улыбнулся и ответил:

— Премного благодарен! Только вот боюсь, что вернуть вам ручку до начала представления никак не получится. Дело в том, — я торжественно повысил голос, привлекая к себе внимание зала, — что представление уже началось!

И в тот же момент ручка вырвалась из его руки, пронеслась над рядами и застыла передо мной. На несколько мгновений воцарилось молчание, а затем зал взорвался аплодисментами. Я раскланялся, поблагодарил почтеннейшую публику и сказал:

— После такого одобрения я не считаю возможным отвлекаться на запись даже очень оригинальных мыслей, так что я предоставлю этой любезно одолженной мне ручке самой их записать — мне кажется, она неплохо с этим справится.

Я взмахнул рукой, и ручка подлетела к столику, стоящему на сцене. На столике лежало несколько тетрадных листов, на одном из которых она начала что-то писать, старательно раскачиваясь в разные стороны. Зрители опять восторженно зааплодировали. Короче, все шло как обычно, я четко вел представление по устоявшейся системе, и Диджей тоже не зевал и честно отработывал свой эмоциональный хлеб.

Когда же я решил, что зал уже достаточно разгорячен, я перешел к главной части представления — кукольной. Вот что повергает публику в шок похлеще любых иных фокусов!

Для начала мы с ожившим Буратино немножко пообщались на сцене, и у зрителей еще могла оставаться слабая надежда на наличие ниток, магнитов под полом и еще черт знает чего, что могло бы приводить куклу в движение и говорить за нее. По-моему, Диджей справлялся с оживлением кукол существенно лучше всяких хитроумных технических приспособлений. Но объяснять это другим я, естественно, не собирался. Пусть надеются на веревочки и шестеренки. А я чуть позже попробую их воображение на прочность, отправив Буратино в зал. Обожаю наблюдать за реакцией ошеломленных зрителей, когда кукла отправляется в зал поболтать с ними по душам, проходя между рядами и садясь к ним на колени. Пускай поищут ниточки и веревочки. Хе-хе.

Привычно довольный собой, я кинул взгляд на Лили, ожидая увидеть восхищение в ее глазах, но вместо этого я обнаружил ее в том состоянии, которое вполне можно назвать скукой.

Однако! Это меня обескуражило. Впервые я почувствовал себя неуверенно на собственном представлении. А вообще, что за фигня?! С чего это она скучает, спрашивается? Она что не видит, какие я тут чудеса творю, что ли?! Уж всяко покруче, чем ее стройные задние конечности! Ишь ты, скучно ей, видите ли! Все, понимаешь ли, восхищены и потрясены, а она сидит зевает! Ладно, у меня еще не все козыри вышли, милейшая.

Оставив Буратино наедине с залом, я потихоньку ускользнул за кулисы переговорить с двумя нанятыми брауни.

Они были здесь. Оба. М-да... Я никогда еще не встречал брауни столь бандитского вида. Червячок. В смысле, червячок сомнения вновь зашевелился в моей душе. Даже не червячок — червяк. Червячище.

Я уставился на брауни. Брауни уставились на меня. «А теперь давайте станцуем вальс, сударыня, я пррриглашаю»,

донесся из зала задорный голосок Буратино-Диджея. Я молчал. Брауни молчали. Пора ломать это затянувшееся молчание, подумал я. Пора, согласно кивнул один из брауни. Ломать! — нарисовалось на лице второго, от чего оно приняло совсем уж садистское выражение.

— Значит, страх? — спросил я строго.

Брауни закивали головами.

— И даже ужас?

Брауни закивали еще энергичней.

— А может, договоримся о чем-нибудь попроще?

Брауни покачали головами.

— То есть твердо стоим на своем? Непоколебимо?

Твердо, кивнули брауни. И непоколебимо.

— Так. И что будете показывать? Какой именно глюк?

— Да так, — ответил один из брауни. — Ничего особенного.

— Да, — кивнул второй. — Лесок покажем.

— Значит, лесок?

— Лесок.

— И это все?

— Ну... не совсем... — замаялся первый брауни.

— Еще зверушку покажем, — вставил второй.

— Какую еще зверушку? — продолжал я проявлять настойчивость.

— Ну такую... Вы таких не знаете, — сказал первый.

— Ничего особенного. Зверушка как зверушка. На змейку похожа... Немножко, — сказал второй.

Лесок. Зверушка. На змейку похожа. Нехорошее предчувствие стремительно переросло в очень нехорошее предчувствие.

— Значит, так, — сказал я как можно весомей. — Показываете лесок и свою зверушку, быстро надкусываете по ужасу и живо сворачиваете свой иллюзион. Вам ясно?!

Брауни кивнули.

— Ладно, я пошел объявлять, — сказал я. — И смотри-те у меня!

Я вернулся на сцену, отозвал расшалившегося Буратино и объявил:

— А теперь, дамы и господа, прошу внимания! Сейчас мы с вами на минутку заглянем в щель между мирами. Мы увидим кусочек неизведанного. Станем свидетелями мистерии. Очевидцами потусторонних событий. Наблюдателями мира, что лежит по ту, — я произвольно махнул рукой, — сторону ночи. И может, это путешествие покажется вам несколько... волнующим, но вам будет о чем потом вспомнить. Итак, в путь, дамы и господа!

Сказав это, я отошел к краю сцены, пристроился там на стульчике и замахал руками, притворяясь, что колдую, Буратино-Диджей уселся у меня на коленях, а на середину сцены выбежали два моих новоиспеченных знакомого семейства брауни. Они взялись за руки, напряглись, и в тот же момент в зале стало темно. Воцарилась тишина. Смолкли даже посапывания и покашливания. И тогда со всех сторон появилось зеленоватое сияние, а в нем стали проступать контуры неясно пока чего. Над головами сияние приняло красноватый оттенок, и вдруг мы увидели небо. Точнее, мы догадались, что это небо. Потому что это небо было

чужим, незнакомым и каким-то... неправильным. Оно было цвета красной глины, и по нему проплывали кажущиеся плотными свинцовые тучи — так низко, что, казалось, они вот-вот рухнут на наши головы. Недоброе небо. Такое небо наверняка скрывает в себе угрозу. Контуры неясно чего стали четче и превратились в диковинную флору. Массивные деревья, одним своим видом наносящие моральный ущерб. Слизь, покрывающая их стволы, издавала легкий стон. А из веток на нас смотрели тысячи глаз. Самых глаз не было видно, но это не имеет значения. Имеет значение то, что эти глаза СМОТРЕЛИ. Недобро так смотрели, недружелюбно. Так изголодавшиеся хищники смотрят на травоядных кандидатов в первое блюдо. Не удивлюсь, если эти глаза состоят в прямом родстве с этим небом. У них определенно есть родственные черты.

И тишина... И в этой тишине только тихий стон... Мне стало очень не по себе. Если это и есть их «лесок», то я даже подумать боялся, что может из себя представлять их «зверушка».

Так, надо прекращать это дело до появления зверушки.

— Диджей, — зашептал я на ушко Буратино. — Останови их. Немедленно.

Диджей отозвался не сразу. И это мне не понравилось. Еще больше не понравилось то, что он в итоге ответил.

— У меня не получается, — сказал Диджей. — Они меня не слышат. Они сейчас поедают страх и ни на что не реагируют. Там столько страха в зале... Разве ты не чувствуешь?

Откровенно говоря, я чувствовал. Когда страха ТАК много, он становится осязаемым. Я и сам был близок к состоянию ужаса. Надо что-то предпринять, пока не поздно! Но что? Если эти умники не реагируют на Диджея, то с чего бы им реагировать на меня? Нет, остановить их у меня нет шансов. Ждать пока они лопнут, нажравшись страху — тоже не годится. Значит надо позаботиться о публике. Убедить ее, что ничего страшного не происходит, что все, что они видят (а также слышат и обоняют), нереально. А потом попробовать потихоньку вывести зрителей из зала. Как выполнить последний пункт, я не имел ни малейшего понятия, так как отыскать выход в этой плотной стене слизистых глазастых деревьев — задача не для рядовых суперменов. Значит, пока надо попробовать успокоить людей, а потом будем голову ломать. Черт, и где были мои мозги, когда я соглашался нанять этих не в меру прожорливых брауни! Впрочем, дурацкий вопрос. Кому как ни мне знать, ГДЕ были мои мозги...

Ладно, хватит рассуждений — надо действовать! Я решительно встал, подошел к микрофону и сказал:

— Дамы и господа! Не стоит волноваться. Все, что вы видите перед собой, это всего лишь искусно созданная иллюзия. Фантазия. Сказка. Выдумка. Очень реалистичная и мастерски выполненная, — насчет мастера это я на себя намекал, типа я это все сделал и совершенно не боюсь, вот и им бояться нечего, — но совершенно не реальная. Ее не надо бояться. Давайте лучше полюбуемся этими удивительными красками, диковинными деревьями и невероят-

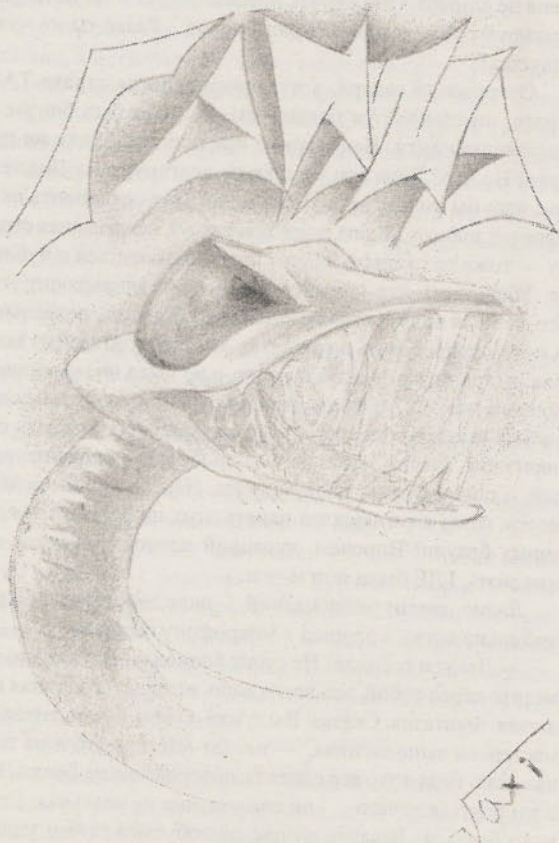
ным неземным небом. В конце концов, ничего страшного ведь не происходит...

И тут зал взорвал истошный женский вопль. А за ним — еще и еще вопли. Люди повскакивали с мест, с ужасом уставившись на что-то за моей спиной. Еще не обернувшись, я уже понял, в чем дело — это появилась «зверушка».

И я не ошибся. «Зверушка» была прямо за мной. «Зверушка» возвышалась надо мной на несколько метров, и при этом видимой была, похоже, не большая ее часть. У «зверушки» были глаза размером со спутниковую антенну-тарелку. Зверушка-зверушка, зачем тебе такие большие глаза? У «зверушки» были зубы — коллекция наточенных сабель и мечей. Зверушка-зверушка, зачем тебе такие большие зубы? А вот ушей у «зверушки» не наблюдалось, так как «зверушка» оказалась гигантской змеей. Слишком гигантской. Неприлично гигантской. Черт! Как говорится, приплыли... Будь она хоть трижды иллюзией, без инфарктов сегодня не обойдется.

Я перевел взгляд на паршивцев-брауни. Они явно прибывали в нирване — за страхом им подали в качестве второго блюда ужас. Интересно, подготовили ли они что-нибудь и на десерт? Козлы!

Тут змея открыла пасть. Медленно так открыла, чтобы мы в деталях разглядели ее коллекцию холодного оружия.

Разглядели и оценили — богатая коллекция. Змея шипела. Мне показалось, что она сейчас что-то скажет. Например, «вы слышите меня, бандер-логи?». Но змея ничего не сказала, она только шипела. Очень красноречиво шипела. И громко. Я никогда до сих пор не подозревал, что шипение может быть таким оглушающе громким.

Мне придется признать, что я находился в расстерянности и совершенно не знал, что делать. До меня начало доходить, что чем бы это все не закончилось, это представление может стать последним. Кто захочет ходить на спектакли, где случается массовый инфаркт! Черт, что же делать? Ведь должен же быть какой-нибудь выход!

И вдруг все вокруг застыло. Застыла змея. Застыли облака. Застыли взгляды. Застыли зрители в нелепых позах с перекошенными от страха лицами. А по проходу между рядами ко мне медленно приближалась Лили, и в наступившей тишине был отчетливо слышен стук ее каблучков. Она подошла и уставилась на меня с иронией. А я, наверно, выглядел не очень умно, так как вообще перестал понимать, что происходит. Поэтому и не нашел ничего более умного, чем спросить:

— Что происходит?

Лили сложила руки на груди и с легкой насмешкой в голосе сказала:

— Мне показалось, что ты несколько потерял контроль над ситуацией. Поэтому я решила слегка остановить течение времени.

Просто так сказала. Как нечто обыденное. Подумаешь, делов-то. Остановить. Течение. Времени. Да, чуть не забыл — слегка. Да уж! Если бы это не я ее пытался поразить, чтобы ее добиться, а она меня, то можно сказать, что в этот момент она меня добилась.

Между тем Лили продолжала:

— Итак, что мы имеем? А имеем мы некоего субъекта, обнаружившего в себе незначительно повышенные способности к восприятию потаенного мира, но при этом ведущего себя так, будто ему открылись тайны мироздания.

— Незначительно повышенные? — возмутился я.

Вместо ответа она указала на двух прозорливых брауни и спросила:

— Ты их видишь?

— Конечно, вижу!

— А их? — она указала пальцем в другую сторону. Я проследил взглядом в этом направлении, но увидел только пол сцены.

— Нет, — ответил я в недоумении.

— Ну вот, — усмехнулась она. — А ИХ ты уже не видишь. А ведь ОНИ — там! И сейчас ОНИ всей компанией с интересом за тобой наблюдают.

Вот это я называю крушением иллюзий.

— Самое печальное в твоей ситуации, — продолжала Лили. — Это то, что ты стал совершенно бесконтрольно с нашей стороны играть с огнем.

Так... С НАШЕЙ стороны... Ну-ка, какие еще сюрпризы меня ждут?

— Ты как ребенок, который дорвался до коробка

спичек. И ничего удивительного, что когда случился пожар, ты оказался не в состоянии его остановить.

— Какой еще пожар? — пробурчал я, скорее, чтобы вообще что-нибудь сказать.

— Это метафора, — пояснила Лили. — Я имею в виду то, что сейчас произошло.

— А, — сказал я.

— Какое легкомыслие! Ты очень несерьезный человек.

Вот тут она права. Легкомысленный — да! Но к своему праву быть легкомысленным я отношусь со всей серьезностью.

Лили пристально на меня помотрела и вдруг перешла на сухой официальный тон:

— Ладно, перейдем к делу. Я представляю Общество Посвященных. Мы — Тайное Правительство нашего мира. Обнаруженные в тебе способности означают, что ты должен перейти под наш полный контроль. Тебе запрещается самовольно использовать свои связи в потустороннем мире. Со спектаклями придется покончить. Далее. Тебе надлежит оставаться в отеле еще один день. За тобой придут наши люди. И не пытайся скрыться, это бесполезно. А сейчас забирай своего Дждея...

— Диджея, — машинально поправил я.

— ...забирай своего Диджея и отправляйся к себе в номер ждать наших представителей.

Она повернулась к брауни-недоумкам и приказала:

— А ну, немедленно прибрать за собой!

— А мы что? Мы — ничего. Мы уже наелись и собирались уходить, — залепетали брауни, и тут же «зверушка» и «лесок» испарились, а зал вернулся в свое естественное состояние.

Лили резко развернулась и грациозно направилась в сторону выхода. У самой двери, она на секунду задержалась, щелкнула пальцами и время снова пошло. Зрители зашевелились, начали ошалело озираться по сторонам, а самые смысленные стали посматривать в мою сторону, и их взгляды говорили о том, что у них накопились ко мне кое-какие вопросы. Я не был настроен отвечать на их вопросы ни сейчас, ни потом, поэтому быстро ретировался за кулисы и потихоньку смылся к себе в номер.

Я ни на секунду не собирался задерживаться в этом отеле. Фразы «Общество Посвященных» и «Тайное Правительство» вызывали у меня исключительно негативные эмоции, пусть даже в этом Тайном Правительстве и состоят девушки с умопомрачительными ногами. Обойдусь. Не хочу иметь ничего общего ни с тайными, ни с явными правительствами. А по поводу того, что меня отыщут, если я скроюсь, смею напомнить, что до сегодняшнего дня они меня вычислить не сумели, так что нечего меня на понт брать.

Я быстро собрал свои вещи, подхватил саквояж, свистнул Диджея и вылетел из номера. Но прежде, чем я покину этот гостеприимный отель, надо нанести визит директору за гонораром.

До директора, оказывается, уже дошла информация о скандале на моем представлении. Он очень топал, махал

руками и кричал, что подаст на меня в суд. В итоге он все свел к тому, что никакого гонорара мне не положено. И даже мое обращение к силам тьмы не поколебали его решимости. Хорошо, что мы с вами уже знали о том, что он сволочь (вы ведь наверняка помните тот отвратительный эпизод с увольнением уборщика) и были готовы к любой пакости с его стороны. Иначе нас неминуемо бы ожидало разочарование в человечестве.

С тяжелыми мыслями я покинул стены этого недоброго отеля и побрел по улице вдоль увеселительных заведений и игорных домов. Взгляд мой неожиданно упал на большую неоновую надпись «Казино» на одном из зданий, я остановился и задумался. Ко мне подошел какой-то тип и псевдо-сочувственно сказал:

— Что, приятель, неприятности?

Я посмотрел на него и с удивлением узнал уволенного уборщика. Хм. Знаем мы, что кроется за этим притворным сочувствием. Доволен, зараза, что не один он в передрагю попал.

— Да, жизнь такая штука... — произнес уборщик с мрачным удовлетворением в глазах. — То падение, то взлет...

Так. Если он сейчас скажет что-нибудь о черных и белых полосах, я его возненавижу.

— Жизнь — она ведь как зебра, — глубокомысленно изрек экс-уборщик. — То белая полоса, то черная. Сейчас ты на мели, а завтра бац — и выйдешь в короли.

Ну вот, пять баллов мне за сообразительность. Вот ведь, философ хренов. Еще и поэт к тому же. «Бац — и выйдешь в короли». Нет, он не Байрон... Он совсем другой какой-то... А может, директор отеля не так уж и был неправ, что его уволил?

— Сегодня у тебя дырявый карман, а завтра ты срываешь банк, — сказал уборщик, кивнув в сторону казино.

Стоп! А вот это идея! Сволочь-директор мне не заплатил, и денег у меня мало. А чтобы скрыться и затаиться, нужны деньги. С этим, я полагаю, спорить никто не будет.

— Диджей, — обратился я к приятелю. — Ты разбираешься в картах?

— А тебе куда надо? — спросил Диджей.

— Мне куда не надо. Я про игральные карты, а не географические.

— А! — отозвался Диджей. — Это где вальты, дамы, короли и тузы?

— Они самые!

— Нет, не разбираюсь.

— Ничего, Диджей, от тебя много и не потребуется. Так, мелочь — говорить, какие карты у противника. Сейчас мы с тобой пойдем в казино немного пообвыгрывать.

И мы пошли в казино немного пообвыгрывать.

Эй, кто там сказал, что я аморальный тип?! Ничего подобного! Аморальные типы — это как раз те, кого мы сейчас обыгрывать будем. Вы бы их видели! Эти типы совершенно аморальны!

Впрочем, как говорится, это уже совсем другая история...

Сергей УСТЮГОВ

Окольцованные

Штешин говорил и говорил. Только через полчаса Скарлыгин начал задавать вопросы, сначала язвительные, потом все более и более заинтересованные.

Скоро они сидели и с жаром обсуждали положения, набросанные на бумаге. Время от времени военный искоса поглядывал на Штешина и довольно про себя улыбался.

В этот знаменательный вечер в деревне состоялся союз коммунистов и военных, совсем как когда-то до революции. Да, к слову сказать, Штешин и взял многие идеи из деятельности большевиков. Благо описаны они были в свое время очень подробно.

В доме Семена, в комнате сидело десять человек. Две женщины, хозяйки магазинчиков, городской мужчина, тоже владелец магазина и пять зажиточных крестьян. Рядом с председателем собрания демократом Федором находился Михаил — новый русский.

— Господа! — с пафосом начал Федор, — Да, да не удивляйтесь, господа! Я не боюсь этого слова, вы — цвет нации. За вами будущее России.

— Я начну с самого главного: нам всем нужно объединиться и тать управляющей и организующей силой в деревне. Господа! Если мы не сделаем этого, мы все проиграем. Поодиночке нас просто уничтожат.

Присутствующие сидели и переглядывались. Чего он плетет? Стоило собираться для этого? Многие начали проявлять нетерпение.

— Вы посмотрите! — Федор сделал трагическое лицо. — Коммунист и военный уже объединяются. Скоро они соберут вокруг себя всю деревенскую гольгтыбу, пьяниц и лентяев.... И тогда что? А тогда они перейдут в наступление и отнимут у вас все. Да, да. Магазины ваши перейдут в общество, скотину вашу, господа фермеры, тоже заберут. Ну а технику, трактора, машины само собой.

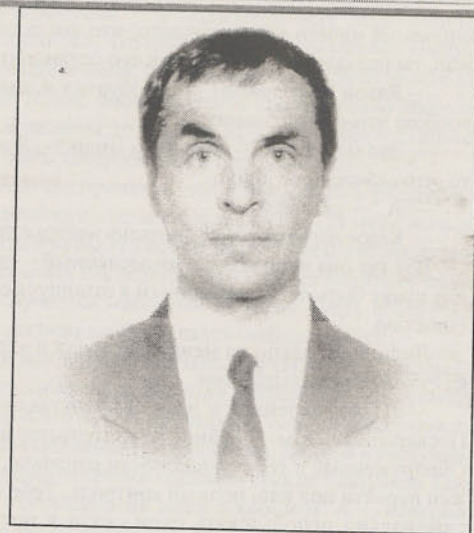
— Как это?

— Да я перестреляю каждого, кто попробует!

— Пусть только сунутся!

Собрание закипело. Федор задел за боковое.

— Если вы не отдадите по-доброму, они просто арестуют вас. Не забывайте их больше. А как вы знаете оружие в деревне предостаточно. В каждом доме наверно не по одному ружью имеется. Подумайте о том, что руково-

дить ими будет профессиональный военный. Опыт у него имеется. Поодиночке они вас и захватят.

— А как же власть?

— Ну что может сделать один участковый. Вы сами видите, какое положение в деревне. Когда еще изоляция деревни прекратится, да прекратится ли она вообще. Господа, надо думать это надолго. Поэтому мы должны принять своевременные меры. Я предлагаю следующее: учредить республику, выбрать правительство, президента. Установить законы.

— Ну и что это будет? Нам-то чем лучше будет?

— Да вам прямая выгода ото всего этого. Вы все, по крайней мере многие из вас войдут в правительство. Правительство издаст свои, подчеркиваю, свои законы, которым будут подчиняться все. А если кто не будет, у нас, как в сильной демократической республике, полиция наведет порядок.

— К тому же, господа, куда вы собираетесь девать излишки мяса, молока, шкуры, наконец? Некуда! Так вот республика будет у вас все это закупать!

— И что же она будет со всем этим делать?

— Господа, как вы знаете, Михаил Александрович специализируется на бизнесе. У него есть свои идеи. Если мы придем к соглашению, а я надеюсь на это, он разъяснит свои планы. В этих планах вы занимаете главное место.

— Да он обдерет всех как липок!

— Ну, этого мы ему не позволим. Вы же сами будете в правительстве. Мы будем контролировать каждый его шаг.

Михаил молча смотрел на односельчан. Силен же в них дух недоверия. Всю жизнь их обманывали. Вот и сомневаются сейчас.

Собрание закончилось часа через три. В конце концов, все согласились. Только один фермер, новенький, он приехал откуда-то из Центральной России, отказался. Его не уговаривали, вольному воля.

После долгих колебаний президентом республики избрали Федора. Но, не смотря на все его попытки прота-

Окончание. Начало в №№ 4-6.

шить в премьер-министры Михаила, мужики уперлись. Они говорили, что не надо никакого премьер-министра, без него проживут. Михаила назначили помощником президента по торгово-экономическим вопросам. В состав правительства вошла одна женщина и четверо фермеров.

Назавтра должно было состояться первое заседание правительства. На нем надо было принять основные законы и определиться с полицией. Пора было уже брать власть в свои руки. Хватит беспорядка.

Деревня зашевелилась. Потом пошли разговоры. Во всех домах взрослые обсуждали свежие новости. Дети же ни на что не обращали внимания. Отопление в школе заморожено и хорошо, учиться не надо. Бегай на улице целыми днями, благо погода стоит теплая. Морозец градусов десять, а что это за мороз для детворы.

Снова сидит Иван Петрович у сторожа Матвеича на конном дворе и слушает рассказы. Матвеич неторопливо говорит и между делом смолит свою сигарку.

Дошел Алеша до деревни и поселился у бабушки, что у околицы жила. Потихоньку ей по хозяйству помогает: то коз пасет, то кур кормит. Так и живут с бабкой.

Соседом у них был странный мужичишка. Жил один, бобылем, скотины у него не было. Говорили, что из другой деревни приехал, года уж четыре живет здесь.

Смотрел на него Алеша и никак не мог понять мужика. Ни с кем не разговаривает, гостей у него не бывает, да и сам в гости не ходит, нелюдимый, одним словом. Ладно, бабушка объяснила, мол, скупой он, всякую ерунду по деревне собирает и у себя дома складировает.

Стал Алеша примечать за соседом. И точно, любую железку на дороге подберет. Тащит ее и бормочет: «В хозяйстве пригодится». Заглянул к нему Алеша во двор и даже присел парень: целые кучи навалены. Здесь куча железок, тут куча деревяшек, там куча стекла битого все собирал сосед. Ребятишки, бывало, таскали у него что-нибудь из этих куч, так он злился по-страшному, гонялся за ними.

Ездил сосед раз в неделю в город. Вез туда полные котомки, обратно пустой возвращался. Что он там, в городе делал, никто не знал. Поговаривали, что сдает он железки свои, хлам всякий, получает копейки, а все равно возит.

— Куда ему деньги, ведь родственников-то у него нет? — спрашивал Алеша у бабушки.

— Так копит он, — отвечала бабка, — сидит на хлебе и воде, ничего не покупает.

Все бы ничего, привыкли к нему в деревне, да на беду соседа, кто-то проследил его в городе. Приехали за ним мордвороты на машине и перевернули все в доме. Целыми мешками что-то из дома вытаскивали. Прямо днем все это получилось. Только уехали ребята, как вой послышался от соседа. Алеша туда, думал, убили мужика. Но нет. Сидит тот на полу в избе и волосы на себе рвет: «Все забра-

ли, все! Паразиты, сволочи! Как же я сейчас буду?»

Алеша успокаивать кинулся, так тот чуть ему глаза не выцарапал, думал тоже грабить пришел. Плюнул Алеша и к бабке вернулся, не нужна его помощь.

По деревне разговоры пошли, мол, много денег у мужика вытащили. Чуть ли не довоенные, даже были. А мелочи железной, килограммов сто было. Понятно, в деревне приврать любят, но все равно что-то было у соседа, иначе бы зачем из города поехали.

С тех пор потух совсем сосед, носа на улицу не кажет. Раньше бывало, с самого утра по улицам мотается, вынохивает, где что можно подтянуть, все в хозяйстве сгодится. А сейчас вроде бы и заговариваться начал. Однажды пришел к магазину с сумкой, да и давай из нее деньги людям бросать. Те кинулись собирать, да отступились. Посмотрели — деньги-то еще застойных времен. Вон как долго он копил.

Теперь каждое утро сосед ходил по улицам и свое барахло разбрасывал. Мол, берите люди добрые, да поздно уже, никому его железки не нужны.

Алеша через два дня после того случая и ушел из деревни. Захотелось ему мир посмотреть. Шагал он по дороге и думал:

— Вот жадность человеческая! До чего человека довели. Как он может сочувствовать ближнему своему, если он видит в нем вора, который хочет украсть его добро. И чем больше у него богатства, тем меньше он видит горе и бедность другого. И на все у таких одно оправдание: время такое, каждому свое...

Как Стешин договорился, как все устроил, но собрание бедноты состоялось в конторе колхоза.

Двое местных стояли у дверей в красный уголок и тщательно отбирали входящих. Середняков и побогаче, тем более торговцев не пускали.

Наконец собрание началось. Открыл его коммунист Стешин.

— Товарищи! Мы все здесь собрались, для того чтобы решить одну задачу. Как жить дальше?

Он замолчал и пытливым взором окинул аудиторию. Колхозники молчали.

— Товарищи, вы не хуже меня знаете положение дел в колхозе. Еще это проклятое кольцо. Что будем делать?

Стешин впивался глазами в сидящих, но ничего, даже проблеска мысли, у колхозников не видел. Да-а, трудно с ними будет. Но ничего, справимся.

— Как вы знаете, сейчас хорошо живут только те, кто успел хапнуть в свое время. А вы? Почему вы плохо живете? А потому плохо живете, что власть захватили капиталисты-демократы. Вот так!

— Я предлагаю вам создать Советы трудящихся и военных, и взять власть в свои руки. Отобрать у богатых нажитое нечестным трудом и отдать в управление Советами. А потом спокойно жить и работать. Вот взгляните, что

сейчас делается. Вокруг деревни кольцо. Богатые с демократами объединяются, к ним присоединяются новые русские. Дальше, больше. Скоро они вас всех зажмут так, что вы и не пикнете. Будете работать на них в три раза больше и ничего при этом не получать. Давайте думать, товарищи.

— А чего думать, — послышался голос с задних рядов, — давай командуй!

— Подождите, надо прежде выбрать Совет. Я предлагаю военным комиссаром подполковника Скарлыгина. Возражений нет?

Скарлыгин поднялся, внушительно навис над трибуной и внушительно сказал:

— Товарищи! Я введу строжайшую дисциплину. Никакой расхлябанности, никакого разгильдяйства!

Колхозники со страхом смотрели на военного. Этот действительно может навести порядок.

Как-то само собой получилось, что Стешин стал председателем Совета. А вот с членами Совета вышла неувязка. Военных выбрали быстро. Подполковник просто назначил себе заместителей, определил несколько командиров отрядов и все. Колхозники же в Совет не спешили. Скорее всего, они боялись.

Стешин снова начал расписывать перспективы хорошей жизни. Колхозники жались, переглядывались между собой, опускали головы, никто из них не выказывал желания войти в Совет.

— Товарищи, вы поймите, скоро наступит в деревне «золотой век».

— Так у нас нет золота! — выкрикнули из зала.

— А что у вас есть?

— Навоз у нас есть. Много его, на всех хватит.

— Вот и будет в деревне «навозный век», — захохотали собравшиеся.

Атмосфера несколько разрядилась. Дальше пошло легче. С шутками да прибаутками, наконец, выбрали Совет. Он остался после собрания и назначил первоочередные задачи.

Подполковник почти не вмешивался в ход заседания. Другие мысли одолевали его. Он был военным, военным до мозга костей, но даже его страшило то, что могло скоро произойти в деревне. Он понимал, что без кровопролития не обойтись. И все же мучительно размышлял, как же его избежать. Ничего не выходило. Все революции были кровавыми.

Скарлыгин слушал возвышенные речи Стешина, простые грубые замечания мужичков и видел, как падают, обливаясь кровью, люди, как в панике бегут женщины и дети, как горят добротные крестьянские дома. Ему стало страшно. Одно дело война, там приказы не обсуждаются. Здесь же маленький вождь хочет залить кровью деревенские улицы. Нет. Этому надо помешать.

После заседания Скарлыгин решил собрать своих людей и обсудить положение.

Поздно вечером, поскрипывая полозьями саней, из деревни выехал воз. Спереди сидел мужчина. Он кутался в просторный тулуп, и тихонько понукая лошадь, поминутно оглядывался.

Над деревней, совсем как живая, висела яркая желтая луна. Во многих домах еле светились окошки. Изредка брехали собаки, да пьяный колхозник, матерясь, пробирался домой.

Лошадка, пофыркивая, тянула тяжело нагруженные сани. Вот и околица. Мужчина еще раз оглянулся, глубоко вздохнул и хлопнул вожжами по заду лошади. Та недоуменно обернулась, обиженно кося глазом, но после второго удара подхватила и быстро затрусила по наезженной дороге.

Сани спустились под горку к реке, и вот здесь лошади пришлось действительно туго. Возница направил ее не в сторону, где обычно рыбачили мужики, а по плохо накатанной дороге совсем в другую.

За полчаса они преодолели каких-нибудь триста метров. Мужчина, выругавшись, вылез из тулупа, и, черпая валенками снег, ступил в целину. В руках у него была фанерная лопата, которой обычно чистят снег. Он подобрался к берегу, скатился на реку и начал яростно кидать снег. Вскоре он очистил площадку в несколько квадратных метров. Тогда он вернулся к саням, взял с них ломик и стал добить лед. Долбил он долго. Наконец показалась черная, блестящая под луной вода. Мужчина снял шапку, вытер рукавом пот и заспешил к возу. Еще полчаса он таскал к проруби какие-то продолговатые предметы и спускал их в воду. Закончив, мужчина поднял шапку и прислушался. Тихо. Никого. Он тщательно закидал снегом прорубь, развернул лошадь и, взяв топор, отрубил от деревьев, растущих вдоль реки, несколько веток. Он тщательно привязал их к задку саней и поехал к деревне.

Миша приоткрыл глаза, зрение постепенно прояснялось. Белый беленый потолок, сиротливо висящий плафон... Он с кряхтением повернулся на бок. Где он? Ах да! У брата в деревне.... Миша тяжело застонал и попытался сесть. В животе что-то заколыхалось, грозя выплеснуться наружу. Миша замер и начал вспоминать вчерашний вечер.

Сначала они сидели у Владимира. Миша помнит, как два раза посылали Володиного сына за водкой. Потом несколько фермеров и Миша ушли к Федору. Федор, подвыпив, кричал:

— Мы будем самой богатой страной в мире!

Его одергивали, подливали и, в конце концов, он «слопался». Его пристроили на кровать, а более крепкие фермеры и Миша продолжили торжество. Сколько раз мальчишки бегали за водкой, Миша уже не помнил.

За стеной весело переговаривались ребята. Мать их строжила, заставляя замолчать. Но Миша уже проснулся и желал только одного — опохмелиться. С трудом откры-

вая рот, он позвал: «Коля!» Через минуту появился Николай и с порога торопливо заговорил: «Счас, Мишаня, счас».

Миша держал в руке граненый стакан и с отвращением смотрел на прозрачную жидкость. Потом, не долго думая, опрокинул содержимое в рот и почувствовал, как сначала в горле, затем в груди беспощадно зажгло. Организм начал оживать. В животе все успокоилось.

Миша сбегал во двор и, возвращаясь в дом, обратил внимание на то, что собаки, обычно басовито полаивающей на него, нет. Что-то скнуло под сердцем. Миша торопливо подскочил к сараю и дернул за замок. Замок вместе с пробоем выскочил. Миша заглянул в сарай, внутренне уже понимая, что там пусто.

— Коля! — заорал, заскакивая в дом, Михаил.

Испуганный Коля выбежал из кухни и замер. Михаил схватил его за грудки и начал таскать по прихожей.

— Ты что, гад! Куда... куда... дел? — Михаил от ярости заикался.

— Чего дел? — лепетал Коля.

— Оружие куда дел? — рявкнул Михаил.

— Никуда. Все на месте, — бледнея, удивился Коля.

— Иди... иди, посмотри!

Они выбежали во двор. Коля запрыгнул в сарай и долго тыкался из угла в угол. Вышел он растерянный и долго разводил руками.

— Где собака? Собака где? Я спрашиваю, — орал Михаил.

На крики выбежала Наталья, жена Николая.

— Ты чего на него орешь? Ну, нету собаки, ну и что? Сорвалась. Подожди, есть захочет, прибежит.

— Да ты что, Наталья, не понимаешь? Ружья у нас украли! И следов, гады не оставили.

Действительно, ночью был небольшой снегопад, и он начисто скрыл следы злоумышленников.

Расстроенный и злой Михаил сидел за столом на кухне и что-то бормотал. Оказывается, он считал.

— Вот так, родственники! Я заплатил за ружья деньги, а они пропали. Все, лишился я денег. А кстати, вы что, ничего не слышали?

Наталья, сердито глядя на Михаила, буркнула:

— Не было нас. У свояка были. Домой уже после часу пришли.

— Нет, ну вы удружили, родственнички, — язвительно заговорил Михаил, — значит, так вы охраняете мое добро. Придется вам сейчас рассчиты-

ваться. Как раз ваша доля от водки и получается.

Наталья вспыхнула, выбежала из кухни, и в комнате послышался звук открываемого комода.

— Вот! Забирай и уматывай отсюда! — закричала Наталья, бросая пачки денег на кухонный стол.

Михаил опешил, он не ожидал такой вспышки от обычно тихой и молчаливой Натальи. Что-то переменялось в нем, он начал успокаиваться и ворчать.

— Нельзя с вами пошутить, больно обидчивые все.

— Пошел ты со своими шутками! — сердилась Наталья.

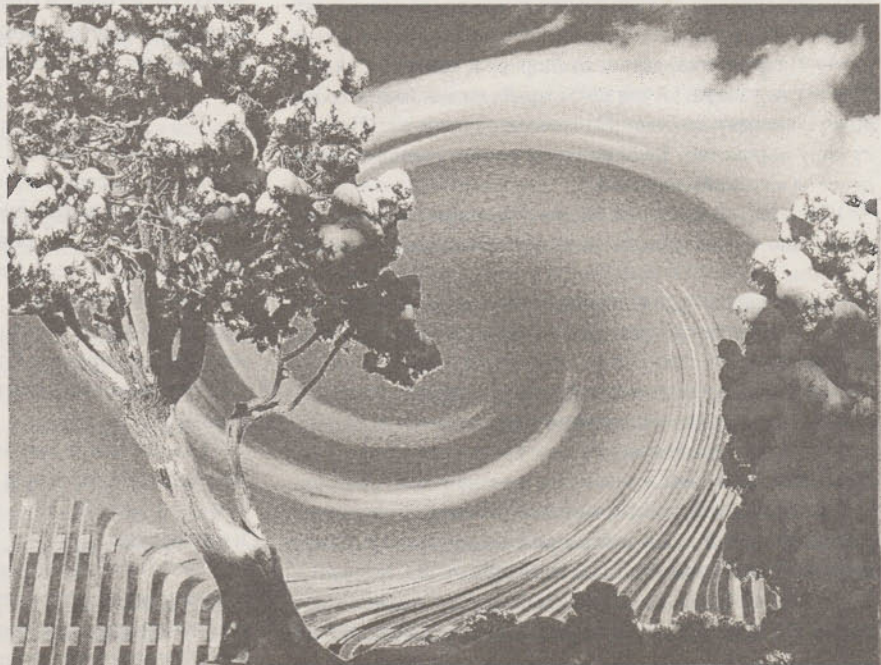
Но дело все равно шло к примирению.

Оказывается, Михаил все спиртное снова продал тем же торговцам, у которых раньше купил. Продав, разумеется, по завышенной цене. Подсчитав прибыль, он решил провернуть еще одну операцию. Он понял, на чем можно будет сделать деньги. Михаил нанял двух шустрых пареньков и через них скупил все ружья в деревне. Парни подкупали своих сверстников, те тащили у отцов ружья и приносили их Михаилу. Он все четко рассчитал, ребята не должны были проболтаться родителям, им просто попало бы по первое число. А оружием Михаил хотел распорядиться по-своему.

Такая блестящая операция и так нелепо кончилась. Но он все равно узнает, кто утащил ружья. И тогда....

Деревня снова взбудоражена. В магазинах, возле колодцев все обсуждают листки бумаги. Их нашли у ворот каждого дома.

— Ты посмотри, Светлана.... «Дорогие граждане свободной деревни», — читает листок дородная баба в му-

жицком полушубке, — это мы-то дорогие? И когда это деревня стала свободной?

Собеседница поддакивает, а сама тем временем успева-ет оглядывать полки магазина.

Мужики на листки почти не обращают внимания. Взгля-нут, немного почитают и отдают своим женам. Зато ребята, соскучившись по школе, читают и перечитывают не со-всем понятные слова.

В листке говорится о собрании. О повестке собрания написано расплывчато и туманно. У Федора своя тактика. Это его люди трудились за пишущей машинкой и потом разносили листовки. Федор действует. Он хочет объеди-нить деревню. Он хочет управлять деревней.

В назначенный час в красном уголке колхозной конто-ры не протолкнуться. Все развлечения в деревне со вре-мени появления кольца разом кончились. Ни телевизора, ни радио, ни газет — ничего не осталось.

Чисто выбритый и надушенный одеколоном, Федор торжественно вступает в красную комнату и проходит к трибуне. В зале слышится шиканье, это успокаивают наи-более разговорчивых.

Федор окидывает глазами аудиторию и слегка морщит-ся. Почти одни женщины. С ними будет труднее. У них напрочь отсутствует всякая логика. Ладно. Попробуем на эмоциях.

— Дорогие граждане свободной деревни, — внуши-тельно начинает Федор, — мы все здесь собрались, чтобы определиться, как нам жить.

— Вы все знаете, что деревня в кольце. Школа не рабо-тает, руководство колхоза устранилось от управления. Что же будет дальше? А дальше будет еще хуже. Скоро кончит-ся мука....

Женщины обеспокоено стали переглядываться. Мно-гие зашевелились, словно готовились скорее бежать и ску-пать остатки муки.

— На ферме нарастает беспорядок, начинаются про-блемы с кормами.... А вы посмотрите на магазины.... Ско-ро и там ничего не будет. Подвоза продуктов нет. Набира-ет силу воровство. Если все это продлится еще с месяц, деревня начнет вымирать.

Надо отдать должное Федору, говорил он очень эмо-ционально, почти артистически играя своим поставленным голосом.

Аудитория загудела. Никому не хотелось вымирать.

— Успокойтесь, граждане! — поднял руку Федор. — Есть выход!

Он помолчал, нагнетая атмосферу, и продолжил:

— Выход в сильной демократической власти.

— Опять демократы...

— Надоело уже...

— Но не в той, — прервал толпу Федор, — что суще-ствует сейчас в России, а в совершенно другой. Подлинно народной, без коммунистов и партократов.

— Мы выбрали людей, который наведут порядок. Пре-кратится бардак в колхозе, наладится дисциплина, остано-вится воровство и ограничится потребление спиртных на-

питков. Все будет контролироваться.

Посмотрите на развитые страны. Там никто не бедствует. Люди там не интересуются политикой, им просто этого не нужно. Вот и мы добьемся того же.

Аудитория молчала. Все переваривали услышанное. Что-то новое начинается в деревне. Новая перестройка, что ли? А не будет ли еще хуже? Сколько лет все обещают и обещают...

— А сейчас, граждане, я вам зачитаю основные поло-жения Конституции Новой Республики.

— А ведь точно, начинается что-то новое.... Какая-то Республика....

— А с мукой как?

— С кормами, как будете решать? Скотину скоро не-чем кормить будет?

— Что со школой будете делать?

Федор чувствовал, что побеждает. Люди начали зада-вать вопросы, обращаясь к нему, как к новой власти.

Федор обстоятельно и четко ответил на эти и множе-ство других вопросов. Он заранее подготовил ответы и обсудил их с фермерами. Затем Федор зачитал основные положения Конституции и уже приготовился доставать листы для подписи, как вдруг мнения собравшихся по не-которым пунктам разошлись. Воду мутил маленький ста-рикашка с острыми глазами. Он в течение минуты «раско-лол» зал и начались шумные споры.

Еле успокоил Федор аудиторию. Он снова начал убеж-дать колхозников. Его красноречию позавидовал бы лю-бой известный оратор. В этот день он превзошел сам себя.

В конце концов, большая часть присутствующих со-гласилась, и потянулась к столу, где, не глядя, подписывала положения Конституции. Федор успевал незаметно подсо-вывать для подписи еще один документ, где были отпеча-таны списки членов Правительства. Таким образом, пусть и не совсем честно, но Федор с компанией становились за-конной властью «свободной» деревни.

Сено было хорошее. Пахло летом и солнцем. Переки-дывать его на сани было одно удовольствие. Однако мужи-ки боязливо оглядывались, несмотря на все заверения Сте-шина о том, что все сейчас общее и народное. Дело в том, что грузили они сено фермера Конюшенко.

Три лошади стояли, переминаясь с ноги на ногу. Сте-шин бегал вокруг копны и бестолково командовал. Мужи-ки не очень доверяли Стешину, но деваться было некуда, на ферме кончалось сено и приходилось выходить из поло-жения.

Стешин еле уговорил мужиков на экспроприацию. Он пообещал, что их семьи в первую очередь будут получать молоко и мясо. Мужики подумали о голодных ребятишках и согласились.

Три воза сена двигались к деревне. Покос фермера на-ходился рядом, километрах в двух от деревни. В свое вре-мя фермер провел переговоры с председателем колхоза и с главой администрации и получил этот покос. К слову ска-

зать, и остальные фермеры имели покос почти рядом с деревней. А вот все покосы и пастбища колхоза были за границей кольца.

Они уже подъезжали к ферме, как неожиданно их оставил громкий крик:

— Вы, что, сволочи, делаете? Заворачивай обратно! Я вам покажу, как мое сено воровать!

Сзади их нагонял хозяин сена, фермер Конюшенко.

Мужики сначала испуганно съезжились, воровство есть воровство, хоть как ты его не прикрывай заумными словами. Но потом в них заговорила возвращенная годами перестройки, ненависть бедных к богатым.

Они молча слезли с возов, и, не глядя на растерянного Стешина, подошли к фермеру.

— Ты чего орешь? Все теперь наше, народное!

Фермер от изумления даже поперхнулся. Вот так наглость!

Мужики не мешкая, начали охаживать богатея. Досталось ему крепко. Злые мужики разошлись не шутку, и только Стешин кое-как успокоил их.

Все. В деревне начались столкновения. Стешин не откладывая, прибежал к подполковнику Скарлыгину. Подполковник обедал и не сразу понял, о чем торопливо говорит Стешин. Разобравшись, он шумно вздохнул и посмотрел прямо в глаза Стешину.

— А что ты хотел? Вот так все и будет.

— Ну, так надо что-то делать.... Ты хоть выдели мне несколько человек с оружием. Ведь фермеры наверняка поднимутся.

— Послушай меня внимательно, — Скарлыгин потер лоб, — дорогой ты наш вождь, у нас нет оружия. Все ружья у моих людей выкрали. Я, правда, еще не разобрался, как это случилось. Но факт есть факт.

— А как мы сейчас без оружия? — растерянный Стешин нервно мямл свою шапку.

— А вот так! Сижу сейчас и думаю, где оно может быть.

— А если у фермеров....

— Тогда все мы проиграли. Придется к ним в услужение идти.

Подполковник сморщился.

— Ненавижу эти самодовольные рожи. Как посмотрю на них, так и хочется чем-нибудь вдарить.

В дверь постучали

— Войдите, — гаркнул подполковник.

Дверь на секунду приоткрылась, появилось мальчишечье лицо, и, увидев Стешина, мгновенно скрылось.

— Ты посиди здесь, я сейчас.

Скарлыгин поднялся и вышел в сени. Вернулся он обеспокоенный.

— Слушай, Стешин. Все оружие в деревне скупил Мишка новый русский. Ловкий ход ничего не скажешь. Но не это главное. Главное то, что оружие у Мишки украли. Ты понимаешь, что это означает?

До Стешина доходило медленно. Наконец и он понял.

— Это что в деревне появилась третья сила?

— Ну, появилась, не появилась, но кто-то готовится.

— А у тебя точные сведения?

— Это не твои заботы. Давай думать, как быть дальше?

Все намного усложнилось. Значит, в деревне существует еще кто-то, кто действует тайно, исподтишка. И наверняка у него есть информаторы. В таком случае никому нельзя доверять.

— Но ведь и демократ Федька остался без оружия....

— Ну и что?

— Как что. Значит, мы можем спокойно возить сено на ферму. Надо показать крестьянам кто на самом деле управляет деревней. Конечно, возить под охраной твоих людей.

— Все не так просто. Ты вот даже не посоветовался со мной, когда крал сено.

— Я не крал. — Возмутился Стешин. — Мы экспроприировали его.

— Ага. Я на тебя посмотрю, как ты будешь магазины экспроприировать. Там тебе живо голову оторвут.

— Значит, мне нужна охрана.

— Не так нужно, не так, — размышлял Скарлыгин.

— А как?

— Не знаю пока, но чувствую не так надо действовать.

Сторож Матвейч неторопливо ведет рассказ. Председатель Иван Петрович, навалившись на стол, внимательно слушает.

Однажды Алеша заблудился в лесу, никак выйти не может. Плутал, плутал вышел на речку и пошел по ней. Через час вышел на поле, а за полем виднелась деревенька. Пospешил он туда, а когда приблизился, то увидел, что в деревне-то осталось три дома и те старые, покосившиеся. Людей нигде не видно. Он уж подумал, что заброшена деревня, когда из одной избы дед показался, старый, седой весь. Обратился к нему Алеша, так, мол, и так, почему деревня заброшена. Дед посмотрел на парня и заговорил:

— Эх, сынок, время такое пришло. Умер наш Хранитель. И никому свое дело не передал.

— Какой Хранитель? — удивился Алеша.

Дед посмотрел на Алешу, стоит ли рассказывать, и видимо понравился ему парень. Пригласил он его в избу, чаем на травах напоил, и рассказывать начал.

Давным-давно, люди в земле жили, в пещерах, да ямах. Вот в то время и пришел в одну такую земляную деревню один странник. Походил он, посмотрел, как люди маются, и научил их избы строить. Да избы-то не такие, как сейчас, а особые. В таких избах здоровье никуда не уходило, а наоборот копилось. Остался странник в этой деревне, и многому еще людей научил. Так и жили. Мужики на земле работали, да в лесу зверя промышляли, женщины одежду шили, грибы и ягоды заготавливали, да за детьми глядели. А странник, как лекарь у них был. Любые болезни лечил, даже самые тяжелые.

От этой деревни и пошло по всему краю, везде дома

такие стали строить. Полегче людям стало жить и повеселее.

И вот люди в деревне, где жил странник, начали замечать, что любые беды их стороной обходят. В соседних и мор, и напасти разные, а у них ничего, как будто бережет их кто, охраняет. Конечно, не сразу, а только догадались люди, что странник их охраняет. Они у него и спрашивали и пытались, только не признается странник. Ну и ладно. Лишь бы деревне хорошо было. А уж перед смертью передал странник свое умение другому, конечно, никому ничего не сказал, нельзя это. С тех пор и стали звать их Хранителями. В какой деревне живет Хранитель, в той и спокойно всем. Знают люди, что ничего плохого ни с кем не случится. И засухи не будет, и болезней больших, и воров в деревне не будет... А где нет Хранителя, там всякие беды возникают, тревожно люди живут, всякую напасть ожидают. Вот и в нашей деревне был Хранитель. Но вот беда, умер он и не передал никому свое умение. Захирела деревня. Сначала молодежь, потом и постарше в город подались. Остались мы — старики, а что от нас толку-то. Вот и доживаем свой век, да смертушки поджидаем.

Побыл у стариков Алеша неделю, всю работу переделал, а потом они сами его дальше отправили, нечего, мол, со стариками водиться. Хотел Алеша с ними поспорить, да сказали старики, что дети у них есть, скоро приехать должны.

Сердечно попрощался со стариками Алеша и пошел дальше.

Матвейч затыкнулся своей самокруткой и выпустил густую струю дыма. Иван Петрович шумно вздохнул и только хотел встать, как вдруг в двери сторожки ворвался пацан лет двенадцати и закричал:

— Дедушка Матвейч, дедушка Матвейч! Там... там... биться будут! Мужики стенка на стенку собрались.

Парень увидел председателя и поперхнулся. Иван Петрович ничего не успел сказать, как парнишка уже исчез.

Сейчас уж точно придется вмешаться, хочешь, не хочешь, а кровопролития он допустить не должен. Иван Петрович встал и повернулся к двери.

— Постой, Петрович, — окликнул его Матвейч, — не вмешивайся.

— То есть, как не вмешивайся?

— А вот так! Не будет крови, ничего не будет. Все кончились

наши напасти. — Дед довольно и хитро улыбнулся.

— Ты это брось, Матвейч, не темни. Говори, что знаешь. — Председатель растерянно смотрел на сторожа.

— А знаю, Иван Петрович, — как-то официально начал Матвейч, — что сейчас с деревней все будет хорошо. Потому что пришел Хранитель.

— Где? Ты чего мелешь, старый? — начал волноваться председатель. У него уж появились мысли, мол, не того ли дед, не рехнулся ли от своих рассказов.

— Не веришь? — смеется дед, а сам рукой на двери показывает, — Да вот он, встречай!

Председатель еще стоял и смотрел на деда, как вдруг в двери кто-то постучал. Двери открылись, и в сторожку вошел молодой парень, одетый в простую крестьянскую одежду. Он вежливо поклонился и попросил разрешения присесть.

Председатель ошеломленно кивнул и когда немного оправился от замешательства, спросил:

— А ты кто, парень? И как тебя зовут?

— Я? Да просто человек. А зовут меня Алешей. Можно мне узнать, зачем у вас мужики драться собрались? Я подхожу к ним, они вот-вот готовы друг другу головы поотрывать. Я спрашиваю, они глаза опускают, никто ничего не говорит... Потом расходиться начали.... Странно....

— Так... так... это он, — еле выдохнул Иван Петрович.

— Ну конечно! — довольно сказал Матвейч.

— А как же кольцо?

— Подожди, он и до кольца доберется. Вот наведет в деревне порядок, и до кольца черед дойдет.

Конец ноября 2000 г. — начало февраля 2001 г.

Александр ПАПЧЕНКО

Папченко Александр Иванович родился 4 октября 1960 года в маленьком пристанционном поселке Ямполь (сейчас Привокзальный), Ямпольского района, Сумской области, Украины). Отец Папченко Иван Афанасьевич, мать Папченко Лидия Даниловна.

Детдом в городке Ахтырка. В 1967 году школа-интернат города Шостка. После окончания школы в 1977 году поступил в кинотехникум города Ростов-на-Дону. Окончил его в 1980 году и тут же был призван в армию, в железнодорожные войска. Служил вначале в городе Чернигов, затем в городе Петрозаводске. Демобилизовался в 1982 году.

В 1982-83 году Папченко А. И. работал в Ямполье на заводе мастером по кранбалкам, киномехаником в кинотеатре, оператором химчистки. В 1983 году устроился на работу на Свердловскую киностудию супермехаником, затем там же стал ассистентом оператора, вторым оператором... В этом качестве отработал пять художественных, десяток-другой научно-популярных и документальных фильмах. В 1987 году Папченко А. И. ушел с киностудии на Свердловское государственное телевидение где и работает в качестве телеоператора.

Рассказы, фельетоны, очерки с 1983 года в газетах и журналах «Уральский рабочий», «На смену», «Вечерний Екатеринбург», «Парус», «Уральский следопыт». В 1987 году книга 26 авт. листов «Принцип Портоса» — повести и рассказы о и для ребят среднего школьного возраста. Сюжеты для «Ералаша». Сценарий анимационного фильма «Записки аниматора». Реж. С. Айнутдинов. Пьесы, статьи, в журналах «Урал», «Театральная жизнь» и тд.

8 октября 1997 года вступил в Союз российских писателей.

Лит

Ю. Б. Локшиной

Вот и солнце, вот и свет, вот и тени — это я. Все что я чувствую — я. Все что я вижу — я. Так устроен мир.

У куропатки есть и запах и тень. Я чувствую запах куропатки, сладкий запах ее слежавшихся перьев, запах ее помета и я знаю — это куропатка. Никому в голову не придет отделить запах куропатки от самой куропатки и понимать их отдельно. Невозможно охотиться только на запах куропатки. Так же и человек — никому в голову не придет оторвать от меня руку и понимать ее отдельно от меня. Или вот я вижу на речном песке свою тень и понимаю — это я. Нельзя отнять от меня тень, унести ее в другое место и оставить там. Тени нет без меня. Но и меня нет без моей тени. Во всяком случае я никогда не видел себя таким. Но даже пусть и так. Пусть моя тень исчезнет. Тогда меня станет меньше на мою тень. Нельзя отнять от меня мою руку, унести ее в другое место и оставить там жить. Рука умрет. И меня станет меньше, на одну руку. Мне будет больно оттого, что меня станет меньше...

Или вот я вижу ветвь орешника. Из нее можно сделать рогатину. Я ломаю ветвь орешника. Я ее обжигаю в костре. Я ее ласкаю ладонями, приноравливаюсь к ней. Мои руки запоминают каждый бугорок ее жилистого узловатого тела, каждый выступ — теперь эта рогатина часть меня. Потому что она стала продолжением моей руки.

Уроню я ее, наткнется на нее человек моего племени и почувствует — это я. Потому что у рогатины мой запах. А наткнется на рогатину незнакомец, ну хотя бы охотник из племени У, — ему незнаком мой запах. Он вначале подумает о рогатине как о чужом человеке. Поговорит с ней, то есть со мной, незнакомым ему. Познакомится. Поднимет с земли, даст ей свой запах, и рогатина станет им, став продолжением его руки. Мне будет больно оттого, что меня станет меньше на рогатину. И разве это не так? Разве не правильно, что все что я вижу это я? Разве вон та сосна, цепляющаяся корнями за песок на самом краю обрыва, не я? Разве это солнце, сверкающее в вышине, не я? Разве та, Имя Которой Произносить Нельзя, не я?

Например, идет Эли берегом реки, видит мою тень на песке, а я прячусь за деревом. Эли узнает меня по тени и не наступит на меня лежащего. Потому что моя тень и я, тот, что прячется за деревом, это все одно — это я, а Эли не тот человек, чтоб наступать на людей. Даже если это тень чужого человека.

Эли — та часть меня, что беззуба, мудра и седа. Осторожная часть меня. Задняя моя мысль. Несделанное впопыхах движение. Сгоряча не данное обещание. Моя скорая усталость, на дневном переходе. Иногда моя бессонница. Вот что такое Эли. А еще Эли мой лед, хотя это не так уж и важно.

Эли стар. У него нет зубов, а борода так седа и длинна, что напоминает клок водорослей тянущихся за течением, на перекате. Когда я был маленьким, мне казалось, что в

его бороде заблудилась рыбка. Заблудилась и плещется, и стремится против течения, отсвечивая серебристым брюшком. Вот я смотрю на сидящего у костра Эли. Костров несколько, и теней Эли столько же. Как сложно устроен человек, если может быть сразу таким разным?! Один Эли, черный и очень длинный, простирается до большого серого, в красных прожилках камня, лежащего у входа в пещеру. Этот Эли тягостно задумчив. И недвижим. Другой Эли толстый, как сам Оя. У него короткая шея и крючковатые руки. Смотреть мне на такого Эли страшно. Пламя костра окрашивают толстого Эли красным, и от этого он еще страшнее. Толстый сытый Эли лежит на земле, как обожравшийся паук... А вот Эли мерцающий. Его тень то гаснет, то вспыхивает, дробясь среди стволов деревьев — вот что делается в душе старика, хотя ему уже больше тридцати восьми зим! Эли, Эли... Тут я поднял глаза — в бороде старика плескалась рыбка. Я засмеялся — вот каким может быть Эли — рыбкой, прячущейся в собственной бороде. Ну разве не весело, каким может быть человек одновременно?

Но солнце еще не взошло. Солнце, этот огненный глаз, плавающий в лоснящейся белозимой выемке на голубом животе той, Имя Которой Произносить Нельзя, не взошло, потому что, та, Имя Которой Произносить Нельзя, еще спит. И пока она спит, даже сам Вигару не решается ударить камнем о камень. Чтоб не тревожить ее сон. Проснется она, и опрокинется над миром. Вглядываясь. И тепло и уютно станет всякому человеку под животом той, Имя Которой Произносить Нельзя. А ночью человеку неуютно. И страшно. Особенно когда та, Имя Которой Произносить Нельзя, разметается во сне, опрокинется на бок, и тогда над человеком только мгла, и в ней тлеют угли угасающего костра той, Имя Которой Произносить Нельзя. А погаснет ее костер, отчего, скажите, она зажжет завтрашнее солнце?!

Страшно человеку ночью еще и потому, что он сокращается до размеров себя и его становится мало. Только мягкая кожа, только хрупкие кости, и что-то еще, что стучит изнутри его, и трепещет, и шевелится в нем. И нет в человеке уже той березы, что стоит на опушке леса. Той, со сломанной верхушкой. И даже камень на перекате уже не часть человека. Тот большой серый камень, обглоданный рекой. Потому что темно, и березы и камня не видно. И сомнения одолевают человека — а ну как их там уже нет? Они исчезли, и утром человек не сможет быть собой! Тем, которым был вчера! Ведь без березы и камня человек уже другой...

Во мгле человек так легко теряет себя. И если человек уже и не камень, и не береза, и не река, тогда он кто? Лишь бы хоть что-то осталось от человека, когда наступает ночь. Пусть даже только то маленькое, что стучит изнутри его...

Эли тридцать восемь зим, а мне пятнадцать. Как говорил Эли — пережил зиму, сосчитай ее. Первые мои зимы мне насчитали, а остальные я уже сам. Вот мои зимы; Зима Голодная, Зима Большого Перехода, Зима На Новом Месте, Зима Болотных Псов, Зима «Мальчик мой», Зима Когда Мама, Зима Эли, Зима Дымная, Зима Один Туда и Один

Обратно, Зима Больного Уха, Зима Учита-ту, Зима Тех Что Неподалеку, Зима Бесснежная, Зима Теплая, и Зима Которую Еще Нужно Будет Называть...

Эта история началась давно, сразу после зимы которую я так и назвал — Зима Учита-ту. Учита-ту моложе меня. У нее нет родственников. Отец и мать Учита-ту умерли в Зиму На Новом Месте. Учита-ту жила не в пещере как все, а под обломком скалы. В Зиму «Мальчик Мой» та, Имя Которой Произносить Нельзя, обрушила обломок вместе с другими камнями с вершины Горы, и он сполз к ее подножию. Такой был грохот! Учита-ту тогда первой забралась в образовавшееся убежище и такхватила зубами за руку сунувшегося было следом за нею Сына Салисы, что тот до вечера отмахивал руку — вот такие зубы! Правда, убежище оказалось неудобное, продуваемое насквозь. Говорят, что видели, как однажды в непогоду из него сквозняком вынесло костер. Но Учита-ту была рада и такому убежищу. Еще бы, ведь раньше ей приходилось жалобно скулить у входа в чужие пещеры, пока какая-нибудь женщина, сжалившись, не позволяла ей погреться у своего костра.

Как-то в страшную Зиму Когда Мама, Учита-ту так же скулила перебираясь от пещеры к пещере, а ее никто не пускал, так как добыча в тот раз ускользнула от охотников, и все были голодные и злые. Ветер леденит. Он уже охрип от воя, а тут еще Учита-ту скулит. Эли наконец сжалился над Учита-ту и пустил ее за полог к нашему костру. И я проснулся. Я всегда просыпался, когда полог, тяжелая медвежья шкура, взлетев и опав, скреб обмякшими когтями лапами по каменному полу — значит, кто-то вошел. Я проснулся. Я думал, это вошла мама, и уже обрадовался. Я так обрадовался! Я даже забыл, что три дня назад мама уплыла по Реке навсегда... Я различил чей-то силуэт, протягивавший к костру руки. А тень греющегося отпечаталась на стене пещеры. Словно плыла по стене пещеры ко мне. Мама! Я вскочил... и увидел — это просто Учита-ту. Обыкновенная Учита-ту. Съежившись, вжавшись под бородком в колени, она испуганно косилась на меня, а я плакал от обиды. Как я мог обмануться? Но как я хотел обмануться! Всю зиму я ненавидел Учита-ту...

Потом шло время. Зима за зимой. Учита-ту привязалась ко мне, и бродила следом как собака. Сын Салисы тоже ходил в моих друзьях. Я был самый сильный среди них, и мне это нравилось. Мы вместе охотились на маленьких коричневых ящериц и жарили их на костре. Мы вместе забирались в заросли ежевики. А однажды мы ушли далеко, за поворот реки. Там, к перекату, подступали сосны и было много земляники. Сын Салисы отговаривал меня и не хотел идти так далеко. Но кто же не знает Сына Салисы? Он всегда был робким...

Подобрав все ягоды вокруг, мы улеглись на песок на берегу реки. Было жарко, и я уснул... Проснулся я... не знаю почему я проснулся. Приоткрыл глаза — рядом со мной на песке валялась шкура Учита-ту, а сама она лежала в реке, среди камней на перекате. Там было так мелко, что вода перекачиваясь через Учита-ту и не в силах скрыть полностью ее тело, урчала, как кошка. Из омота, что ря-

дом, тянулись по течению, словно волосы, водоросли, и вплетались в Учита-ту. Вода сверкала, серебрилась на солнце, и поэтому Учита-ту тоже серебрилась, и казалась рыбкой, в недоумении застывшей на перекате. Рыбкой, идущей на нерест. Рыбкой, которую так удобно, извинившись, проткнуть острогой...

Учита-ту скосила глаза — я не отвернулся. Некоторое время мы смотрели друг на друга... Учита-ту вдруг медленно раздвинула ноги, и у меня заломило в затылке. Прядь водорослей послушно изогнувшись, скользнула ей между колен. Затем собралась в жгут, в низу живота, и перетекла на узкий коричневый живот, покрыв его равномерно, оттуда на грудь, которая еще была плоская, как моя, и затем обвила ей лицо...

И так мы смотрели друг на друга долго. Потом Учита-ту улыбнулась. И уплыла с оттели. Почему она улыбнулась презрительно? Или мне показалось. Она ведь знала, что я еще не коснулся живота той, Имя Которой Произносить Нельзя, и поэтому я еще не мог сидеть у одного костра с мужчинами. Разве она не знала, что любого нарушившего запрет отдадут на съедение женщине-рыбе? Наверное знала, потому что с тех пор ничего такого, что повергало бы меня в сомнения, больше не делала...

Или я не прав? Или эта история началась позже? Тогда, когда лето еще не наступило, а я должен был идти и прикоснуться к животу той, Имя Которой Произносить Нельзя?

Улейкой еще кутался в тумане, и поэтому костер еще горел у входа в пещеру. И его дым, смешиваясь с кислым запахом мокрой земли, не хотел улетать, а стелился. Как пес. Как голодный болотный пес. И еще тогда шел дождь. Ленивый. И светало. Я выбрался из пещеры. Я обошел стороной спящих у тлеющего костра. Рыжебородый, лучший воин и следопыт племени, проснулся. Приподнялся на локте. Встретился со мной глазами и вновь опустил голову на валежник. Хотя сон его теперь будет некрепок. Потому что та часть Рыжебородого, которая в нем я, будет смущать его моими сомнениями. Интересно, как велика в Рыжебородом та его часть, которая я? Зато мне сейчас так кстати уверенность Рыжебородого, его сила. Даже его оскаленные в приступе ярости клыки мне сейчас кстати. Хотя такая улыбка вряд ли понравится той, Имя Которой Произносить Нельзя. И все таки я стал сильнее...

Рисунки Юлии Меньшиковой

По тропинке я спустился к реке. Как я и чувствовал — река спала. Под дождем. Я перебрался на другую ее сторону. Снял с ног чуфы, эти кожаные лоскуты, и сполоснул в реке. Вывернул их на изнанку и примотал к ступням так, чтобы ворс меха помогал мне взбираться на холм. Чтоб глина не выскальзывала из-под ступней. Кожаные ремни отсырели и скользили в пальцах. Это мне неприятно. Это я не люблю — скользящее в руках. Это как опасность. Вот интересно, от кого это во мне? Кого из нашего племени испугала скользящая в пальцах опасность, что мне тоже теперь это страшно? Что это за чувство такое — страх? И почему это чувство такое — страх?

Так думая, я взбирался на холм. Внутри меня Рыжебородый спорил с Эли. Эли отговаривал меня — Рыжебородый скалился... И почему это Рыжебородый сейчас сильнее Эли во мне? Тут я поскользнулся и упал. И больно

ударился лбом о землю. В шерсть набилась глина, и чуфы больше не задирали дорогу, а скользили.

Некоторое время, передыхая, я лежал на земле и думал о том, что у настоящего мужчины голова усеяна шишками. Это знает всякий. И я вспомнил, как был маленьким. Как шел от реки. Вот так же вверх. Мама стояла выше на берегу и звала. А я плакал и полз к ней. Плакал от досады на дорогу, на себя, на маму. Тогда дорога так же была мокра. И я так же соскальзывал и пытился, и скатывался вниз на берег реки. И вновь полз. Потому что мама звала. А я был тогда почти весь ею. А она мною. И казалось самым страшным разделить эти части — на нас. Я тогда еще не знал что это невозможно... И этот страх потерять ее во мне — гнал меня. Я полз, пока с размаха не ткнулся головой в ее колени. Пока я больно не ткнулся лбом в ее колени. Пока я едва не расшиб себе лоб о ее колени. Но эта боль смешалась во мне с чувством покоя. Потому что я достиг. Смог. Вот отсюда на голове появляются первые шишки у мужчин. И только потом уже от дороги. Вот почему появляется спокойствие внутри человека, когда он достигает цели.

Я встал на четвереньки. Я ухватился одной рукой за ствол орешника у самого его основания, другой рукой за другой ствол и, чувствуя, как больно сейчас орешнику оттого, что я гну и ломаю его, и от этого чувствуя боль в себе, все же пополз вверх. Пополз, стряхивая на себя задержавшийся в листьях кустарника дождь.

Я достиг вершины. Я стоял на ней на четвереньках и боялся разогнуться. Я глянул вниз — Улекой прятался в дожде. Вершина соседней сопки тоже пряталась в дожде. Где-то там внизу, за невидимой отсюда рекой, наше стойбище. Но его, как и реку, не видно. Не видно! Едва я это осознал, как меня неожиданно стало очень мало. Это сделалось со мной вдруг, как будто я в одном стремительном прыжке сузился. И я тут же стал неуклюжим, жалким, стоящим на четвереньках человечком. У меня закружилась голова от страха совсем исчезнуть. Я лег на землю и обхватил ее руками. Я лег на землю и прижался к ней. Вцепился в нее. Так что ногти заломило... Ногти заломило, и я перестал стремиться к себе. Я остался в этом видимом мне круге травы и деревьев. Но этот я был так жалок... А над головой туман. Если я встану, я наполовину исчезну в нем. Это-то и страшно... Оттуда, с нашего стойбища, туман как облако. Как твердое облако, похожее на камень. А оно не камень. Если бы я мог дотянуться до той, Имя Которой Произносить Нельзя, из другого места! Вот зачем я сюда пришел: чтоб прикоснуться к ней. Я поднял руку. Начиная от локтя она таяла и исчезала в облаке. Я пошевелил кончиками пальцев. И удивился, что они еще есть где-то... Чтоб прикоснуться к теплomu животу той, Имя Которой Произносить Нельзя, следовало встать. Встать и нырнуть в эту белесую пелену. В это ничто. И раствориться в тумане. Перестать видеть даже себя! Так вот почему так отговаривал меня старый Эли идти на Гору. Ты еще мал, говорил он. Вот почему скалился Рыжебородый. Ты еще слаб, скалился Рыжебородый. Они знали — для того чтоб прикоснуться к животу той, Имя Которой Произносить Нельзя, нужно потерять себя. Исчезнуть. Умереть.

Меня прошиб холодный пот. Или это дождь? А вдруг после возвращения я перестану быть тем кем я был, думал я. Потеряю себя того, который я есть сейчас, думал я. Колени дрожали. А вдруг я совсем перестану быть, думал я. Вдруг не вернусь никогда, думал я?

Уж я не тот человек, что может долго терпеть. Хотя даже и страх. Поэтому некоторые думают, что я отчаянный. А я не отчаянный, я просто долго не могу терпеть. Вот я и вскочил. Зачем? Кто мне скажет, зачем я боюсь страха прослыть трусом более страха погибнуть, скажем, в пасти пещерного тигра? Или страха исчезнуть в тумане? Потому что страх прослыть трусом будет грызть меня изнутри долго, а я не могу терпеть. Такой я.

Цепenea от ужаса, я вскочил. И поперхнулся белесой мглой. Пустота выгаращила на меня свои жуткие бельма. Я захлебнулся ужасом, и... я остался? Не было ничего, а я был?! Я не исчез полностью! Что за страшное чувство быть, когда ничего нет?! Зачем оно, это чувство? Зачем я, если нет ничего? И тут моя рука простертая ввысь, прикоснулась к чему-то теплому и мягкому... К ней! К животу той, Имя Которой Произносить Нельзя! И это прикосновение повергло меня на землю. Я упал. Я плакал от счастья. Или смеялся? Я катался по мокрой земле и плакал и смеялся — я понял! Я понял, что та, Имя Которой Произносить Нельзя, подвергла меня испытанию. Научила меня быть даже тогда, когда нет ни деревьев, нет ни сопок, ни травы, быть, тогда когда нет ничего.

Вот какой я теперь — теперь я мужчина, думал я, мчась с горы! Теперь мое место у костра среди мужчин, радостно думал я, несясь с горы! Теперь я смогу быть на равных с мужчинами, думал я! Вот как может думать человек, если он счастлив...

Нет, все таки эта история началась на следующий день. Точнее, на следующую ночь. Тогда как раз вернулся Рыжебородый с добычей. С тем кабаном. С тем огромным жирным кабаном. Вот не знаю я, как уж там Рыжебородый просил прощения у своей добычи, но мне почему то кажется что, может, и плакал. Уж очень силен был тот кабан! Что за огромные желтые клыки! А лоб — камень! А копыта? Можно понять Рыжебородого, как ему жалко было лишаться части себя, воплощенной в таком могучем облиции!

Костров должно быть много — всякий знает. Разве согреешь живот той, Имя Которой Произносить Нельзя, одним костром? К тому же чем больше костров, тем больше теней! Что за радостное зрелище эти мечущиеся по поляне, по стволам деревьев, по каменистому откосу, тени! Вот как много нас! Ух! Вот какое мы сильное большое племя!

Мы наконец согрели своими кострами живот той, имя Которой Произносить Нельзя, и она перевернулась на бок, отстранилась, и стал виден круглый желтый камень на стене ее пещеры. Когда та, Имя Которой Произносить Нельзя, бьет в него, бледнеет даже Вигару, такой это грохот и такой это свет.

А сейчас нам весело. Мясa, что принес Рыжебородый, хватит на всех. Даже старикам достанется. И вот я, сидящий среди мужчин, улучил момент, когда у всех рты были

заняты, отхватил кусок и снес Эли. Рыжебородый рыкнул на меня, но слишком он сыт сейчас, чтобы злиться. А толстопузый Ух ощерился. И закашлялся. Это он так смеется. Он смеется так, что складки его живота, лоснящиеся от жира, стекающего на них изо рта Уха, начинают смешно шевелиться и подрагивать. Как будто живот смеется отдельно от Уха. Отдельно — правда, это смешно? Помню, в зиму «Мальчик мой», я приходил смотреть на его живот и смеялся. Вот и сейчас от соседнего детского костра раздаётся хохот. А маленький Чок лишь покосился в мою сторону... Ох, уж этот Чок. Низкорослый, и голова его как моя босая пятка. И он никогда не ходит прямо. Даже направляясь к себе в пещеру, делает крюк. Потому что Чок хитрый. А Сын Салисы даже не посмотрел на меня. У него такие длинные волосы и он так низко склонился над пищей у себя на коленях, что я лица его не вижу. Он робкий. И еще Чужой, Тот Которого Оставила Женщина. Никогда не поймешь, о чем он думает. Скрытный он, этот Чужой.

Вот так мы сидели у костра, и я был в тот момент немножко скрытным, как Чужой, робким, как Сын Салисы, смелым, как Рыжебородый, хитрым, как Чок и веселым, как Ух. И даже Оя, печальное божество Оя, наверное, присоединилось к нам, потому что роса в ту ночь так долго не выпадала. И то, не все же Оя бродить по лесу и плакать в папоротниковых зарослях?

Вы спросите, где был Вигару? У Вигару свой, отдельный костер, потому что он должен неотступно присматривать за Воа. Ох, уж и тяжелый характер у этого божества!

Потом все стали жевать листья сакты. Вот с этого то все и началось. Вся эта история. С листьев сакты.

Едва все насытились — Вигару дал знак. У листьев сакты пряный вкус. И язык от них становится шершавым и отказывается служить человеку. Да и зачем человеку язык, если он не может высказать то, что он в этот момент чувствует?

Если бы круглый желтый камень той, Имя Которой Произносить Нельзя, сорвался со стены ее пещеры и рухнул наземь, я бы не удивился, так мы веселились. Все оставили свои костры и перемешались. Жирный Ух посыпал свой живот пеплом. Там, где на его животе был липкий жир, пепел прилипал, и получались полосы. Рыжебородый, тяжело ступая загнутыми внутрь, как клешни, волосатыми ногами, подошел к одной из женщин, сорвал с нее шкуру, опрокинул навзничь и стал владеть ею, размеренно хакая, будто рубил дерево. Чок вертел головой, как селезень, усмотревший в пламени костра пищу, пока у него не закружилась голова и он не повалился с застывшей на лице благодатной гримасой. Дети метались, словно брызги. И визжали. Кто-то мочился поодаль. Кто-то упал в костер, но его тут же выдернули оттуда, даже шкура, накинутая тому на плечи, не успела заняться, и это так развеселило Сына Салисы, что он стал икать. Он бродил между кострами и икал, как проклятый самим Вигару. Пока не наткнулся на Учита-ту. Да, так и было. Учита-ту рыжая. И я не знаю почему, но Учита-ту смуглая, хотя в племени таких смуглых больше нет. И на ней лоскут шкуры медведя. Так как ей четырнадцать зим, детей у нее еще не было, и поэто-

му, нельзя было понять, как она хороша. Насколько она будет хороша. Будет ли она хороша так же, как мясистая Усса, которая каждый год приносит потомство? Вот и сейчас Усса с животом, а значит, племя скоро станет еще сильнее. Хороша Усса! Раньше я думал — стану мужчиной и тут же овладею Учита-ту. Но чем ближе становился день, когда я должен был идти на Гору, чтоб коснуться живота той, Имя Которой Произносить Нельзя, тем больше я сомневался. А сможет ли узкое лоно Учита-ту вместить в себя ребенка, посланного мне той, Имя Которой Произносить Нельзя? И способно ли оно вообще принять его? А если я овладею ей, а ребенка не будет? Кем я буду? Как Оя я буду... Потому что скажут — вот идет тот самый Мадо, которому та, Имя Которой Произносить Нельзя, отказала в своей милости. Я думал, может сначала овладеть Усса? Или я боялся Учита-ту? Или я помнил презрительную ее улыбку, ту, которой она улыбалась тогда, на мелководье? И если она так мне улыбнется и я не смогу стать мужчиной — вот это будет смех! Но вот теперь, когда икающий Сын Салисы стоял и смотрел на Учита-ту, я вдруг понял, что хочу владеть ею сам. Или так — не хочу, чтобы ею овладел Сын Салисы. И даже в голове у меня помутилось. У меня заболела голова — я бросился к Сыну Салисы и оттолкнул его. Тот споткнулся и рухнул наземь. И заскулил, держась за ушибленное колено. Заскулил, как побитый пес. И та часть моей души, которая была Сыном Салисы, съезжилась. Потому что я так страшно ненавидел его в себе. И если бы не листья сакты, я бы, наверное, испугался этого. Как можно ненавидеть часть себя? Но я был горд и я не думал. Я положил руку на грудь Учита-ту. Накрыл ее левую грудь ладонью как птичку, и понял, что сейчас овладею Учита-ту. Немедленно. Так сильно мне захотелось ее. Я много раз видел, как это делают другие мужчины, и подражая им, сдернул с Учита-ту шкуру, в которую та куталась. Учита-ту оскалилась краем рта — острые зубы. Ощерилась, как пойманная в западню ласка. Но без отчаянья. И без презрения. Потом глаза Учита-ту расширились, и в тот же миг кто-то больно двинул меня в плечо. Я отлетел в сторону и едва удержался на ногах. Оглянулся — Рыжебородый. Он, оказывается, не насытился. Рыжебородый стоял, раскорячившись, и напоминал выброшенную рекой на берег корягу. Отвратительную корягу, облепленную рыжими водорослями. Под тяжелым взглядом Рыжебородого все попятились, признавая его право владеть Учита-ту... Сын Салисы, подвывая и приволакивая ушибленную ногу, пополз прочь. Рыжебородый посмотрел на меня, глухо рыкнул и ощерился. Все смешалось во мне, и я потупился. Удостоверившись в своем превосходстве, Рыжебородый коротким уверенным движением согнул Учита-ту. Согнул ее так, как сворачивают голову утки. Когда уток так много, что у охотника кружится голова от изобилия. Когда в запале охотник так торопится, что забывает извиниться перед уткой, прежде чем скрутить ей башку — вот это то меня и взбесило.

Не отворачивая от меня лица и не переставая щериться, Рыжебородый приступил к Учита-ту. Она завизжала, пронзительно и тонко. Едва Учита-ту завизжала — Рыже-

бородый сразу же потерял меня. Он забыл обо мне. Я увидел это по его глазам, обратившимся внутрь себя. Тогда я схватил с земли увесистую дубину и опустил ее на голову Рыжебородого. Рыжебородый упал. Нехорошо упал. Как камень, или как что-то плоское. Какое-то время никто не знал, что и подумать о случившемся. Учита-ту посмотрела на меня так, как я потом вспомнил, убегая, и с воем вцепилась мне в лицо ногтями. Ух! Разрывая его. А ее зубы впились в мое плечо. Я оттолкнул ее и бросился бежать. Что я наделал?! Я убил Рыжебородого. Быть может, мне бы еще и простили, если бы я убил самую смелую часть только в себе, но я убил ее в каждом из нас. Что такое каждый из нас без отваги Рыжебородого? Это половина каждого из нас...

Я бежал и вдруг вспомнил то, как на меня посмотрела Учита-ту и даже остановился от боли — глаза Учита-ту из темноты на меня смотрели презрительно. Как тогда, когда она была серебристой рыбкой на перекате. Уф!

Вот опять, та, Имя Которой Произносить Нельзя, разожгла Солнце и пустила его к себе на живот кружиться. Я лежал на нагретейшей спине валуна и смотрел, как липкий туман убирается за дальние сопки, увлакивая мои ночные страхи. Прошло время с тех пор как я бежал. Днем я искал съедобные корешки и охотился, а вот ночью... Ночью, забившись в расщелину у подножия Горы, я плакал и стонал вместе с Оя, я угрюмо пыхтел и скрежетал зубами вместе с Воа, я молил ту, Имя Которой Произносить Нельзя, и все равно был одинок и так мал, что наступи на меня в тот момент куропатка, я бы, верно, погиб под ее стопой.

Дрожа от холода, я раздувал ноздри, принюхиваясь, я всматривался в мрак, я ловил каждый шорох, каждую, самую неверную тень или отблеск в чаще леса, чтобы быть чем-то большим, чем я был на самом деле.

А однажды мне приснилась серебристая рыбка. Она плескалась у Эли в бороде. У рыбки были бедра, как у Учита-ту, и лоно. Я обнял рыбку, я привлек ее к себе и ощутил ее, трепещущую подо мной, я слился с ней, и меня бросило в жар — наконец-то я был не один! Но тут старик Эли открыл рот, и рыбка послушно заплывла туда. А я вновь остался сам с собой...

— Что ты надумал, Эли! — воскликнул я и проснулся. Некоторое время я был неподвижен во мраке. Я сидел в темноте, пораженный своим одиночеством, неожиданно увиденным как бы со стороны. Я сидел словно во рту Эли.

Затем на ощупь я выбрался из пещеры, вскарабкался на валун и завыл. А мне в ответ из чащи — волк. И я заплакал. Что же, я волк разве, той частью себя, которая во мне теперь ничья?!

Так шло время. Пришлось устроиваться на новом месте. Я натаскал в свою расщелину хвои и принял обозначать себя. Пока я жил в племени, обозначать себя не было нужды. Без всяких отметин было видно, что нас много, что мы сильны, что мы здесь, и что весь этот мир уже чей-то. Но когда ты один, ты не так заметен.

Однажды, в начале дня, я точно так же как сегодня лежал на спине валуна, смотрел, как туман увлакивает ночь, и вдруг почувствовал страх. Он был маленький и мохнатый, и как бы даже еще и не сам страх, а тягостное предощущение страха. Я насторожился и ощутил как по самому краю осязаемого мной мира, там, где от него оставались едва уловимые запахи и невесомые шорохи, двигалось что-то. Время от времени оно замирало, и я, почти теряя его, тем не менее знал, оно здесь, и оно тоже чув-

стует меня, как необъяснимую тревогу...

Он был из чужого племени, этот мужчина. Я понял это за миг до того, как он выступил из-за сгрудившихся в глубине распадка деревьев. Он был высок и немного нескладен — то есть его голова покачивалась на длинной шее словно под ветром. Но это он так прислушивался. Густые черные волосы спускались по загривку до середины спины. На плече у него лежала короткая узловатая дубина.

Незнакомцу предстояло пересечь открытое пространство, и почувствовав, как он напрягся, я напрягся вместе с ним. От незнакомца пахло водой и страхом. Водой — потому что он шел со стороны реки, а страхом — потому что он забрался далеко, стал одинок и понимал это.

И я подумал так — иди, незнакомец...

А он подумал — где ты прячешься?..

А я подумал — иди...

А он думал свое — а вдруг...

Часть меня, наполненная незнакомцем, дрожала его страхом перед невидимой опасностью...

А я подумал о Рыжебородом. Он тоже уходил далеко, и ему было тревожно одному. Но он нес в себе и меня тоже, и ему было легче от этого, а я его убил... Все во мне возмутилось от такого себя. Незнакомец вздрогнул, снял с плеча дубину и, обернувшись ко мне, попятился, низко склонившись, словно готовясь отражать нападение, и, не разгибаясь, поспешно пересек открытое место и скрылся в лесу. И его страх стал моим, и я еще долго потом не мог отделаться от ощущения, что боюсь себя. Раньше такого со мной не случалось.

Я пошел по следам незнакомца и достиг одинокого утеса на краю леса. Обычно так далеко я раньше не заходил. За утесом был незнакомый мне мир, с его перелесками и лугами. Там в траве сверкала вода и кричали птицы. Хорошие птицы. Вкусные. Но уйти от себя туда я не решался. Вот Рыжебородый, тот да, тот мог...

У подножия утеса я наткнулся на метку, оставленную незнакомцем. Она стояла невысоко. Я знал, что незнакомец мог бы помочиться и выше. Он мог бы разбросать свою метку широко, гордо, но не сделал этого. Скромно обозначил себя у подножия скалы и ушел. Я понял — незнакомец почувствовал границу моего мира как окончание собственного страха, и благодарил меня за то, что я его оставил... И я в волнении перебил его метку своей.

Потом я нашел крепкую сучковатую палку нужной длины и принялся обозначать себя. Я ел можжевельниковые горькие ветви, листья земляники, немного папоротника, отвратительного на вкус, затем приставлял свою палку к дереву, взбирался по ней и мочился на соседнее дерево. Мои метки должны были стоять достаточно высоко, чтоб чужой, случайно оказавшийся здесь, понимал, как я силен — вон какого я роста. И в то же время они не должны были пугать его своим резким запахом. Я просто говорил, что этот мир уже есть... И он уже такой. Я требовал уважения от незнакомца прохожего, а не страха.

То, что это Сын Салисы, я понял сразу. Он еще огибал поверженный бурей ствол сосны за два поворота от того места, с которого бы я мог его видеть, а я уже знал — это Сын Салисы. Я слышал его робкие неуверенные шаги, и

еще какой-то глухой ритмический звук — наверное, в руках у него была палка. Вот Сын Салисы остановился у второго поворота. Да там земляничная россыпь — вспомнил я и испугался, что он только для того и проделал свой путь, чтоб поесть земляники и вернуться. И я вновь останусь один. Я вскочил. Я хотел бежать ему навстречу... Но вот ведь как устроен человек — одному ему плохо, а бежать навстречу он не хочет! Но нет, вот Сын Салисы двинулся дальше и вдруг вновь остановился. Это он у моей метки, догадался я.

Когда Сын Салисы показался из-за деревьев, я сделал вид, что его приход мне безразличен. Я играл в камешки. Знаете как? Это когда два камешка лежат. Затем один из них подбрасываешь, и пока он летит, нужно поднять второй, и той же рукой успеть поймать падающий камешек. Детская игра. И тем не менее, когда Сын Салисы показался из-за деревьев, я уронил камешек. И он запрыгал-зацокал вниз по откосу. Сын Салисы проследил за его падением да так и остался с опущенными глазами. И у него действительно была палка — сосновая, обоженная, вверху небольшая рогатина, нижний конец заострен.

— Ты, вот... — сказал он, съезжился и замолчал.

Вот какой робкой частью прирос мой мир, но я и ей был так рад, что не объяснить!

— Знаешь, Рыжебородый умер... — сказал Сын Салисы и вновь замолчал.

И хоть я это знал еще в тот момент, когда увидел, как плоско Рыжебородый упал, мое сердце сжалось.

— Я пришел сказать... — сказал Сын Салисы и снова замолчал.

Так невнятно и медленно он говорил всегда, и раньше это меня злило. Но сейчас я так рад был его приходу! Эти его спутанные на затылке волосы и длинная сосновая хвостинка в них, козья шкура на его плечах, его палка, его запах — все это было моим миром. Это как пальцы на руке. Ты обхватишь дерево рукой и смотришь на собственные пальцы с другой его стороны. Удивительно тебе видеть свою руку так, будто она чужая, пока не пошевелишь пальцами.

Я радостно поделился:

— А там, я вчера видел козу. С козлятами.

— Это мясо, — Сын Салисы, наконец, оторвал взгляд от земли.

— Мясо.

— Хорошее мясо.

— Еще бы, — сказал я.

Я так радовался, что готов был немедленно бежать извиняться перед козой. Я не чувствовал себя, вот как я был рад! А то бы я обязательно различил в голосе Сына Салисы уверенность, не присущую ему...

— Они не хотят тебя... — сказал он.

— Не хотят... — задохнулся я от боли.

— Совсем, — сказал он.

— Совсем, — эхом, я.

— Потом, когда-нибудь...

— Когда-нибудь...

— С горы будет видно, — сказал он и пошел. Я смотрел ему вслед. Сын Салисы уходил, и я уменьшался вместе с ним. Мой мир. И я думал: какой он маленький, мой

мир, если даже такой человек, как Сын Салисы, способен его наполнить собой?

Конечно, я не пошел на Гору. Я затаился в зарослях ежевики, где река в последний раз, прежде чем броситься прочь, в луга, оборачивается к горе. Я устал ждать, пока вдаль не показался погребальный плот. Связанные между собой стволы деревьев ветвями, лишенными листьев, царапали воду точно так же, как сейчас в стойбище женщины нашего племени раздирают себе лица ногтями. Но я не женщина. Я зачерпнул ила. Холодного ила со дна реки. И опустил в него лицо. И пошел себе прочь. Тяжело будет плывущему на плоту Рыжебородому повстречать своего убийцу, пусть даже скорбящего...

Через пару дней в сумерках я пришел в стойбище за огнем. Мне предстояло жить одному, а что такое человек без своего костра? Я бы мог не прятаться, меня бы никто не тронул. Рыжебородый умер — мир съжился. Погибну я — мир сократится еще. Зачем? Но я не хотел видеть, как они, люди моего племени, будут отворачиваться от меня. Поэтому я подкрался со стороны леса, рассчитывая взять огонь, когда все уснут. Псы, которых здесь у стойбища шныряло множество, учуяли меня, но знакомый запах их успокоил. Я гладил их, а они урчали и облизывали мне колени. От пещер стойбища доносились голоса мужчин, преувеличено мужественные, обозначавшие готовность дать отпор прячущейся в ночи опасности. Пахло жарящимся на углях мясом. Женщины перекликались, созывая припозднившихся детей. Голоса женщин летели далеко в прозрачном вечернем воздухе и от этого казались особенно печальными и одинокими, как вопли гагар, отбившихся от стаи. У меня сжалось сердце от жалости — от реки шел Эли. Я ведь совсем забыл о старике. Кто его теперь накормит?!

Покачиваясь от усталости и тяжело переставляя ноги, Эли поравнялся со мной и неожиданно оглянулся в мою сторону. Я испуганно кнулся лицом в землю — вдруг Эли почует меня и выдаст неосторожным жестом! Когда я поднял голову — старик удалялся. Его тень волочилась за ним, как побитая...

«Чего я жду?» — подумал я, и выбрался из укрытия. Едва я миновал крайние пещеры, где селились молодые охотники, как встретил Чужого, Которого Оставила Женщина. Увидев меня, он закрыл уши руками и отвернулся. И так стоял, немой... Их мир больше не мой. И что я без них? Только я. Только мои глаза, мои уши, мои руки — вот какой я маленький. Я шел, а все встречные, закрывали уши и отворачивались... Из пещеры выбежал ребенок. Следом женщина.

Глупый ребенок, сунув палец в рот, с интересом уставился было на меня, но женщина, спохватившись, закрыла ребенку уши и, прижав к себе, увела его в пещеру. Один лишь Вигару сидел недвижимо у большого костра, и его взгляд пронзал меня, не задевая, так, будто меня не было. Быть может потому, что сегодня его лицо украшали зеленые разводы... Разве сегодня праздник?

Я взял из костра дымящуюся головню и, почтительно обойдя стороной лежащую на земле тень Вигару, направился прочь. И замер. Это Вигару приказал мне остано-

виться. Мой затылок потяжелел под его взглядом, у меня заломило в висках от мудрости Вигару, которую я ощутил, как струящийся сквозь меня поток. Как поток, который увлекает меня. И я, как щенок, брошенный с берега на стремнину, барахтаюсь и захлебываюсь в нем...

— Ты найди себе женщину, — сказал Вигару, — И это будет верно. И пусть она родит тебе сына. И это тоже будет верно. И вот тогда ты вернешься. И вот это и будет верно.

Голос Вигару звучал во мне, как мой собственный...

— Потому что Рыжебородого больше нет...

Голос Вигару затухал во мне...

— Старого Эли можешь взять себе... И это будет верно. Ты не умер.

Я не умер, задохнулся я от радости! Я жив! Еще некоторое время я стоял оглушенный, не смея пошевелиться, дышать не смея. Потом поднял глаза — пологи ближних пещер были приподняты и длинные языки света от горящих внутри пещер костров тянулись по каменистому откосу. И еще тени. Тени от стоящих внутри пещер людей тянулись ко мне. Все эти люди сейчас прислушивались к нашему с Вигару разговору, не решаясь выйти из своих убежищ. Значит, меня простили! Не то чтобы совсем простили, но хотя бы прислушиваются... Значит, я жив! Это быстрое прощение тогда мне не показалось странным. Я забыл вспомнить, как Сын Салисы просил меня не появляться в стойбище. Это потому что я тогда еще не умел понимать вещи раздельно друг от друга. Я тогда думал о том, что я обязан взять Учита-ту себе. Я убил Рыжебородого и теперь должен кормить Учита-ту. Она мне родит сына, думал я. Вигару будет доволен, все будут довольны, и я вернусь в племя. А о том, о чем я не хотел и боялся думать, я не думал.

Я ушел из стойбища, оставил в надежном месте тлеющую головню и вернулся к Учита-ту. Я прошел к стойбищу по склону горы, незамеченным. А ну как Учита-ту вновь покусает меня? Но не это меня пугало. Что зубы? Меня пугало непонятное — почему Учита-ту не хочет меня? Почему она смотрит на меня так? Ведь и тогда, на перекаате, она знала, что я не мог овладеть ею; и позже, когда все веселились и ею овладел Рыжебородый, она знала, что он сильнее меня, и поэтому я должен был уступить ее ему. Так я думал...

Я приблизился к заваленному стволами деревьев тьлоному входу в убежище Учита-ту и долго стоял, ожидая, пока меня почувствуют. Вначале дыхание Учита-ту внутри убежища было ровным и ничего мне не говорило, но вот, наконец, оно участилось, в нем появилось сдерживаемое напряжение, и я понял, что она пытается понять, кто прячется рядом с ее убежищем. Я отодвинул ствол дерева и скользнул внутрь — как же здесь темно. Мерцали угли погасшего костра, да еще от входа отсвечивал свет круглого желтого камня той, Имя Которой Произносить Нельзя. Из вороха шкур поблескивали глаза Учита-ту. Я все еще пытался понять ее, поэтому протянул к ней руку, но в этот момент желание наполнило меня. Почему так — чем больше твое желание, тем меньше ты чувствуешь все остальное?

Я не догадывался, но Рыжебородый, оказывается, не совсем уплыл вниз по Реке, а все это время часть его пряталась во мне. Рыжебородый вернулся ко мне вместе с моим желанием, и я вдруг вспомнил, как он владел Учита-ту, и как при этом смотрел на меня презрительно. И заражаясь презрением Рыжебородого, я ухватил Учита-ту за ногу и выдернул ее из шкур. И мне так хотелось ее презирать, что, не давая ей опомниться, я согнул Учита-ту, словно свернул утке шею. Согнул так же механически и равнодушно, как тогда Рыжебородый. Учита-ту опомнилась, побежала прочь, барахтаясь в моих руках, загребая руками и ногами земляной пол, сдирая с пола и стен шкуры. Это меня разозлило. Ведь сказал же Вигару — найди женщину. И вот мое желание привело меня к Учита-ту. И сейчас ничто не значит для меня более моего желания. Ух, Вигару! Что может быть сильнее Вигару — есть желание, исчезает все! Весь мир! Тогда весь мир это и есть одно мое большое желание — вот что такое Вигару. Ну разве не хорош человек? Если у него есть желание?

Я оторвал брыкающуюся Учита-ту от земли, повернул ее к себе спиной и овладел ею. И владел, пока не иссякло желание. Потом я ощутил себя, как раненый. Учита-ту скулила. Зачем? Разве она не чувствовала, как мне было хорошо, когда я владел ею? Потом я различил чью-то тень, тянущуюся ко мне от входа в пещеру. Я поднял глаза — Сын Салисы. Он стоял у входа в пещеру. В его руке, нанизанная жабрами на ивовый прут, серебрилась рыба. Рыба трепетала, разбрызгивая стекающие по ней капли воды и, казалось, плыла, путаясь в серебре вывернутых наизнанку узких ивовых листьев. Но рыба вовсе не плыла, это дрожала рука Сына Салисы. И я вдруг понял — Учита-ту со дня смерти Рыжебородого принадлежит Сыну Салисы. Сын Салисы знал, что я возьму Учита-ту себе, если вернусь, и не хотел моего возвращения в племя. Поэтому он и приходил, понял я, отговаривать меня.

Сын Салисы оскалился, и я испугался. Я не понимал почему, но робкий пугливый Сын Салисы сейчас был сильнее меня. Тут я наткнулся на взгляд Учита-ту и... И Сын Салисы метнулся. Я едва успел отпрыгнуть. Сын Салисы промахнулся — его зубы шелкнули, не дотянувшись до моего горла всего на ширину пальца. Презрение в глазах Учита-ту мне мешало — я стал слабым, таким, каким она меня видела.

Не смея повернуться к наступающему Сыну Салисы спиной, я пятился, пока не выбрался из-под скалы. Сделай я в этот момент одно поспешное или неверное движение, и Сын Салисы вцепился бы в меня...

Лишь шагах в сорока от убежища Учита-ту Сын Салисы как будто вспомнил о себе робком, и остановился. Тогда я ушел. Я шел в ночи, спотыкаясь о камни, и был так жалок, что даже, кажется, попискивал как суслик...

Эли я забрал себе. Кто будет кормить чужого старика? Едва я сбежал, Эли тут же ушел в нашу пещеру и почти не покидал ее, доедая прокопченное над костром мясо из наших старых запасов. А что потом? Потом бы Эли умер, и его бы отправили вслед за Рыжебородым по реке. Каждый старик знает, что он живет, пока живет хотя бы кто-то из его потомков.

Однажды, сидя с Эли у костра, я подумал, что, будь он рядом со мной все это время, меня бы не выгнали из племени. Во всяком случае, ударил бы я Рыжебородого слабее. Ну, покусал бы он меня... Эли лишь улынулся.

На новом месте Эли начал обустраиваться. Уходя из поселения, Эли прихватил с собой нашу медвежью шкуру-полог, которой теперь занавесил вход в расщелину. Дальний ее угол завалил травой с излучины реки. У выхода расчистил место для костра и наносил валежника, и наша пещера уже не казалась мне чужой. Трудился Эли в одиночку, потому что я охотился. Возвращаясь с добычей, я радовался видя сидящего на валуне у входа в жилище Эли. Если я возвращался с пустыми руками, я знал, что не останусь голодным — уж кто-кто, а запасливый Эли что-нибудь да придумает.

Как-то, преследуя бурундука, я забрел к одинокой скале на краю леса, той самой, на которой когда-то незнакомец оставил свою метку. Сразу за скалой простирался луг, но высокая луговая трава даже здесь, на опушке леса, царапала мне лицо, и это раздражало. Солнце подобрало тени, чтоб те не волочились по земле, как медвежья шкура, накинутая на ребенка, и было жарко. Досадуя на себя, за то что утратил след бурундука, я решил было возвращаться, когда моих ноздрей коснулся чужой запах. И не то чтобы он испугал меня, но волосы на затылке неприятно пошевелились. Я пригладил их и стал приноживаться. Да, это были люди. Незнакомые. Несколько. Смятение и ужас овладели мной. Если где-то когда-то человек и может быть своим носом, то сейчас я стал именно таким человеком-носом. Вот запах пота. Я почувствовал его соленый привкус у себя на языке. Запах выделанных шкур. Шкуры нашего племени пахли по-другому, потому что их соскребали... Я не успел додумать, как почувствовал запах обожженного дерева. Так пахнет обугленная на костре рукоять рогатины, когда ее запах смешивается с запахом ладони, держащей ее. Эти запахи не были знаком плохих намерений, и я несколько успокоился. И в этот момент я почувствовал женщину. Женщина! Я прислонился к скале... Женщина, не об этом ли говорил Вигару? Нужно украсть женщину! У меня заболела голова... Что делать? Если бы можно было посоветоваться с Эли! Но желание уже овладело мной. Я упал на землю. Вбирая в себя запахи травы, я принялся кататься по земле. Но тут кто-то голосом Эли сказал внутри меня; оставь это, так свои запахи не перебить. Это верно, понял я. Разве что зайти с подветренной чужакам стороны.

Согнувшись, я утонул в траве. Лишь бы только ветер не переменялся — сейчас он дул мне в лицо. Я сделал несколько шагов, и из-под ступней брызнула вода.

«Это хорошо, — обрадовался я. — Если придется убежать, то бежать нужно через луг — к воде запах не липнет. Хотя, с другой стороны, ноги проваливаются в зыбкой почве. К тому же на траве все равно останется запах. Нет уж, лучше взять левее, вон взгорок...»

Так думал я, успокаивая себя. С женщиной на плече разве убежишь от мужчин? Никогда. На что я надеялся? Если бы я мог думать, я бы не надеялся. Но запах женщины кружил мне голову. Слова Вигару звучали во мне. Жела-

ние владело мной, заглушая то маленькое, что скулило внутри меня и жалось в уголок, и царапало меня изнутри своими шершавыми паучьими лапками...

Я бежал с закрытыми глазами, и меня ничто не отвлекало от следа. Запах то бросался мне в ноздри, и тогда я обмирал от близости чужих, то истончался, и я, боясь потерять след, возвращался на несколько шагов, находил его и вновь бежал.

Наконец, запахи стали настолько сильны, что я вынужден был остановиться и, осторожно приподняв голову над травой, оглядеться — вот они! Чужие, несколько едва различимых точек, брели друг за другом по склону холма, возвышающегося по ту сторону луга. И какая-то из этих едва уловимых точек была женщиной.

Я вдруг почувствовал их. Я понял, с какой опаской смотрят они сейчас на незнакомые им горы, как им неуютно и тревожно. Как у вожака сводит от напряжения пальцы, сжимающие дубину. И от этого его ладони потеют. И этот запах далеко слышно. И воjak знает, что слышно. И поэтому ему еще тревожнее. «Зачем мы здесь?» — думает он. Волнение вожака передается следующим за ним мужчинам...

Ветер изменил направление, и, чтобы и далее оставаться незамеченным, мне пришлось пристроиться вслед за идущими. Я шел за ними, всматриваясь в каменистую почву у себя под ногами, и надеялся найти хотя бы что-то. Смятая травинка или отброшенный в сторону камень могли бы мне рассказать о чужаках. Но следов было мало, и это меня пугало. Значит, среди чужаков не было ни детей, ни старух. Старики, те знают, как надо скрывать свои следы, а вот старухи... Передо мной шли люди опытные, охотники, воины, а вовсе не кочующее племя, откуда, конечно, похитить человека проще... Что это? На травинке красная точка. Я присмотрелся — кровь! Кровь женщины. Молодой женщины. Веселой. Вот здесь она зачем-то отбежала в сторону — вон куда укатился камень, неосторожно отброшенный ее ногой. Здесь она зачем-то сорвала несъедобную траву. Вот опять кровь... Зачем они, эти опытные люди, взяли с собой женщину? Я слизнул ее кровь с травинки и ускорил шаг. Эта женщина будет моей, в этом я больше не сомневался.

Я увидел впереди себя мерно раскачивающие спины чужих и, как учил меня Эли, потупился. И обрел бредущих вереницей чужаков без смятения. Я извинился перед вожаком и дал ему понять, что я не вооружен.

«Я стал на твой след и недопустимо близко приблизился к тебе и твоим людям, но ты не опасайся. Ты не запнешься за мою тень. Ты не запнешься за мою тень. Не запнешься. Ты не запнешься», — твердил я, нагоняя идущих.

Все было неправильно, но, сосредоточившись на разговоре с вожаком, я об этом вначале не подумал. А потом я увидел женщину. Невысокая. Черные волосы разметало, словно ветром золу перегоревшего костра. Потрепанная шкура. Зим ей пятнадцать. Так я ее видел. Женщина вернулась от кустарника, куда вновь зачем-то отбегала, и пристроилась вслед за последним из идущих. И тут я подумал, что все неправильно. Женщина должна идти в середине группы. И главное — не было замыкающего, того кто бы

охранял идущих от нападения сзади.

«Вдруг замыкающий отстал! — испугался я. — Отстал и сейчас набросится на меня. Прыгнет мне на спину!»

Я затаился и некоторое время ждал, но замыкающий так и не появился. Его не было. Странно...

По левую руку от меня возвышался склон холма, по правую тянулись заросли кустарника. Вожак вел своих людей по склону, чуть выше кустарниковых зарослей. Если опасность будет грозить с вершины холма, можно быстро уйти в заросли, если группа подвергнется нападению из кустов, можно отступить на вершину холма и оттуда, сверху, отразить нападение.

Я спустился чуть ниже по склону и, прячась в кустарнике, стал нагонять чужаков. О, та, Имя Которой Произносить Нельзя, защити меня!

Я закрыл ей рот ладонью. Я закрыл ей рот ладонью, когда она в очередной раз отбежала к кустарнику. Она в очередной раз оставила мужчин, отбежала к кустарнику и принялась обрывать с ветки какой-то листочек. Глупая женщина! Я лежал в траве у ее ног. У самых ее ног, но она не чувствовала меня. Мужчины ее племени уходили за очередной поворот, а я смотрел снизу вверх на женщину, обрывающую глупый листочек с ветки. Вот каков я! Ее запах оглушил меня. Бедрa у нее были шире, чем у Учитату. Шире. Соски ее груди указывали в разные стороны. В разные! На животе ее ни волоска. Ни волоска! И тогда я закрыл ей рот ладонью. А в следующее мгновение я уже мчался. Я бежал вверх по склону холма, взвалив женщину себе на спину. Пусть это будет олененок, думал я, чтоб не думать о погоне. Женщина прокусила мне руку, которой я закрывал ей рот, она была меня и вырывалась, но у меня не было времени чувствовать боль. Пусть это будет олененок, думал я...

Я выбежал на вершину холма и остановился. Меня поразило то, о чем я подумаю позже, потому что сейчас я мог думать только о погоне, смотреть мог только себе за спину, удерживать мог только женщину у себя на спине. Но погони не было. С вершины холма я видел уходящую вдаль вереницу чужаков. И я не верил своим глазам — но их шаг стал шире. Да, шире! Этого нельзя было понять! Я украл у них женщину, а им безразлично. Неужели они такие трусы? Нет, я их не чувствовал так. Но тогда почему они не догоняют похитителя своей женщины? Тут я вспомнил о том, что меня поразило — река! Отсюда, с вершины холма, я увидел реку и то, что простиралось за ней. Раньше я был уверен, что река, обогнув стойбище, уходит в луга навсегда, а оказывается нет, она позже возвращается... Я сбросил женщину на землю. Она принялась шипеть на меня, как рассерженная кошка, а мне не было страшно. Я смотрел на реку, которая, словно змея, сверкая на солнце чешуей, уползала в луга, чтоб зонзить свое жало в мышь, прячущуюся за горизонтом. Я смотрел на огромные пространства за рекой, на синюющие вдалеке леса — мир был огромен. Соединяясь со мной, этот огромный мир дарил мне то величие, чувствовать которое раньше мне не приходилось. Сейчас я был рекой, стремящейся к горизонту, а еще я был заречными лугами, а еще во мне простирались те леса, что таяли вдалеке.

Вот каким большим может быть человек!

Я оглянулся — женщина была покорена моим величием — она заворожено смотрела вдаль.

— Тебя как зовут? — спросил я женщину.

— Лит... — прошептала женщина, не отводя взгляда от горизонта и от звука собственного голоса опомнившись, набросилась на меня как взбесившаяся рысь, а я рассмеялся. Я отталкивал ее, не позволяя расцарапать себе лицо. Достаточно было прокушенной руки. Верно? Потом Лит сорвала несъедобную травинку и уставилась на нее. Глупая Лит.

Лит тащилась за мной по гребню холма и тихо шипела мне в спину. Я не боялся, что она уйдет — куда ей уходить. Разве она сможет жить, если рядом с ней не будет мужчины? Ну, найдет себе другого мужчину, но кто сказал, что он будет лучше меня? Когда шипение стало надоедать, я разыскал в траве чесночный корень. Выдернув его из земли и отряхнув, я протянул его Лит — на, ешь. Ешь, Лит. И ты станешь красивой, как Усса. У тебя, Лит, будут бедра как стволы сросшегося дерева, и у тебя будет большая, наполненная молоком грудь, как у Уссы, чтоб кормить моих детей. Которых ты родишь мне. Ешь, Лит. Лит подумала и взяла чесночный корень...

Солнце догорало. Я спешил вернуться к Эли до наступления темноты, но ночь обогнала нас. И когда Лит стала жаться ко мне, испуганно косясь по сторонам, я принялся искать место для ночлега. По левую от меня руку простиралась болотистая низменность, в высокой траве которой ночью так тревожно, по правую, у подножия холма — река. Можно было спуститься к реке, но как беззащитен человек, над которым возвышается берег. Уже было совсем темно, когда я отыскал удобное место для ночлега — одинокий дуб на гребне холма с разможенным обугленным стволом. Так случается, когда та, Имя Которой Произносить Нельзя, гневается и швыряет головни своего костра на землю. Уф!

От некогда величественного дерева уцелела лишь та его часть, что нависала над рекой. Эти несколько ветвей, расходящиеся от ствола словно растопыренные пальцы, простирались над берегом реки на огромной высоте, и

не было никакой возможности понять, почему дерево не падает. Чем-то этот дуб напомнил мне Вигару, и я понял, что это хороший знак, и более не раздумывал. Уговаривать Лит взбираться на дерево не пришлось — всякому известно, как небезопасно человеку ночью на открытом месте. Еще немного, темнота наполнится голосами зверей, и тогда только Воа, да костер, которого у нас не было, могут защитить человека.

Солнце погасло, но небо в той стороне еще тлело. Мы с Лит сидели на ветвях и вслушивались. Где-то тьякнула гиена — это хорошо. Проснулся филин — тоже хорошо. Внизу, под нами, на берегу реки зашевелились тени, послышался шорох или всплеск. Все это меня радовало. Я боялся тишины. С тишиной ходит человек. Что ждать от

человека, не боящегося охотиться в ночи? И тут раздался звук. Я вцепился в ветку, на которой сидел, так он был ни на что не похож, этот звук, тянущийся длинно... У меня на затылке приподнялись волосы, но я не смел пошевелиться, чтоб коснуться их. Звук затих, и я услышал, как внутри меня кто-то возится и стучит. Если бы я сейчас думал, я бы услышал собственные мысли, так стало тихо. Лит поглядела на меня... И в следующее мгновение звук повторился — Лит! Это была Лит. Я что подумал вначале — я подумал что ей больно. Я подумал, что в ее племени все так стонут. Потом я подумал, что она хочет есть. И это было бы правильно, потому что я тоже проголодался. Потом я посмотрел на ее лицо и подумал... Я не знал, что думать, потому что этот звук ничего не значил. Это не был стон, это не был крик... Потом Лит увидела желудь. Стала пробовать дотянуться до него и едва не упала. Желудь невкусный, глупая Лит! Зачем тебе желудь?

И в это мгновение я услышал Его. По краю осязаемого мной мира двигался кто-то. Принимаю к моему следу. Замирая. Вслушиваясь. Это со мной всегда одинаково — будто в меня насыпали сырого песка. Мокрого речного песка. И он давит. Как тоска. Беспричинная тоска просыпается во мне раньше, чем я начинаю что-то слышать или видеть, и я понимаю ее, как грозящую непонятно откуда опасность. Тогда я прислушиваюсь и хочу обмануться... Лит по моему лицу все поняла и жалобно заскулила. Я толкнул ее — она затихла. И тут я сообразил — Он, тот, принимающий, идет по ее запаху. Как призывно пахнет кровь женщины!

«Ты мог бы подумать об этом прежде, чем устраиваться на ночлег, — упрекнул я себя, — Чему тебя только учил Эли? Ты не бросил ложный след. Ты не прошел по своему следу и не разметал его. Ты не сделал заячью скидку на своем следе. Эх!»

Нужно было спешить — брякнул камень, неосторожно задетый преследователем. Я сорвал немного дубовых листьев и протянул Лит. Мне нужен был ее запах, вот в чем дело. Быстрее, Лит! Я схватил испачканные ее кровью листья и спустился с дерева. Сейчас бы очень пригодилась хорошая рогатина! Или еще лучше палка с заостренным концом. Или дубина. Обоженная на костре узловатая дубина. Но отправляясь утром за бурундуком, разве мог я подумать, что мне придется схватиться с чужаком?

Вначале я побежал вдоль гребня холма так, как если бы мы с Лит миновали дерево. В одном месте я уронил дубовый лист. Затем, стараясь не оставлять следов на песке, я по камням спустился к реке. Здесь я тоже оставил запах Лит. Прошел немного водой и, выбравшись на берег, на всякий случай вновь оставил запах Лит. Я спешил. Запах Лит нужно было разметать как можно шире. Чтоб им пропахло все вокруг. Чтоб Он натыкался на него везде. Чтоб запах не указывал более на наше пристанище. Взобравшись на гребень холма, я по его противоположной стороне спустился к зарослям кустарника и бросился обратно, туда, откуда мы пришли. Если мне повезет, я успею стать на свой след далеко от дерева, на котором пряталась Лит, и попробую увести опасность подальше. На бегу пучком дубовых

листьев я изредка пачкал траву. А вот то место, которое нам с Лит пришлось долго огибать — заболоченный ручей. Он, этот ручей, так узок, что мужчина без труда дошвырнет камень до его противоположного берега, но непроходим. Я тогда, с Лит, было сунулся в него и сразу же утонул по колено, а потом еще долго бродил по берегу, выискивая брод. Ему тоже придется обходить этот ручей со стороны луга... Я замер — на противоположном берегу я увидел Незнакомца. Вон то, неотличимое от других черное пятно в камышах, и есть Он. Значит, Он давно уже услышал меня. Услышал, как я бегу по своему следу обратно, затаился и стал ждать. А ведь мне казалось, что я бежал бесшумно, как учил меня Эли. И тут Он, сообразив, что я не пойду далее по своему следу, вдруг молча бросился ко мне. Конечно, Он чувствовал воду впереди себя, но ведь Незнамец не мог знать, что эта вода для него — непреодолимое препятствие. И хотя я ждал этого броска, меня все равно пригнуло к земле — так обыденно Он ненавидел меня. Он меня хотел убить так просто, как ломают ветку дерева, нечаянно задевшую путника за лицо. Слово я был незначительной помехой у него на пути. Вот так он меня ненавидел. Мне стало больно от его желаний сломать меня, как ветку дерева. Больно, будто мне внутрь насыпали углей костра... Незнамец влетел в ручей и понял, почему я не убегаю. Он стоял на противоположном берегу, как огромная, черная, поднявшаяся со дна ручья коряга и смотрел на меня. Незнамец был выше меня на локоть, и в его фигуре чувствовалась мощь. Лица его я не видел, но знал, как шевелятся сейчас его ноздри. Как в бессильной ярости сжимает Он кулаки. Раздался всплеск, и Он исчез — метнулся вдоль ручья по моему следу. Я бросился прочь. Теперь я бежал к реке. Надо было надежно утопить в ней листья с кровью Лит. Иначе Незнамец тут же поймет, где я их сорвал. Ну, один лист, тот, что я уронил, могла сорвать женщина, так мог подумать Он, а вот целый пучок дубовых листьев! А ведь наш дуб единственный из растущих поблизости...

Я сделал крюк по берегу, несколько раз пересек свой собственный след, сделал заячью скидку и вернулся к Лит. Теперь оставалось ждать. Он все равно распутает мой след, другое дело, сколько ему на это понадобится времени! И есть ли смысл нам ждать утра на дереве? Быть может, нам стоит прямо сейчас броситься бежать? Если бы я был один!

«А вдруг Лит сейчас окликнет его? Радостно?» — подумал я.

Я посмотрел на Лит. В темноте глаза ее сверкали так ярко, что мне захотелось попросить ее зажмуриться, чтоб они, эти ее глаза, не выдали нас нечаянно. Нет, Незнамец не ее соплеменник. Иначе у нее не перехватывало бы дыхание от ужаса. Его присутствие ее пугает и Он не нравится ей. Очень не нравится. И это хорошо. Значит в схватке, если случится, Лит не будет стоять в стороне, ожидая победителя.

(Продолжение следует.)

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

СОДЕРЖАНИЕ:

Новости	стр.68
Алексей АСАДУЛИН «Сплавлялись мы по Вижаю...»	стр.69
Евгений ТАМПЛОН «Чемпионат России на приз «Суперстроя»	стр.72
Александр СЕРГЕЕВ «Мультиспорт, или Приключенческая гонка»	стр.76
Александр ПОЛЕЖАЕВ «Бушуй»	стр.77

Лето в разгаре. Жара! Город задыхается от пыли и выхлопных газов. На улицах то автомобильные пробки, то несущиеся лихачи. Гудки, вой сирен, скрип тормозов и громкая музыка из летних кафе.

И среди этого хаоса, как мелкие рыбки среди рифов, снуют ничем не занятые дети. Их родители трудятся, а их дети гуляют. Гуляют иногда до летней темноты, бесконтрольные и бесшабашные. Они любят рисковать, они ищут новых встреч, впечатлений. Ведь каникулы для них — это полная свобода.

Дорогие родители! А почему бы вам не показать им другую свободу — не подарить им Уральские горы? Взять детей, рюкзак — и вперед. Недалеко от городов всегда есть прекрасные места. Узнать о таких местах можно у знакомых туристов или в любом турклубе. Там вам обязательно подскажут несколько хороших вариантов.

Такой поход не займет много времени. С ночевкой — два выходных дня. Или, если есть желание и возможность, больше.

А ваши дети будут вспоминать эту ночь у костра, пропахшую дымом походную кашу и звезды над палаткой много месяцев, а может быть, даже всю жизнь.

Александр Челноков

19 июня в Музее Молодежи прошла пресс-конференция, посвященная уральским альпинистам и уникальному проекту «Русский путь — стены мира». Знаменитая связка — Алексей Кленов и Михаил Дэви — в составе сборной команды России за 16 дней прошли новый русский маршрут по одной из десяти проблемных мировых стен — полуторakilометровой стене Большого Паруса, расположенной за Полярным Кругом, на Баффиновой Земле в Канаде. Ранее по ней поднималась лишь американская экспедиция «Nord Face», но им на прохождение маршрута потребовалось 26 дней.

25 июня 2002 г. в рамках целевой Программы экологического просвещения жителей г. Екатеринбурга в Центре Культуры и искусства «Верх-Исетский» прошел детский городской экологический фестиваль «Сохраним планету Земля!». Проводил Фестиваль отдел по экологии и природопользованию Администрации г. Екатеринбурга.

С 29 июня по 5 июля по маршруту село Первомайское (под г. Первоуральском) — поселок Сарга прошла третья гонка «Урал-Трофи-2002». В ней участвовало более 30 машин. Внедорожники преодолели около 200 км сложнейшей трассы. Участники делились на две номинации: спортивную и туристическую. Первое место в спортивной номинации завоевал экипаж «тойоты» — уральцы Андрей Стихин (пилот) и Владимир Цукапов (штурман). В туристической номинации соревнования не было предусмотрено — их задачей являлось просто проехать по трассе. Эта гонка проводится уже третий раз. В этом году в ней участвовали не только уральцы.

14-16 июля рядом с порогом Ревун близ г. Каменск-Уральского прошел традиционный слет под названием «День туриста». Его организатор — городской турклуб. Сюда приехали команды не только из нашей области, но и из Кургана, Челябинска и Перми. Соревновались по водному, пешему, горному туризму, спортивному ориентированию, велотриалу. Дети-дошкольники состязались на туристской полосе препятствий.

Тон задавали студенческие команды. На пеших и горных трассах равных не было командам УПИ. В соревнованиях по водному туризму в условиях большой воды победила команда турклуба УрГУ.

Алексей АСАДУЛИН

Сплавлились мы весной по Вижаю...

«А река-то нынче бурная...» — заметили двое граждан, проплывая на лодке мимо Иринки Масловой и Виноградского Александра, висящих на кустах посреди реки.

Река Чусовая, 9 мая 1996 г.

Вижай — левый приток р. Вильва, протяженность примерно 150 км. Протекает по территории Пермской области. Категория сложности весной для байдарки — II, отдельные места (Пашийский прижим) — III. Сплав начинается у п. Сараны, заканчивается либо в п. Пашия, либо в г. Чусовом.

Мы были на этой реке уже в пятый раз, и каждый год видишь ее с новой стороны. Все зависит от уровня воды во время весеннего половодья.

Выехав из дома вечером, к обеду мы уже на Вижае. Позади — полуспячка в электричках, тряска старенькой «вахтовки» на ухабах по дороге от станции до реки...

На группу из 9 человек у нас три посуды: байдарка «Таймень-2», четырехместный и двухместный катамараны. Наша байда — раритет: с клееным-переклееным днищем, оторванным носом и цветными вставками по бокам (последствия первого посещения Вижая, когда мы с Сергеем врезались в берег и перевернулись в Пашийском прижиме). А вот нос байде оторвали во время предыдущего посещения этой «могучей» реки — когда лодку притопило, и мы неудачно выдергивали ее из-под бревна.

Но вернусь в нынешнюю весну. Подошли мы с Андреем Мокрушиным (напарником по плавсредству) к реке. Воды много, жутковато даже. Вижай в верховьях узок, несет здорово; водная поверхность — сплошные валы, высота которых доходит кое-где до метра. Берега поросли кустарником, за ним — лес (в основном ель, лиственница).

Отчалили мы первые. Фартук, юбки, каски, спасжилеты — все, как у людей. Я — в костюме типа «химзащита», а Мокрушину и в тельняшке жарко.

Плыву в одной лодке с Андреем. Сразу за поворотом — валы. Андрея скрывает водой вместе с

каскай. Минут через десять у него очередным валом срывает юбку с фартука, лодка быстро набирает воду и перевортывается через правый борт. (Надо сказать: Андрей кричал, что у него что-то произошло, но из-за шума реки слов я не расслышал.)

Но вот мы опять плывем самостоятельно, то есть «в автономе». Держу в одной руке кормовую чалку, в другой — весла. Особого страха не испытываю, не до этого. Андрей держится левой рукой за лодку, правой подгребают к берегу. Ногами мы порой пробегаем по дну, но в основном — плывем! Метров через сто пятьдесят сумели забиться в правобережный кустарник. Андрей замерз до полусмерти, зубами стучит, пальцы его не слушаются. Еще бы — он одет в джинсы, тельняшку, сапоги и каску. Меня «химзащита» спасла: хотя и продрог, но не так сильно, как Андрей.

Через пару минут подоспела основная часть группы. Пашка, ринувшись к нам на помощь, чуть не спрыгнул с ката прямо в воду. Вытащив лодку, обогрелись у костра, выпили по 50 грамм. На месте проведения спасработ снегу по колено, а под ним — вода. Перераспределили экипажи, поврежденную байду погрузили на кат-двойку — и снова в путь.

Минут через 5-10 дошли до места, ставшего нашей первой стоянкой. Земля сырая, кругом лужи, пришлось под места для палаток заготавливать лапник. За дровами Пашка и Сергей вынуждены были сплавить на противоположный берег.

За ужином Серега, несший в походе адмиральское бремя, сказал, что мы опять на Вижае, что у нас опять авария, и что в ней в очередной раз участвовал я.

Утром осмотрели лодку: сорвало несколько внешних заплат. Их мы приклеили обратно (авось не отвалятся). Нос фартука пришили к брезентовому верху «шкуры», на юбке Андрей укоротил (завязал узлом) резинку. Это нам помогло: в дальнейшем ни фартук, ни юбку волной уже не срывало.

Вышли поздно. Мы опять отплывали первыми. Отошли от берега, и я обнаружил, что у меня неправильно собрано весло (под левую руку). Вынуждены были экстренно чалиться.

Шли вперед уже более-менее спокойно: ночью уровень воды упал сантиметров на 10. На том месте, где перевернулись в прошлом году, я опять наступил на те же грабли — свернул в левую протоку. Но от островка-то мы успели отгрести, хотя все же налетели лагом на лежащее под водой поперек протоки бревно. На этот раз нам повезло: перепрыгнули через него без последствий.

Прошли первый порожек. Он в этот раз ничем особенным не удивил, был почти не заметен.

Ниже первого порожка река повеселела. Перед вторым прошли хорошие перекаты, Андрея опять захлестывало с головой. Камни в русле еще глубоко под водой, так что боролись мы в основном с валами. Они там разные: прямые, косые, отбойники на поворотах. В особо опасных моментах Андрей от избытка чувств орал: «Мясо! Я ем его сырым!»

Начало второго порога в этом году выражено было неярко — не поймешь, где порог, а где предшествующие перекаты.

Заночевали на правом берегу перед самым порогом. Лагерь поставили возле устья какого-то притока на открытом месте (правда, лес был рядом). Сразу за устьем — остатки разрушенного автомобильного моста, на карте он обозначен еще как целый (а от него ничего уже не осталось, просто видно по берегам, где он был).

Снега в лесу по колено и выше, но под ним часто вода. Приток тоже разбушевался. Серега с Пашей переходили его в поисках лучшей стоянки, так их чуть не снесло в Вижай. Клепцы в этом районе никогда не попадались, а для комаров еще не сезон. Для листвы пока тоже рановато. Зато по берегам еще частенько встречаются льдины. В общем, обычная уральская весна.

Утро. Отплытие. Перед мостом, сразу за стоянкой, перекаат. Сразу за первым левым поворотом — продолжение второго порога: хорошие валы и крутой правый поворот. На повороте по левому берегу — скала, от нее бьют мощные отбойники. Если идти на байде, то безопаснее держаться правого берега, все равно сносит к центру.

Третий порог (существующий на карте) мы никогда не видели: наверное, он ощущается только в очень большую воду.

Дальше до Пашии река относительно спокойная. Встречаются, довольно часто, острова. Проходить их желательно по основному руслу, иначе можно сесть на мель, что мы один раз и сделали. В очень большую воду ее поток идет по островам, и тогда здесь становится действительно жутковато. Попадают также прижимные участки и крутые

повороты со скалами по внешнему берегу — в большую воду и они опасны.

На подходе к Пашии прошли автомобильный брод. За ним русло троится, и мы выбрали центральную протоку.

Поселок Пашия раскинулся по обоим берегам, начинается он с действующей лесопилки на правом. На левом — величественный скальный массив-двузубец. У автомобильного моста, расположенного за лесопилкой, часть туристических групп уходит с маршрута, так как рядом с мостом — автобусная остановка. Река здесь спокойная, течет медленно, по солнечной погоде аж в сон бросает.

Перед пешеходным мостом Вижай сужается, течение ускоряется, берега принимают промышленный вид. Чалимся сразу же за мостом и идем на разведку Пашийского прижима, который начинается за ближайшим левым поворотом.

Метрах в двухстах ниже от пешеходного моста по правому берегу в реку впадает какой-то приток, через него переброшен пешеходный мостик. Выше на притоке, видимо, установлена плотина: вода в нем ревет и кипит. Сразу за его устьем начинается завод. На левом берегу тоже стоит промышленный корпус, который тянется практически до окончания прижима.

Зачалиться для разведки можно, в крайнем случае, и в устье притока. Ниже через Вижай переброшен железнодорожный мост заводского значения, за ним — трубопроводы. Сразу после них — левый поворот русла; собственно, это уже и есть Пашийский прижим.

Но все-таки сам Пашийский прижим начинается с прижима по правому берегу (вода здесь бьет в скалу), который с берега кажется незначительным. Однако катамараны тут иногда переворачивает. Чтобы избежать переворота, необходимо: во-первых — меньше пить на воде «огненной воды», во-вторых — держаться центра (если идешь на кате) или левого берега (если идешь на байде). После прижима у правого берега стоит «бочка», одна на весь порог. После нее — мощные валы. В конце порога — автомобильный мост.

При первом прохождении Вижая мы с Серегой пошли в Пашийский без разведки (ошиблись с порядковой нумерацией мостов), за что и поплатились — влетели как раз в этот прижим. Врезались, перевернулись через левый борт, и половину порога прошли в «автономе». Это и был наш первый «автономный» сплав. Помню, что было тогда: у меня в левой руке — кормовая чалка (веревка), правой я пытался за что-нибудь зацепиться. Весла — у Серегги. Наконец все же удалось схватиться рукой за скальный выступ, и с превеликим трудом мы втя-

нули байду в полузатопленный грот. С еще большим трудом мы ее перевернули, чтобы вылить воду. Краткий осмотр выявил наши потери: по правому борту порван брезентовый верх и сломана пара каркасных трубок (стрингеров).

Переодевшись, мы какими-то козыми тропами вылезли из грота наверх — за помощью. Найдя на берегу более удачливых коллег, с их помощью на веревках подняли лодку.

В этом же году мы поступили осмотрительней. Сходили на разведку, поглядели, поняли: пройти можно. Сначала поплыла «четверка», затем — «двойка». Андрей, поджидая меня, караулил «припаркованную» за третьим мостом байду. Он сказал: «Что-то на тебе лица нет». Я ответил: «Жутковато что-то...». Пока запаковывались, местный ребенок поинтересовался, откуда мы сплавляемся. Хорошо хоть не спросил: «А зачем?»

Идем... Держимся левого берега. Около него, где-то под водой, выходит труба с паром — из-за нее на поверхности образовался небольшой гейзер. Проходим устье притока и еще сильнее вжимаемся в левый берег.

За поворотом нас начинает стаскивать к центру потока. Минуем стороной «бочку», но нас все сильнее тащит в центр. Чтобы не допустить постановки лодки вдоль валов и ее переворота, по «языку» уходим в валы, стоящие сразу за «бочкой».

...По фартуку гуляет вода, валы метровые. Лодку швыряет, как на море: нос то взлетает вверх, то проваливается вниз между гребнями волн. Физически ощущаю, как скрипит каркас... От Андрея периодически видно только каску, иногда и ее скрывает водой. Он уже даже не кричит свое: «Мясо...», а ведь на входе в Прижим еще кричал... Зато на всю реку, как рассказали нам позже, были слышны мои вопли, перекрывающие шум воды: «Андрей! Держись! Держись! Андрей!»

Сразу за мостом благополучно зачаливаемся. Все вздохнули с облегчением — Прижим пройден.

Времени уже — седьмой час, нам пора вставать на стоянку. Ниже Прижима из препятствий встречается еще лишь пара перекатов. Выходим за Пашию. За ней река делает очередной левый поворот.

*Борьба с водой.
(Фото А. Лыхина.)*

На ее правом берегу — скальные выходы. С них местные «чупа-чупсы» (пионеры по старорежимному) любят оттачивать на проходящих мимо судах свое снайперское мастерство. Поэтому для безопасности держимся левого берега.

Вскоре встречается длинный низкий остров, напоминающий каменный отвал. Левая протока пошире и поспокойнее, в правой стоят валы. Но идем мы правой, так как сразу за островом на ней есть выход на такой берег, где можно поставить лагерь. Из левой же протоки туда не выгresti. В конце правой лежит большой незаметный обливной камень, на который мы, расслабившись, чуть не налетели. Сразу за ним мы и зачалились.

На этом наш сплав по Вижаю закончился.

В лесу на стоянке, в отличие от верховьев реки, снега не видно. Поздним вечером, в первый раз за весь поход, пошел дождь. Ночью он барабанил по стенкам палатки довольно сильно. Наверное, все потому, что Серега плеснул местному шайтану пива вместо спирта.

Утром мы, не торопясь, собрались, успев при этом даже немного позагорать. Через час были на автобусной остановке; двадцать минут езды — и мы уже на станции Горнозаводск. К вечеру электричками мы добрались до дома.

Евгений ТАМПЛОН

Чемпионат России на приз «Суперстройка»

Чемпионат России — это вам не трофи-рейд, когда можно в свое удовольствие проехать по очень плохой дороге и, если возникнет желание, даже полюбоваться окрестностями, а вечером в кругу друзей обсудить события ушедшего дня. Чемпионат России по трофи-спорту — это совсем другое. Это тяжелое испытание даже для очень хорошо подготовленных экипажей и автомобилей.

Чемпионат России проводится каждый год и состоит из нескольких этапов. В 2002 году их намечено пять. Первый прошел под Санкт-Петербургом в первых числах мая и назывался «Тосненские болота». Это была двухсуточная гонка по угрюмой болотистой местности, типичной для ландшафтов Ленинградской области.

Желающие принять участие во втором этапе Чемпионата прибыли к нам, на Средний Урал. Здесь, в окрестностях Сысерти, при могучей материальной поддержке фирмы «Суперстрой» состоялось продолжение российского чемпионата 2002 года. «Суточная гонка по уральскому бездорожью на Кубок Суперстройка» — так назывался этот участок годовой гонки за право быть первыми рейдерами России.

Итак, все по порядку. День 18 мая 2002 г. выдался солнечным и жарким. Более 50 машин и, соответственно, более 100 участников в присутствии множества зрителей собрались на площади перед Администрацией города Сысерти, чтобы последний раз полюбоваться на чистые и исправные машины трофи-рейдеров. С папугуственным словом выступила глава Сысертской Администрации, спонсоры и организаторы от ассоциации «Экстрим». Но самое

В команде работают все: и машины, и люди.

захватывающее действие началось в 10 км от столицы Сысертского района на берегу одноименной реки, где уже давно томились самые преданные зрители и огромные грузовые автомобили, в недрах которых прибыли боевые машины московских рейдеров — наиболее серьезных претендентов на победу. Ровно в 12:00 стартовала первая машина, а затем через каждые 10 минут в путь уходил новый экипаж с надеждой если не на победу, то хотя бы благополучное достижение финиша.

Согласно правилам проведения чемпионатов России, все участники, в зависимости от технических характеристик их автомобилей, разделяются на два класса: TP2 и TP3.

К самому многочисленному классу TP2 отнесены автомобили, не имеющие существенных отклонений от серийных моделей. В первую очередь проверялись величина дорожного просвета, подвеска и используемые покрышки. Те же, кто изменил традициям и предпочел приподнять свой автомобиль повыше, поставить тракторную резину,

были вместе со своими монстрами отнесены к классу ТРЗ. Их автомобили все остальные участники и зрители дружно окрестили «тракторами», поскольку внешне они ближе к трактору «Беларусь», нежели к маркам «тойота» или «лендровер», обозначенным на их кузовах.

Зачеты по классам проводятся отдельно, и награды победителям, соответственно, в каждом классе свои. Единственное, что объединяло две разновидности внедорожной спортивной техники — это дорога. Трасса прохождения для всех одна, и пройти ее надо как можно скорее и, желательно, без материальных и моральных потерь.

На все про все организаторы выделили 24 часа, поэтому все действие, помимо того, что это второй этап Чемпионата России, назвали еще «24 часа по бездорожью».

Насчет бездорожья организаторы оказались особенно правы. Для гонки были выбраны наиболее глухие места юга Свердловской области. От берега Сысерти, минуя лесами Верхнюю Сысерть, вдоль Сысертского кряжа участники должны были пробиться к озеру Сысертскому — это примерно в 25 км от старта. Там был устроен контрольный пункт, где стоял судья и зорко следил за тем, чтобы участники прошли все препятствия, столь тщательно подобранные организаторами. Те же, кто пытался скалтурить, получали штрафные очки и теряли шансы на медали, призы и доллары, которые ждали на финише победителей.

Для пуцего контроля вдоль всей трассы на деревьях были установлены троллейбусные компостеры, где полагалось компостировать специальные карточки, а затем предъявлять их на финише. «Правильные дырки на правильных карточках» говорили о том, что участник честно прошел всю трассу и испил чашу до дна.

Итак, после озера Сысертского, из которого берет начало р. Сысерть, трасса поворачивала резко вправо, на запад. Там по лесовозной дороге, петляя между вырубками, через бобровую речку Гремиху, через границу Европы и Азии, проходящую по Каслинско-Сысертскому кряжу, трасса подходит к старинному поселку Полдневая. Здесь, на берегах

речки Стебенежки, участников ждал второй контрольный пункт со вторым судьей.

А далее, после Полдневой, рейдеры должны вырваться на последний, третий этап и там, форсируя реку Чусовую, прямым ходом — естественно, по бездорожью, — финишировать на легендарной Азов-горе.

Так все просто и сухо выглядело на карте и в дорожной легенде. Реальность оказалась намного интереснее. Началось все согласно плану. Дорога, повернув на юг, повела к Сысертскому озеру, но буквально уже в 3 км от старта выяснилось, что дорога эта является зимником, то есть люди по ней ездят только зимой, на соответствующей технике. Именно зимой становятся проходими многочисленные болота и поймы ручьев — притоков р. Сысерти. Первое трехсотметровое болото оказалось для нескольких участников и последним. Одна за другой машины, с ходу форсируя небольшой ручеек, надолго застревали в болотной топи, по которой не то что ехать, даже идти в болотных сапогах весьма затруднительно.

Москвичи же на своих «тракторах» прошли болото, почти не останавливаясь.

Смелые и опытные рейдеры, такие как Олег Эйсмонт или Николай Панкратович, действовали грамотно и слаженно. Лебедки за дерево, подтянулись, снова лебедки за дерево, снова подтянулись — и так, выбирая топи помельче, за несколько часов болото переползли.

Некоторые увязли в нем навсегда — точнее, до среды (старт был в субботу), когда пришел тягач и

«Грязевая ванна».

выдернул из грязи последних бедолаг. Попались и люди остроумные. Так, Александр Ляной на легендарной «тойоте», которой оказался по плечу даже перевал Дятлова, решил всех обхитрить, и через ручей, с которого болото начиналось, перекинул мост из нескольких тонких березок. Но тяжело оказалось японское железо, «тойота» с чавканьем легла брюхом на болотные кочки, колеса завертелись впустую, и все — больше на трассе ни Александра Ляного, ни его «тойоты» никто не видел. Появился он уже на финише, благополучно добравшись до Азов-горы по асфальтированной дороге.

Те, кому удалось пройти коварное первое болото, закончили первый этап благополучно. Немного поплутали по лесным дорогам, но троллейбусные компостеры все нашли, и ближе к субботнему вечеру уцелевшие участники начали проходить КП. Здесь, на радость съехавшейся публике, гонщиков ждало второе серьезное испытание. На сей раз это была глинистая лесовозная дорога с такой глубиной колеи, что никакой автомобиль, даже класса ТРЗ, самостоятельно ее без помощи лебедки преодолеть был в не в состоянии. Наши уральцы перед лицом такого испытания оказались самыми стойкими. Не сетуя на судьбу, под одобрительные крики зрителей, разместившихся на обрывистой обочине, они взялись за свое привычное дело: тащить свой автомобиль на себе, конечно, при помощи лебедки. Москвичи же оказались несколько изворотливее. Несмотря на предупреждение судей и суровые взгляды местного лесника, они не стали испытывать судьбу на лесовозной дороге, а пошли лесом, сминая и валя деревья, что категорически запрещалось, поскольку эта территория принадлежит заказнику, где разводятся пятнистые олени. Олени, конечно, от шума и рева давно разбежались, а деревьям от московских бензопил немецкого производства досталось здорово. Досталось потом и организаторам соревнований от местных лесных властей.

Из законопослушных участников гонки на лесовозной дороге больше всех пострадал экипаж Игоря Ташкинова на «тойоте лэндкрузер». Уже в темноте из-за одного неловкого движения его «тойота» угодила в глубокую промоину, заполненную водой. Машина встала вертикально, и капот полностью погрузился в воду. Но надо отдать должное японской технике: двигатель под водой продолжал работать, а фары гореть. Впоследствии это купание на машине все-таки отразилось: добравшись до второго КП, им пришлось сойти с трассы, так как сгорел замоченный генератор.

Промоинной беды сразу не закончились. Среди самой грязи разбортовалось колесо. Пришлось его откатывать из липкой глины и менять в крошечной

темноте. После лесовозной дороги большинство экипажей начало плутать по разбегающимся лесорубным дорогам и вырубкам. В полной темноте даже спутниковая система навигации сильно выручить не в состоянии, поскольку машина может ехать только по дороге, даже если та очень плохая. Ломиться напрасно через густой лес под силу только отчаянным пешим туристам. К середине ночи большинство заплутавших успокоилось и стало ждать рассвета, уснув в самых неестественных позах: кто за рулем, кто на куче грязных тросов, а кто просто так, где сидел, там и оцепенел до рассвета.

В мае солнце встает рано, поэтому как только среди утреннего тумана начали проступать контуры деревьев, лес снова загудел от рева моторов. Последнее тяжелое испытание на этом этапе пути ждало рейдеров на речке Гремихе. Верховья ее издавна облюбовали бобры. Трудолюбивые животные перегородили ее во многих местах плотинами, понастроили хаток и жили себе в тишине и покое. Но не тут-то было: один за другим через бобровую речку полезли грязные автомобили, наполненные еще более грязными экипажами. От бобровых плотин поймы речки давно превратилась в глубокое болото, где глубина по пояс — далеко не предел. Но, на счастье рейдеров, бобры погрызли только маленькие деревья. Зацепить лебедки было за что, и волоком, от дерева к дереву, машины кто как мог протащили. А тут вскоре и второй промежуточный финиш на окраине поселка Полдневая. Субботним вечером преодолеть этот второй КП удалось только нескольким машинам, а местная и приезжая публика ждала представления. Сначала народ нетерпеливо ждал, потом, устав ждать, завеселился, кто как мог. Ближе к ночи на КП пришла немолодая и сильно накрашенная гражданка и заявила, что намерена танцевать. Сначала ее успокаивали, но она не унималась и все свои желания пыталась исполнить. Но поскольку вреда ответственному процессу судейства она не наносила, ее оставили в покое, предоставив полную свободу действий.

В три часа ночи судьи, уставшие ждать заплутавших во тьме рейдеров, заснули сами, но были разбужены треском и шумом, доносившимся с высокой ольхи, стоявшей рядом. Сначала решили, что это дикий зверь, но потом выяснилось, что это местный житель. На вопрос, зачем в три часа ночи он полез на вершину ольхи, он искренне ответил, что полез туда за дровами... Больше вопросов ему никто не задавал... Так закончилась ночь с субботы на воскресенье. Суточная гонка стала неумолимо приближаться к своему завершению. Те, кто прошли первые два этапа, прошли и третий — за исключением Игоря Ташкинова. Сильно подмоченный генератор его машины «приказал долго жить», а

без генератора можно двигаться только по асфальту, и то только в сторону авторемонтной мастерской. Остальные на Азов-гору забрались. Тех, кто прошел всю трассу, оказалось всего восемь. Судьба остальных пока оставалась неясна. Некоторые, кое-как выбравшись обратно из первого болота, решили заняться не гонками, а автотуризмом и благополучно добрались до Азов-горы по асфальту. Кое-кто даже умудрился организовать свои гонки с подвыпившим экипажем приبلудной «нивы». Попав в ДТП, они оказались там, где следует. Многие просто исчезли с горизонта, их следы затерялись в глухих сысертских лесах. А на Азов-горе в это время уже готовилось торжество, раскладывались медали и сдувалась пыль с кубков. Спонсоры последний раз пересчитывали доллары призового фонда: настал час с ними расставаться.

Пока шли эти приготовления, желающие могли сходить к «каменному городу», что громоздится на самой вершине горы. Там, на отвесной стене, нарисован портрет легендарной девки Азовки, что, по преданиям, заточена в горе со своими несметными богатствами.

Искать пещеру с девкой Азовкой никто не стал: этим тщетно занимаются многие поколения жителей города Полевского и окрестных сел. Тем более, что результаты гонки часам к семи вечера уже подсчитали, и стало ясно, что победили москвичи: в классе ТР2 — Михайлов Константин, Усенов

Георгий, и в классе ТР3 — Гадасин Борис, Козлов Игорь. Правда, у судей были сомнения, как быть с инцидентом с порубкой леса и пуганием пятнистых оленей после КП. Имело место грубое нарушение правил гонки, но решили не поднимать скандала, отдать победителям все, что полагалось, но в Москву сообщить. Пусть там решают, принять результаты гонки такими, как есть, или что-то менять. Второе и третье места достались нашим экипажам: Эйсмонт Олег, Калегин Дмитрий — II место ТР2; Павелин Евгений, Павелин Сергей — III место ТР2; Кондо Владимир, Стеценко Алексей — II место ТР3; Чечихин Алексей, Павлов Андрей — III место ТР3.

Но надо сказать, что Чемпионат России еще не окончен. Все можно будет наверстать на следующем этапе — «Александр Браун-2002», что пройдет в подмосковных лесах. Там и показать москвичам, как ездить надо.

Опустела Азов-гора только наутро, а окончание Кубка Суперстроя завершилось только через три дня — именно тогда достали последних измученных рейдеров из непролазной сысертской топи. Так начался у нас на Урале Трофи-сезон 2002 года.

Надо сказать, что класс ТР3 существует последний год. С 2003 г. использование подобного рода автомобилей на Чемпионате России будет запрещено.

Ох, и въехал!

Александр СЕРГЕЕВ

Мультиспорт, или приключенческая гонка

А. Иванов, организатор гонки (слева) и Н. Бондарь.

Мультиспорт возник на Западе недавно. Состязающиеся в нем спортсмены бегут по лесным тропинкам, потом сходу садятся на горные велосипеды, на следующем этапе плывут по порожистым рекам в лодках, затем лезут на отвесные скалы, бегут по снегу и ледникам через перевалы. Мало быть просто сильным и выносливым, чтобы участвовать в такой супермарафонской гонке — надо еще обладать навыками из различных видов спорта.

Теперь соревнования по мультиспорту проходят и у нас, на Урале. Их главный организатор — Андрей Иванов. Ему помогают друзья из «Уральской студии приключений» (UBZ). Андрей сам — «суперспортсмен», капитан российской команды, которая в 2001 году заняла четвертое место в соревнованиях по мультиспорту в Новой Зеландии.

Но вернемся на Урал. 21 июня 2002 года. На старте — 19 спортсменов из 8 городов России (Екатеринбург, Санкт-Петербург, Челябинск, Первоуральск, Новоуральск и др.). Трасса очень сложная. Для многих она оказалась непроходимой — 14 участников сошли с дистанции. Причинами таких сходов были травмы: ушибы, вывихи, потертости (мозоли), а также чрезмерная усталость. Соревнующиеся спали на маршруте, где придется. Один из участников на вопрос о сне ответил так: «Спал за двое суток два раза по тридцать минут и три раза по десять. Всегда выбирал сухое место, лучше на упавшем дереве».

Питались на маршруте самостоятельно, продукты пополняли на контрольных пунктах. На протяжении всего пути ориентировались по карте и ком-

пасу. Соревнования длились более двух суток. 23 июня в 2 часа ночи первым финишировал Николай Бондарь. Он из Новоуральска. Финальный подъем проходил по ступенькам лестницы на высоком скалистом берегу реки Чусовой, ведущим к турбазе «Кауровская». Николай тяжело шагал по ступенькам. Его победу видели только судьи — болельщики спали.

И только 12 часов спустя к финишу приблизилась Марина Либо (Санкт-Петербург). Девушка переплыла реку, течение ее снесло, но, выйдя из воды, она с хорошей скоростью побежала вверх по лестнице. Раздавались аплодисменты, крики: «Молодец, Ма-ри-на!» 250 км она преодолела за 53,5 часа. Марина Либо является одной из лучших мультиспортсменок России, а также она профессионально занимается спортивным ориентированием.

Еще через два часа финишировал Алексей Болотов (Екатеринбург). Он — один из известнейших российских альпинистов, участник восхождения на Макалу (1998 г.), а в начале июня Алексей вернулся из Гималаев, где уже второй раз покорял Эверест — причем шел в спортивном режиме, не используя баллоны с кислородом.

Участвуя в уральской приключенческой гонке, Алексей рассматривал старт в ней как хорошую тренировку. Вот что сказал он про двухдневный спринт: «Маршрут очень хороший — лучше и труднее буржуйских. Такого марш-броска мне еще не приходилось делать».

Марина Либо заняла второе место.

Фото А. Мясникова

Александр ПОЛЕЖАЕВ

Бушуй

Николай нехотя подчинился старому другу, которого уважал; а я сделал это с удовольствием, так как понял, что с пустыми руками гонору в нем поубавится, и ни о какой добыче ему и мечтать не придется, не только спорить.

В деревеньке я пошел на станцию, а старики зашли в магазин. Видно, дед сказал напарнику пару ласковых и теплых слов, так что, когда они пришли в зал ожидания, Николай был весел и, как ни в чем не бывало, шутил и балагурил. Они подкупили бутылку коньяка, и мы выпили ее в знак разрешения всех вопросов. Насчет глухаря никто не заикнулся.

Я помог деду довести собаку домой. Набегавшись, Бушуй был спокоен, дружелюбно помахивал хвостом, когда мы останавливались, поджидая деду. Тот устал и, хотя рюкзак его значительно полегчал, тяжелой поступью шел сзади.

— Ой, охотнички, заявили наконец-то, — встретила нас теща, причитая и охая. — Не напрасно хоть маялись? Ты-то, дед, все молодиться, все за молодыми хочешь угнаться; сидел бы дома, дел и по хозяйству много, а так только себя истязает.

Батя молчал. Потом пригласил в дом попить чаю, но я отказался, так как было уже темно, и надо было еще домой добираться.

— Ты, это, того, — проводил он меня, — соберешься на охоту, собаку бери. Она тебя знает, не уйдет от тебя. А я неизвестно когда соберусь еще. Собака молодая, а я уже стар для нее, устаю сильно. Жалко, если на привязи сидеть будет.

— Хорошо, — согласился я. Сбывались мои надежды.

У тестя был свой дом в Пионерском поселке, поэтому собака ему нужна была и для охраны. Но, действительно, жалко будет, если ее функции ограничатся только этим.

Я вспомнил про Юдина Сашку, что он зимой частенько ездил за зайцами с гончатниками и рассказывал мне об удачных охотах. Ему я и позволил, сообщил, что я теперь являюсь еще и совладельцем гончего пса.

— Хорошо! — обрадовался он. — А то все эти Воробьевы мне уже порядком надоели. Не своя собака, она и есть не своя. Шумные больно, да и

выпендрежа много, так, особой дружбы к ним я не испытываю. Я и сам давненько вынашиваю мыслишку гончака занять, но условий нет, сам знаешь.

Итак, компаньона я быстро нашел; причем, как оказалось, достаточно опытного. Он знал места возле Сарги, где было достаточно зайцев, знал несколько избушек там. В общем, все складывалось удачно.

В пятницу вечером мы уже выехали последней электричкой на охоту. Подмораживало, но морозов еще не было. Вышли за деревню, и по лесовозной, накатанной дороге пошли к избушке, до которой было километров пять. Ружья на всякий случай разложили — ночь есть ночь, вдруг на волков нарвемся!

На черном небе холодными угольками вывездились звезды, чернел лес по бокам от дороги, но сама дорога четко проглядывалась впереди, так что и фонарик был не нужен. Шлось легко, мы ощущали поскрипывающую твердость под ногами. Я уже одел валенки — помня предыдущую охоту, когда пришлось долго стоять на одном месте, — и вообще экипировался по-зимнему.

За час добрались до избушки. Александр достал свою «канадку», и мы стали заготавливать дрова. На все про все ушло часа три, но к одиннадцати вечера мы уже сидели на нарах в одних рубашках и пили чай. Раскалившаяся до красна печка-буржуйка гудела, как самолет; ярко горела свеча. Бушуй спокойно сидел под нарами, а мы — на просторных нарах, на которых и вчетвером можно свободно уместиться, и болтали. Вернее, рассказывал Александр:

— Зайца здесь много. Мы за зиму чуть не по сто штук брали, по семь-десять за выходные. Собака у Воробьевых, они отец с сыном. Зовут ее Сигнал, работала, как зверь. Может, и встретим еще. Но они то ли приболели нынче, то ли запьянствовали, то ли меня с хвоста скинуть хотят, но на охоту пока не собираются. Темнят что-то. Бог с ними! Зайцев почти я один стреляю из-под ихней собаки, а они самогону наберут и всю ночь в преферанс гоняют. И сами не спят, и мне мешают. А тут однажды просыпаюсь от шума — дерутся! Ха, да по серьезному. Из-за карт передрались! «Вы что, мужики, — стал их успокаивать, — завтра же на охоту, да какой завтра, четыре утра уже, сегодня!» Еле успокоил. Старому под шестьдесят, молодому за сорок, а как дети малые! Тут за неделю на заво-

Продолжение. Начало в №№ 5-6

де упадешь, думаешь в лесу — ночи-то зимой длинные, — отдохнуть. А эти придурки спать не дают. Выпить можно, но не до такой же степени! Хотя, как охотники, они тоже азартные. Пока собака гоняет, из леса не выгонишь.

— Этот тоже гоняет, но слабо, — сказал я про Бушуя.

— Ерунда! Главное, чтобы тьявал по следу, а зайца-второго возьмешь из-под него, покормишь зайчиной, и пойдет! Никуда не денется. Крови-то хорошие?

— Родословная есть.

— Пойдет. Главное: на первом круге брать из-под молодой собаки, потом он петлять начнет, а для этого сразу надо идти на лежку. На первом круге и без собаки можно брать, вдвоем. Один на лежке, другой по следу идет, покрикивает, как мы с Валеркой — он с моей работы — охотились, когда собаки не было. И брали! Зайца море, без дичи не уедем, не беспокойся; на меня положись, я в этом толк знаю. Не первый год зайцев долблю здесь.

Я знал Александра как человека основательно-го, и поэтому доверял ему, как себе. Тем более, что не раз бывал с ним на охотах, на сплаве и за ягодами. Очень практичный парень. В принципе, мы с ним дружили — хотя и жили далеко друг от друга. Ничто так не сближает, как общее дело, а особенно — охотничья страсть, лес и тяготы бивачной жизни. Но и дома он был увлекающейся натурой. По тем временам, у него был мощный аудиос-центр; Александр был не простым меломаном, а вдобавок разбирался в аудиотехнике, мог сам ее ремонтировать. Был начитан и играл, как и я, в волейбол. Нас многое сближало, несмотря на разность образования и профессий. Такой же собачатник, как и я. Редко, но мы бывали в гостях друг у друга.

Спать было мягко, так как одежду можно было подложить почти всю под себя — так хорошо грела печь, хотя ночью и пришлось пару раз подбрасывать в нее дрова.

И здесь Александр показал себя докой, заготовив сырых дров, горящих медленно, но дающих жар на более длительный срок.

Утром мы, спрятав рюкзаки и оставив записку на столе, что избушка занята на выходные, сразу перешли дорогу, спустились, перешли замерзший ручей и спустили собаку. Следов было много, и Бушуй тут же погнался.

Мы встали возле лежки, и вскоре Александр взял зайца.

— Он, не он? — спросил я, подходя и немного завидуя.

— Сейчас узнаем. — Александр отрезал пазан-

ки и подал мне зайца. — Первый собаке, остальные поровну. Таков охотничий закон. Правильно?

Что мне было делать? Я был рад, укладывая еще теплую, пушистую тушку в рюкзак. Вскоре подбежал и Бушуй.

— Вот, вот, вот, — подозвал я его и дал ему сначала один пазанок, а потом другой. Он с аппетитом, почти не жуя, проглотил их.

— Значит, гонного взяли, — уточнил Александр. — С полем, что ли?

— С полем, — я пожал ему руку.

Теперь я примерно прикидывал, как идет заяц, насколько отстает от него собака. Оставалось только самому взять из-под него зайца. Погодка установилась чудесная. Рыхлый, мягкий снег, чистый и пушистый; солнечное небо, ни ветерка, ни постороннего шума. Голос Бушуя, немного глуховатый, но с подвизгиванием, был отчетливо и далеко слышен, оживляя лесное безмолвие. Впервые я испытал красоту и удовлетворение от охоты с гончей.

Собака, казалось, тоже почувствовала уверенность после заячьих лапок и стала работать азартнее и ровнее. Я старался держаться возле лежки, выходя только на гон, выбирая для стрельбы место почище. И, наконец, мне повезло: я хлопнул зайца. Немного волновался, что не замечу его, белого на белом снегу, но в итоге все-таки увидел белый комочек, катящийся в мою сторону на фоне серых стволов осинника. Выждал, когда он подбежит на выстрел, и уложил с первого патрона.

— Гото-ов! — крикнул я Александру, но зайца подбирать не стал, давая возможность собаке потрепать его. Это должно подогреть ее азарт и придать уверенности. Пса еще нужно было натаскивать и натаскивать.

Бушуй шел с лаем по следу, чуть не проскочил зайца, но вовремя увидел, как тот бьется в агонию, подскочил к нему и придавил челюстями, как тисками.

— Хорошо, молодец! — похвалил я его и хотел было уже забрать добычу, но он шархнулся в сторону, прихватив зайца с собой.

— Ах ты, негодяй, — заорал я грозно. — Фу! Ну-ка дай! Я тебе!

Так как все происходило рядом, Бушуй бросил зверя и отбежал в сторону, боязливо поджимая хвост.

— Я тебе! — погрозил я ему кулаком, — побаловался, и будет.

Я отрезал пазанки ножом и, подозвав пса, бросил их ему.

— Вот теперь молодец, хорошо!

— Что, не отдаст добычу? — спросил с усмешкой подошедший Александр. — У них натура та-

кая. Еще учить да учить надо.

Я закурил, а Александр, сев на пенек, стал доставать своего зайца (всего мы взяли трех).

— Давай перекусим да зайцев разделаем, что лишнюю тяжесть таскать? Дрова есть, снега натопим. До вечера еще, может, успеем поохотиться.

Я привязал собаку и стал заниматься костром, поглядывая, как ловко Александр обдирает и разделявает добычу.

— Кишки не стоит давать собаке из-за глистов, которые могут в них быть; а вот почки, легкие можно, ну и голову, конечно, — он бросал все это Бушую, руки его были красные от крови, но, похоже, это его нисколько не смущало. — Шкура еще слабовата, видишь, рвется. Такую даже не выдлаешь, так что придется выбросить.

Он закончил и стал вытирать руки снегом, а потом согрел их возле костра.

— Не холодно? — спросил я, заваривая чай.

— От снега — да; а когда разделяешь зайца, то он еще теплый, так что сам руки греет. Как у Джека Лондона, помнишь?

— Это когда он собаку хотел замочить, чтобы руки обогреть? — припомнил я.

— Конечно, — он подсушил руки и бросил собаке еще одну голову. — Три ему, наверное, многовато будет, лучше на вечер оставить.

— Хватит с него. Он же как прорва. Худющий, — приглядывался я к собаке, с хрустом жевавшей голову зайца так, что только его уши, торчащие из пасти, шевелились. Вообще немного жутковатое зрелище, не для слабонервных; но жизнь есть жизнь! Природа вообще жестока, если не уметь с ней обращаться. Более жутко, наверное, тогда, когда какой-нибудь хищник поедает человека.

— Глисты, что ли, у него; или кормят плохо? — засомневался я.

— Ерунда. — Юдин достал провиант из рюкзака: хлеб, колбасу, консервы. — Охотничьи собаки, особенно такие зверовые, как гончие, не глистастые. Зайчатины с шерстью пожрет, и все глисты выйдут, если они есть, конечно. Кормят, наверное, плоховато, да бегают много. Самое то для собаки.

— Точно, — вспомнил я тот метод лечения от паразитов, когда в кишечник вводят кислород. — Он же с шерстью воздух заглатывает.

Я успокоился, и мы сели перекусить, а прожорливый Бушуй, привязанный, слизывал слюну с брылей, поглядывая на нас. Потом он еще гонял одного зайца, но то ли профессор ему попался и заделывал такие круги, что собака со слуха уходила, то ли сам пес сачковал после обеда, но взять зайца засветло мы не смогли. А пес все таявал в напывающих сумерках.

— Придет, никуда не денется, — заверил Александр. — Идем к избе, поглядим, может, кто уже присоседился.

Но по следам на снегу и нетронутой записке стало понятно, что никто избушку не посещал. Не спеша мы стали готовиться к ночевке. Скоро прибежала и собака. Я привязал ее к стойке нар и бросил оставшуюся голову зайца.

— Заслужил! Хоть мяса поест при такой жизни, верно?

— Разгоняется, будет сыт. — отозвался Александр. — Ты его на охоте вообще кроме зайчатины ничем не корми. Быстро сообразит, как жить дальше.

Загудела печка, затеплилась свеча. Жизнь продолжалась!

— Как ты к печенке заячьей относишься? — спросил Александр.

— Готовь, попробуем. С водкой все пойдет, лишь бы горячее было.

Оторвали печенку с сердцами зайцев, заправили их гречневой крупой и сели вечерять, делясь впечатлениями и рассказами из прежних охот, вспоминая знакомых и друзей.

Продолжение следует.

УРАЛЬСКИЙ
следопыт

7,2002

Директор редакции Сеницын Александр

Отдел истории и краеведения
Отдел художественной литературы
Художественный редактор, верстка
Редактор отдела «Встречный ветер»
Корреспондент
Корректор
Отдел по работе с письмами
Отдел по связям с общественностью
Рекламная служба

Юний Горбунов
Петр Родимов
Татьяна Суворова
Александр Челноков
Диана Четверкина
Елена Тришкина
Анна Родимова
Элла Сеницына
ООО «Уральское Рекламное Агентство»
тел. (3432) 22-45-01

Редакционный совет:

Владислав Крапивин
Сергей Казанцев
Кир Булычев
Николай Никонов
Борис Стругацкий
Геннадий Прашкевич
Олег Поскребышев
Станислав Мешавкин

Наблюдательный совет:

Фирсов Максим Юрьевич
Спектор Семён Исаакович
Радько Виктор Васильевич
Савенко Евгений Викторович

Учредитель: ООО «Редакция журнала «Уральский следопыт»

Регистрационное свидетельство № 441, выдано 13.12.90 г.
Министерством печати и массовой информации РСФСР.

ООО «Редакция журнала «Уральский следопыт»
обладает исключительным правом на логотипы и название журнала.
Рукописи не возвращаются.

Любое использование материалов журнала допускается
только с письменного согласия ООО «Редакция журнала «Уральский следопыт»

Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.

Цена по подписке 30 рублей.

По вопросам приобретения журнала обращаться по тел. **22-36-62**

Адрес редакции:

620142, г. Екатеринбург, ул. Декабристов, 67.

Тел. редакции: (3432) 224-501, 223-662

E-mail: E-mail: uralstalker@sky.ru

Адрес в Интернете:

<http://uralstalker.ekaterinburg.com>

© 000 «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»,

«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ», 7-2002

Формат бумаги: 84x108/16. Бумага газетная. Печать офсетная. Тираж 4500. Заказ № 966
Отпечатано в типографии «Уральские военные вести», г. Екатеринбург, ул. Народной воли, 62.

УРАЛЬСКАЯ ГОРНАЯ СТРАНА

ПРИПОЛЯРНЫЙ УРАЛ

ГЛАВНАЯ ВЕРШИНА УРАЛА – НАРОДНАЯ

Ее назвали главной и Народной сравнительно недавно. В 1927 году состоялась экспедиция под руководством А.Н. Алешкова, которая определила высоту окружающих гор и выделила самую высокую из них – 1895 м, в верховьях реки Народы. Гору эту и после открытия некоторые географы произносили с ударением на первой “а” – Народная, хотя сам автор названия утверждал, что он сразу назвал ее в честь народа. И все же, очевидно, название реки сыграло в этом свою роль.

Потрясающая картина открывается с главной вершины Урала. На север, юг и особенно на запад идут бесконечные гряды остроконечных гор до самого горизонта. Не верится, что ты на Урале. Кажется, что находишься на вершине огромной горной страны без конца и края. И только глядя на юго-восток, в долины рек западно-сибирской низменности, которые подходят близко к вершине, возвращаешься к реальности – ты на древнем, сравнительно не высоком, но достаточно суровом и прекрасном Урале.

О суровости говорит уже то, что в самом начале подъема исчезает растительность. Скалы и осыпи камней плоские и темные, как будто только что произошло их разрушение. Нет на них тех желтых или оранжевых лишайников, которые так приятно украшают скалы на Южном, Среднем

и даже Северном Урале. Склоны местами очень крутые, но иногда встречаются и плато с небольшими горными озерами. Вершина Народной имеет сравнительно небольшую каменистую площадку с крутыми отвесными краями. С южной стороны резко уходит вниз каровая долина с верховьями реки Народы, окруженная со всех сторон такими высокими горами, что кажется удивительным, как она нашла себе выход из этой горной чаши.

Вершину Народной не так просто увидеть, точнее узнать ее со стороны, так как она не имеет конкретной узнаваемой формы, как, скажем, Сабля или Манарага и, кроме того, окружена похожими на нее горами.

...При спуске с горы, а это было в середине июня, мы имели возможность скатиться вниз метров на двести по снежнику, испытав огромное удовольствие. Ниже снежника уже видна трава, цветы и среди них желтыми кустиками заметно выделяется наш старый знакомый – золотой корень.

Спускаемся в долину реки Манараги, которая приведет нас к красивой на Урале горе с одноименным названием – Манарага.

Евгений Савенко. Фото автора.

Начало серии «Уральская горная страна» в №3, 2001

Хочешь двигаться — ищи попутчика!

Свердловский областной
клинический психоневрологический
госпиталь для ветеранов войн

УРАЛЬСКИЙ
МЕБЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР
(3432) 22-04-81
